Volume 25. No. 2

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LEGAL CONCEPT

2026

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

Том 25. № 2

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LEGAL CONCEPT

2026
Volume 25. No. 2

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2026
Том 25. № 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

LEGAL CONCEPT

PRAVOVAYA PARADIGMA

2026. Vol. 25. No. 2

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

Mainstream issue:

Founder:
Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
"Volgograd State University"

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПИ № ФС77-69269** of March 29, 2017)

The journal is included into **"The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate's Degree Theses and Doctoral Degree Theses"** that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **CrossRef** (USA), **Google Scholar** (USA), **ProQuest** (USA), **SciUp** (Russia), **"CyberLeninka" Scientific Electronic Library** (Russia), **"Socionet" Information Resources** (Russia), **IPRbooks E-Library System** (Russia), **E-Library System "University Online Library"** (Russia)

Editorial Staff:
Assoc. Prof., Dr. *I.S. Dikarev* – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *M.L. Davydova* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *M.Yu. Kozlova* – Executive Secretary (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *D.V. Kononenko* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:
Prof., Dr. *A.Kh. Abashidze* (Moscow); Dr. *L.A. Bukalerova* (Moscow); Prof., Dr. *G.A. Vasilevich* (Minsk, Belarus); Prof., Dr. *A.I. Goncharov* (Volgograd); Prof., Dr. *N.I. Grachev* (Volgograd); Prof., Dr. *T.V. Deryugina* (Moscow); Prof., Dr. *V.V. Dolinskaya* (Moscow); Prof., Dr. *N.Yu. Erpyleva* (Moscow); Prof., Dr. *L.G. Efimova* (Moscow); Prof., Dr. *V.P. Kamyshanskiy* (Krasnodar); Prof., Dr. *D.K. Labin* (Moscow); Prof., Dr. *L.V. Lobanova* (Volgograd); Prof., Dr. *I.A. Mikhaylova* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *N.V. Pavlichenko* (Moscow); Dr. *J.L. Perez Alvarado* (Dominican Republic); Prof., Dr. *V.F. Ponka* (Moscow); Prof., Dr. *S.B. Rossinskiy* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *V.A. Rudkovskiy* (Volgograd); Prof., Dr., Acad. of RANH *V.A. Ruchkin* (Volgograd); Assoc. Prof., Dr. *A.V. Serebrennikova* (Moscow); Prof., Dr. *E.E. Frolova* (Moscow); Prof., Dr. *O.A. Yastrebov* (Moscow)

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova, M.V. Gayval, U.V. Naumova*
Editor of English texts is *D.A. Novak*
Making up by *Yu.A. Nikitina*
Technical editing by *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing on July 14, 2026.
Date of publication: Oct. 27, 2026. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 16.3. Published pages 17.5.
Number of copies 500 (1st printing 1–30 copies).
Order 83. «C» 22.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.
Postal Address:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Publishing House
of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-02-72. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Journal website: https://j.jvolsu.com
English version of the website: https://j.jvolsu.com/index.php/en/

© Volgograd State University, 2026

LEGAL CONCEPT

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2026. Т. 25. № 2

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Главная тема номера:

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС77-69269** от 29 марта 2017 г.)

Журнал включен в **«Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»**, вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базу **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **CrossRef** (США), **Google Scholar** (США), **ProQuest** (США), **SciUp** (Россия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия), **Электронно-библиотечная система IPRbooks** (Россия), **Электронно-библиотечная система «Университетская библиотека онлайн»** (Россия)

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, доц. *И.С. Дикарев* – главный редактор (г. Волгоград)

д-р юрид. наук, проф. *М.Л. Давыдова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)

канд. юрид. наук, доц. *М.Ю. Козлова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)

канд. юрид. наук, доц. *Д.В. Кононенко* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р юрид. наук, проф. *А.Х. Абашидзе* (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. *Л.А. Букалерова* (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. *Г.А. Василевич* (г. Минск, Беларусь); д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф. *А.И. Гончаров* (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. *Н.И. Грачев* (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. *Т.В. Дерюгина* (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. *В.В. Долинская* (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. *Н.Ю. Ерпылева* (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. *Л.Г. Ефимова* (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. *В.П. Камышанский* (г. Краснодар); д-р юрид. наук, проф. *Д.К. Лабин* (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. *Л.В. Лобанова* (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. *И.А. Михайлова* (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. *Н.В. Павличенко* (г. Москва); д-р юрид. наук *Х.Л. Перес Альварадо* (Доминиканская Республика); д-р юрид. наук, проф. *В.Ф. Понька* (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. *С.Б. Россинский* (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. *В.А. Рудковский* (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф., акад. РАЕ *В.А. Ручкин* (г. Волгоград); д-р юрид. наук, доц. *А.В. Серебренникова* (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. *Е.Е. Фролова* (г. Москва); д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф. *О.А. Ястребов* (г. Москва)

Редакторы, корректоры: *Н.М. Вишнякова, М.В. Гайваль, У.В. Наумова*

Редактор английских текстов *Д.А. Новак*

Верстка *Ю.А. Никитиной*

Техническое редактирование *Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 14.07 2026 г.

Дата выхода в свет: 27.10 2026 г. Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,3. Уч.-изд. л. 17,5. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30 экз.). Заказ 83. «С» 22.

Свободная цена

Адрес типографии: 400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32. Почтовый адрес: 400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100. Издательство Волгоградского государственного университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-02-72. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Сайт журнала: https://j.jvolsu.com
Англояз. сайт журнала: https://j.jvolsu.com/index.php/en/

CC BY

© ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Шанин А.А., Чагин В.С., Юшкина Т.В. Правовая культура и ее место в культурной системе общества 6

Епифанов А.Е. К вопросу о роли Министерства внутренних дел Российской империи в формировании и реализации государственной политики в сфере виноделия начала XIX века 13

Кабанов В.А. Животные как субъекты права: опыт средневекового правосудия 20

Голоманчук Э.В., Абезин Д.Д. Корпоративный конфликт и конфликт интересов: способы разрешения в компаниях с государственным участием 27

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Чеговадзе Л.А. О действиях как предмете гражданского права и о приемах их регулирования 33

Максуров А.А. Мультимодальная перевозка: признаки и сфера правового регулирования 41

Кайль Я.Я., Усанова В.А. Забота о родителях: содержательный аспект 49

Крайнов А.В. Особенности действия принципа беспрепятственного осуществления гражданских прав в возмездных договорных обязательствах 56

Каменнов И.А. Особенности договора авторского заказа 64

Мельников М.Н. Неотчуждаемость как межотраслевая правовая категория: цивилистический аспект 72

Политкин И.А. Собрание членов гражданско-правового сообщества как орган принятия решений 81

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Батоев В.Б. Об использовании беспилотных летательных аппаратов при проведении оперативно-разыскного мероприятия «Наблюдение» 89

Яковлева О.А. К вопросу о квалификации хищений с неопределенным умыслом 101

Гончаров И.В. Опыт законодательной пенализации деяний, связанных с нарушением правил дорожного движения, в государствах Евразийского экономического союза 106

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Бирюков Н.С. Перспективы стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе Российской Федерации: сохранение, функциональная трансформация и возможные пути реформирования 113

Шелехова И.В. Пределы выполнения функций органа дознания капитанами морских судов, находящихся в дальнем плавании 122

Гаврилова Ю.А. Дискуссионные вопросы применения искусственного интеллекта судами в Российской Федерации 128

Олейник Е.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве в России: от декларации к реальной защите (кризис и реформы) 137

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Тумаков А.В. Цифровой профиль как элемент участия субъекта в гражданском обороте цифровых объектов 143

Малый В.И., Малая С.В. К вопросу о сущности цифрового права в условиях перехода к экономике данных 152

Каплунова Н.А. Электронно-дистанционный формат взаимодействия суда и нотариата: вопросы теории и практики 161

Коваленко М.А. Изменения в порядке оказания медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий в России 168

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE OF STATE LEGAL DEVELOPMENT

Shanin A.A., Chagin V.S., Yushkina T.V. Legal Culture and Its Place in the Cultural System of Society 6

Epifanov A.E. On the Role of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the Formation and Implementation of State Policy in Winemaking in the Early 19th Century 13

Kabanov V.A. Animals as Legal Subjects: The Experience of Medieval Justice 20

Golomanchuk A.V., Abezin D.D. Corporate Conflict and Conflict of Interest: Resolution Mechanisms in State-Participated Companies 27

ISSUES OF PRIVATE LAW REGULATION: HISTORY AND MODERNITY

Chegovadze L.A. On Actions as the Subject Matter of Civil Law and on the Techniques of Their Regulation 33

Maksurov A.A. Multimodal Carriage: Characteristics and Scope of Legal Regulation 41

Kail Ya.Ya., Usanova V.A. Care for Parents: The Substantive Aspect 49

Krainov A.V. Specific Features of the Operation of the Principle of Unhindered Exercise of Civil Rights in Compensatory Contractual Obligations 56

Kamennov I.A. Specific Features of the Author's Order Contract 64

Melnikov M.N. Inalienability as an Intersectoral Legal Category: A Civil-Law Aspect 72

Politkin I.A. Meeting of Members of a Civil-Law Community as a Decision-Making Body 81

CRIME PREVENTION AND LEGAL LIABILITY DIFFERENTIATION

Batoev V.B. On the Use of Unmanned Aerial Vehicles in the Conduct of the Operational-Search Activity "Observation" 89

Yakovleva O.A. On the Qualification of Theft with Indefinite Intent 101

Goncharov I.V. The Experience of Legislative Penalization of Traffic-Related Offenses in the States of the Eurasian Economic Union 106

PROCEDURAL LAW: ISSUES OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT

Biryukov S.V. Prospects of the Stage of Initiating Criminal Proceedings in the Criminal Process of the Russian Federation: Preservation, Functional Transformation and Possible Ways of Reform 113

Shelehova I.V. Limits of the Performance of Inquiry Body Functions by Sea Captains on Long-Distance Voyages 122

Gavrilova Ju.A. Debatable Issues of the Use of Artificial Intelligence by Courts in the Russian Federation 128

Oleynik E.A. Pre-Trial Cooperation Agreement in Russia: From Declaration to Real Protection (Crisis and Reforms) 137

DIGITAL TRANSFORMATION OF LEGAL REGULATION

Tumakov A.V. Digital Profile as an Element of Subject Participation in Civil Circulation of Digital Objects 143

Malyi V.I., Malaya S.V. On the Essence of Digital Law in the Context of the Transition to a Data Economy 152

Kaplunova N.A. Electronic-Remote Format of Interaction Between Courts and Notaries: Issues of Theory and Practice 161

Kovalenko M.A. Changes in the Procedure for the Provision of Medical Care Using Telemedicine Technologies in Russia 168

www.volsu.ru

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.1

UDC 340.1
LBC 67.0

Submitted: 20.01.2026
Accepted: 01.06.2026

LEGAL CULTURE AND ITS PLACE IN THE CULTURAL SYSTEM OF SOCIETY

Andrey A. Shanin
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Vladimir S. Chagin
Krasnodar Cooperative Institute (Branch) of Russian University of Cooperation, Krasnodar, Russian Federation

Tatiana V. Yushkina
Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: the paper provides a comprehensive theoretical-legal and sociological analysis of the phenomenon of legal culture as an integral element of the cultural system of society. It investigates the essence, structure, and functions of legal culture. It determines its specificity and place in the general system of the culture and analyzes interrelations with other systems (political, moral, and religious). It also examines the mechanisms of legal culture's influence on the state of legal order, the effectiveness of legal regulation, and the level of legal socialization of individuals. The **purpose** of the study is to identify the essential characteristics of legal culture and determine its specific place and functional significance in the cultural system of society. **Methods:** the methodology is based on the general scientific and specific scientific methods corresponding to the interdisciplinary nature of the problem: the systemic, historical, sociological, and comparative-law methods and the structural-functional analysis, along with the axiological approach. **Results:** the paper reveals the essence and structure of legal culture, discloses the interaction of legal culture with other elements of the cultural system, and defines the functions of legal culture in the cultural system and society. **Conclusions:** the paper draws a conclusion about the key role of legal culture as a factor of stability, legitimacy, and dynamic development of the legal system in the conditions of modern socio-cultural transformations.

Key words: legal culture, culture of society, legal system, legal consciousness, legal values, legal behavior, legal socialization, cultural system.

Citation. Shanin A.A., Chagin V.S., Yushkina T.V. Legal Culture and Its Place in the Cultural System of Society. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 6-12. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.1

© Шанин А.А., Чагин В.С., Юшкина Т.В., 2026

УДК 340.1
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 20.01.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ МЕСТО В КУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА

Андрей Александрович Шанин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Владимир Сергеевич Чагин

Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, г. Краснодар, Российская Федерация

Татьяна Викторовна Юшкина

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Введение: статья посвящена комплексному теоретико-правовому и социологическому анализу феномена правовой культуры как неотъемлемого элемента культурной системы общества. Исследуется сущность, структура и функции правовой культуры. Определяется ее специфика и место в общей системе культуры, анализируются взаимосвязи с другими системами (политической, нравственной, религиозной). Рассматриваются механизмы влияния правовой культуры на состояние правопорядка, эффективность правового регулирования и уровень правовой социализации индивидов. **Цель и задачи** исследования заключаются в выявлении сущностных характеристик правовой культуры, определении ее специфического места и функционального значения в культурной системе общества. **Методология** исследования базируется на комплексе общенаучных и частно-научных методов, соответствующих междисциплинарному характеру проблемы: системный, исторический, социологический, сравнительно-правовой методы, структурно-функциональный анализ, аксиологический подход. **В результате** проведенного исследования раскрываются сущность и структура правовой культуры, раскрывается взаимодействие правовой культуры с другими элементами культурной системы, определены функции правовой культуры в культурной системе и обществе. Сделан **вывод** о ключевой роли правовой культуры как фактора стабильности, легитимности и динамичного развития правовой системы в условиях современных социокультурных трансформаций.

Ключевые слова: правовая культура, культура общества, правовая система, правосознание, правовые ценности, правовое поведение, правовая социализация, культурная система.

Цитирование. Шанин А. А., Чагин В. С., Юшкина Т. В. Правовая культура и ее место в культурной системе общества // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 6–12. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.1

Введение

Исследование правовой культуры в контексте культурной системы общества приобретает повышенную научную и практическую значимость в силу ряда обстоятельств, вызванных кризисным явлением в правовой сфере, интеграционными и глобализационными процессами, цифровой трансформацией и проблемами легитимности права.

Кризисные явления в правовой сфере образованы низким уровнем правопорядка. Правовой нигилизм, неэффективность правоприменения во многом коренятся в дефиците или деформациях правовой культуры [3, с. 184]. Понимание ее природы необходимо для разработки стратегий правового воспитания и укрепления законности. Интеграционные и глобализационные процессы отражаются во взаимодействии различных правовых культур, требуют осмысления их культурных оснований и механизмов адаптации / отторжения правовых инноваций [2]. Принятие и добровольное соблюдение норм населением напрямую зависит от их укорененности в ценностной структуре правовой культуры общества. Исследование ее роли в культурной системе общества позволяет выявить источники правопорядка.

Сущность и структура правовой культуры: теоретико-методологические подходы

Анализируя структурную организацию данного явления, исследователи предлагают рассматривать правовую культуру как систему взаимосвязанных компонентов, каждый из которых выполняет специфическую функцию. Интересно отметить, что эволюция методологических подходов привела к расширению представлений о структуре правовой культуры. Кроме того, правовая культура представляет собой качественное состояние правовой жизни общества, выраженное в уровне развития правосознания, законодательства, юридической практики и воплощенное в правомерном поведении субъектов.

Таким образом, в структуре правовой культуры выделяют следующие основные элементы:

1) когнитивный элемент, представляющий собой совокупность правовых знаний, представлений, понятий, существующих в обществе. Включает знание норм, принципов права, понимание его роли и назначения [4, с. 248];

2) ценностно-нормативный элемент, представляющий собой систему правовых ценностей (справедливость, свобода, равенство, законность, права человека), правовых принципов, правовых норм (как писаных, так и неписаных), правовых традиций и символов. Является смысловым ядром правовой культуры;

3) поведенческий элемент – установки, ориентации, навыки и образцы правомерного (и/или противоправного) поведения индивидов, социальных групп и институтов; уровень правовой активности (правотворческой, правоприменительной, правореализационной);

4) институциональный элемент, которой представляет собой состояние и характер функционирования правовых институтов (законодательных, исполнительных, судебных органов, правоохранительной системы), их способность эффективно и справедливо обеспечивать действие права [6, с. 22–24];

5) коммуникативный элемент – процессы и способы распространения правовой информации, правового воспитания, формирования правового менталитета через СМИ, образование, искусство, профессиональную юридическую деятельность.

Исследователи отмечают, что в современном правоведении вопрос о сущностных характеристиках правовой культуры становится все более актуальным. Правовая культура представляет собой сложный социально-правовой феномен, требующий комплексного теоретико-методологического осмысления, выходящего за рамки традиционного понимания. Многоаспектное исследование правовой культуры требует интеграции различных методологических подходов, что позволяет раскрыть ее сложную природу как социокультурного феномена, влияющего на все сферы общественной жизни.

Правовая культура как подсистема культурной системы общества

Правовая культура и ее элементы, образуя собой единство, тесно взаимодействуют со всей правовой системой общества в целом и ее элементами в отдельности.

Культурная система общества представляет собой целостное образование, включающее подсистемы: материальную, духовную (наука, искусство, философия, мораль, религия), политическую, социальную и правовую культуру. Правовая культура, будучи относительно автономной, глубоко интегрирована в эту систему, выполняя специфические функции и испытывая влияние других культурных подсистем [7, с. 48]. Ее специфика заключается в нормативно-регулятивной направленности, основная функция которой это обеспечение социальной регуляции через право, поддержание правопорядка. К другой особенности относится институционализация, как тесная связь с формальными институтами власти и принуждения (государство, суд). Еще одной отличительной чертой является общеобязательность, где транслируемые ценности и нормы носят не рекомендательный, а императивный характер, подкрепленный санкциями. Профессиональная составляющая также является специфичностью правовой культуры, определяя наличие слоя профессиональных носителей (юристов), чья субкультура существенно влияет на общую правовую культуру.

Иными словами, в современном мире правовая культура выступает фундаментальным компонентом общей культурной системы любого цивилизованного общества. Формируясь на протяжении многовековой истории человечества, она представляет собой не просто набор норм, но целостную подсистему, пронизывающую все сферы общественной жизни.

Правовая культура обладает выраженной нормативно-регулятивной направленностью, что позволяет ей эффективно упорядочивать социальные взаимодействия и разрешать возникающие конфликты. Через систему правовых норм и ценностей она формирует поведенческие ориентиры для индивидов и социальных групп.

Важнейшим аспектом развития правовой культуры выступает процесс ее институционализации, в ходе которого формируются устойчивые правовые институты и механизмы их взаимодействия. Этот процесс включает создание законодательной базы, судебной системы и правоохранительных органов, обеспечивающих реализацию правовых норм.

Следует также отметить, что правовая культура формируется благодаря комплексному функционированию правового воспитания, правового просвещения и правового образования. Как отмечает Д.В. Кононенко, «правовое воспитание является первоосновой обретения знаний о праве и государстве... Правовое просвещение является самым социально массовым процессом и проникает во все сферы общественной жизни… Правовое образование является высшей формой познавательной деятельности (со стороны обучающегося) и организационной (со стороны обучающего) в сфере государственно-правовых явлений...» [5, с. 36].

Взаимодействие правовой культуры с другими элементами культурной системы

В современном обществе ключевую роль играет взаимодействие между различными аспектами культурной системы, где правовая культура выступает не изолированно, а в тесном переплетении с другими элементами. В первую очередь следует отметить, что правовая культура формируется и развивается через образовательные программы, воспитательные процессы, информацию, распространяющуюся с помощью СМИ и т. д. Указанное способствует интеграции правовых норм в повседневную жизнь граждан. В то же время, духовные и моральные ценности служат фундаментом для формирования правового сознания. И здесь видна прямая зависимость формирования определенного уровня правовой культуры у личности от прочности данного фундамента.

Нельзя не отметить искусство, литературные произведения, кинематограф, которые так же могут отражать и формировать представления о правосудии, справедливости и человеческих ценностях, влияя на развитие правовой культуры.

Реальное функционирование в государстве механизмов защиты прав человека, различных социальных институтов, уровень правового равенства и гражданского общества тесно связаны с социальной и экономической составляющей культуры и что в конечном счете влияет на доверие к институтам власти, и, как следствие, на формирование правовой культуры.

В данной части исследования позволяет сделать вывод о том, что мы наблюдаем сложную динамичную систему, где правовая культура, взаимодействуя с моральными и политическими элементами, образует комплексное культурное пространство, определяющее характер развития общества и государства.

Исторический анализ показывает, что моральные императивы часто находят отражение в юридических нормах. Это естественный процесс кодификации общественных представлений о справедливости и порядке. Однако правовая система не всегда успевает адаптироваться к динамично меняющимся моральным ценностям, что приводит к возникновению так называемых «пробелов» в законодательстве или коллизий между правовыми и моральными нормами. Способность общества конструктивно разрешать такие противоречия напрямую зависит от уровня зрелости как правовой, так и нравственной культуры. В здоровом правовом государстве существуют механизмы для постоянного диалога между этими сферами.

Особое место в формировании правовой культуры традиционно занимали религиозные системы. На протяжении тысячелетий именно религиозные учения служили фундаментальным источником правовых норм во многих цивилизациях. Священные тексты, религиозные заповеди и каноны формировали базовое представление о справедливости, долге и ответственности.

В современных секулярных обществах влияние религиозных институтов на правовую сферу стало менее прямым, но по-прежнему существенным, так как реализуется через исторически сложившиеся моральные установки и культурные традиции, которые продолжают сохранять религиозные корни.

Таким образом, формирование эффективной правовой системы требует целостного подхода, учитывающего взаимосвязь различных культурных измерений от образовательного и научного до морального и религиозного.

Функции правовой культуры в культурной системе и обществе

В социальной ткани современного общества правовая культура выступает важным координирующим элементом, она направляет поведение социальных групп и отдельных людей, устанавливая ориентиры для различения справедливых и несправедливых действий. Подобное аксиологическое измерение позволяет говорить о ценностно-ориентационной составляющей правового сознания.

Ключевое значение в культурной системе отводится правовой культуре благодаря ее способности вносить порядок в общественные взаимодействия через общеобязательные поведенческие модели. Эта регулятивная характеристика, наряду с функцией ценностной ориентации, определяет уникальное положение правовой культуры в общей системе культурных феноменов, обеспечивая интеграцию правовых норм в повседневные практики. Социализация личности происходит через погружение в правовое поле: формирование юридической идентичности, освоение общественно одобряемых форм поведения и интернализацию нормативных ценностей способствуют полноценному включению человека в социум. Межпоколенческий обмен правовыми знаниями и установками обеспечивается коммуникативным механизмом, действующим через образовательные институты, масс-медиа, профессиональное юридическое сообщество и воспитательные практики, связывая различные социальные группы единым правовым пространством.

Интеграция правовых ценностей в культурную систему общества происходит благодаря многогранным функциям правовой культуры – от коммуникативной и прогностической до социализирующей и легитимирующей [1, с. 28]. Эти функции создают фундамент для развития и поддержания правопорядка.

В условиях современных вызовов – ценностного многообразия, глобальных процессов и повсеместной цифровизации – становится критически важным изучать, как правовая культура адаптируется и какими методами можно целенаправленно формировать ее в изменяющемся мире.

Эффективность правового регулирования, легитимность властных институтов и сопротивляемость общества правовому нигилизму напрямую определяются состоянием правовой культуры. От нее также зависит общественная готовность принимать и поддерживать реформы в правовой сфере. Согласимся с позицией И.А. Фризен, что «…для значительного повышения уровня правовой культуры общества необходимы сотрудничество и совместные усилия со стороны различных структур и организаций. Государство, высшие учебные учреждения, работодатели, общественные объединения играют ключевую роль в формировании и укреплении правосознания граждан...» [8, с. 10].

Вызовы XXI в. – глобализация правового пространства, цифровая трансформация правовых отношений, плюрализм правовых ценностей – требуют от правовой культуры небывалой гибкости. Необходимы новые научные подходы к изучению адаптационного потенциала правовой культуры и разработке методологии ее целенаправленного формирования в изменяющихся социокультурных условиях. Только осознанное развитие правовой культуры позволит обществу сохранить правовую идентичность при интеграции в глобальное правовое пространство.

Заключение

Правовая культура выступает не просто частью, но важнейшим стабилизирующим и смыслообразующим компонентом культурной системы общества. Она обеспечивает интеграцию правовых норм и ценностей в общую ткань социальной жизни, придавая правопорядку легитимность и культурную приемлемость.

Понимание ее сущности, структуры и места в системе культуры позволяет выявить глубинные основания эффективности или дисфункциональности правовых институтов, объяснить причины правового нигилизма и наметить стратегии формирования зрелого правосознания. В условиях динамичных общественных изменений и глобальных вызовов роль правовой культуры как фактора социальной сплоченности, легитимности власти и устойчивого развития правовой системы только возрастает. Дальнейшее междисциплинарное исследование правовой культуры (на стыке юриспруденции, социологии, культурологии) представляется крайне актуальным направлением научного поиска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голубев, И. В. Правовая культура: понятие и функции в контексте социокультурного подхода / И. В. Голубев // Вестник экономики, управления и права. – 2021. – № 4 (57). – С. 27–35.

2. Графский, В. Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода / В. Г. Графский // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 114–119.

3. Жвавый, П. С. К вопросу о преодолении правового нигилизма в современной России / П. С. Жвавый // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2017. – Т. 3, № 4. – С. 182–198.

4. Зайцев, С. Ю. Проблемы становления правовой культуры личности в сфере защиты прав потребителей / С. Ю. Зайцев, В. Г. Ильин // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 3. – С. 239–251.

5. Кононенко, В. Д. Соотношение понятий «правовая грамотность», «правовое воспитание», «правовое просвещение», «правовое информирование» и «правовое образование» / Д. В. Кононенко // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 34–38. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.5

6. Певцова, Е. А. Профессиональное суждение юристов о проблемах правоприменения / Е. А. Певцова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2018. – № 1. – С. 19–32.

7. Славова, Н. А. Правовая культура: понятие и функции / Н. А. Славова // Вестник ВУиТ. – 2020. – № 3 (96). – С. 48–55.

8. Фризен, И. А. О правовой культуре в Российской Федерации / И. А. Фризен // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2024. – № 1 (41). – С. 5–11.

REFERENCES

1. Golubev I.V. Pravovaya kultura: ponyatie i funkcii v kontekste sociokulturnogo podkhoda [Legal Culture: Concept and Functions in the Context of a Socio-Cultural Approach]. *Vestnik ekonomiki, upravleniya i prava*, 2021, no. 4 (57), pp. 27-35.

2. Grafsky V.G. Pravo i moral v istorii: problemy cennostnogo podkhoda [Law and Morality in History: Problems of a Value Approach]. *Gosudarstvo i pravo*, 1998, no. 8, pp. 114-119.

3. Zhvavyj P.S. K voprosu o preodolenii pravovogo nigilizma v sovremennoy Rossii [On the Issue of Overcoming Legal Nihilism in Modern Russia]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Socialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, 2017, vol. 3, no. 4, pp. 182-198.

4. Zaytsev S.Yu., Il'in V.G. Problemy stanovleniya pravovoy kultury lichnosti v sfere zashhity prav potrebiteley [The Problems of Formation of the Legal Culture of the Individual in the Field of Consumer Protection]. *Gumanitarnye i socialnye nauki*, 2012, no. 3, pp. 239-251.

5. Kononenko V.D. Sootnoshenie ponyatiy «pravovaya gramotnost», «pravovoe vospitanie», «pravovoe prosveshhenie», «pravovoe informirovanie» i «pravovoe obrazovanie» [The Relationship Between the Concepts of "Legal Literacy", "Legal Nurturing", "Legal Education", "Legal Information" and "Legal Learning"]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 34-38. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.5

6. Pevtsova E.A. Professionalnoe suzhdenie yuristov o problemakh pravoprimeneniya [The Professional Judgment of Lawyers on the Problems of Law Enforcement]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya*, 2018, no. 1, pp. 19-32.

7. Slavova N.A. Pravovaya kultura: ponyatie i funktsii [Legal Culture: Concept and Functions]. *Vestnik VUiT*, 2020, no. 3 (96), pp. 48-55.

8. Frizen I.A. O pravovoy kulture v Rossiyskoy Federatsii [On Legal Culture in the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskie nauki*, 2024, no. 1 (41), pp. 5-11.

Information About the Authors

Andrey A. Shanin, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, shanin@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-4952-4238

Vladimir S. Chagin, Lecturer, Department of Jurisprudence, Krasnodar Cooperative Institute (Branch) of Russian University of Cooperation, Parkovaya St, 5, 350049 Krasnodar, Russian Federation, chagin-vs@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0003-8000-6874

Tatiana V. Yushkina, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, 3838888@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-5657-9950

Информация об авторах

Андрей Александрович Шанин, кандидат юридических наук, доцент кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, shanin@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-4952-4238

Владимир Сергеевич Чагин, преподаватель кафедры юриспруденции, Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, ул. Парковая, 5, 350049 г. Краснодар, Росссийская Федерация, chagin-vs@yandex.ru; https://orcid.org/0009-0003-8000-6874

Татьяна Викторовна Юшкина, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, 3838888@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-5657-9950

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.2

UDC 34(47+57)“18”:663.25
LBC 67.3(2)52

Submitted: 13.02.2026
Accepted: 01.06.2026

ON THE ROLE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FORMATION AND IMPLEMENTATION OF STATE POLICY IN WINEMAKING IN THE EARLY 19th CENTURY

Alexander E. Epifanov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Introduction: the paper provides a historical and legal analysis of the role of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the formation and implementation of state policy in winemaking in the early 19th century based on the official reports published in the departmental journal. The author examines winemaking as an object of the administrative-legal regulation under the direct control of the Ministry, covering land-use issues, the establishment of state-funded viticulture schools, the recruitment of foreign specialists, and the financial support of economic measures. The **purpose** is to identify the legal mechanisms and managerial practices through which the Ministry coordinated and supervised the development of the wine industry, as well as to analyze the relationship between the normative prescriptions and the actual administrative practice. **Methods:** the methodology is based on the historical-legal, formal-legal, systemic, and source-study methods. **Results:** the study substantiates the conclusion that state policy in winemaking was systematic and institutionally structured and that the Ministry’s activities were a key factor in shaping a governable model of economic development for the winemaking regions of the Russian Empire.

Key words: Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, winemaking, official reports, state economic policy, state-funded viticulture schools.

Citation. Epifanov A.E. On the Role of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the Formation and Implementation of State Policy in Winemaking in the Early 19th Century. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 13-19. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.2

УДК 34(47+57)“18”:663.25
ББК 67.3(2)52

Дата поступления статьи: 13.02.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

К ВОПРОСУ О РОЛИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ФОРМИРОВАНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ВИНОДЕЛИЯ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Александр Егорович Епифанов

Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Введение: статья посвящена историко-правовому анализу роли Министерства внутренних дел Российской империи в формировании и реализации государственной политики в сфере виноделия в начале XIX в. на основе служебных докладов, опубликованных в ведомственном журнале. Автор рассматривает виноделие как объект административно-правового регулирования, находившийся под непосредственным контролем МВД, включая вопросы землепользования, учреждения казенных виноградных училищ, привлечения иностранных специалистов и финансового обеспечения хозяйственных мероприятий. **Цель** исследования состоит в выявлении правовых механизмов и управленческих практик, посредством которых Министерство внутренних дел осуществляло координацию и надзор за развитием винодельческой отрасли, а также в анализе соотношения нормативных предписаний и фактической административной практики. **Методологическую**

© Епифанов А.Е., 2026

основу исследования составляют историко-правовой, формально-юридический, системный и источниковедческий методы. **В результате** исследования обосновывается вывод о том, что государственная политика в сфере виноделия носила системный и институционально оформленный характер, а деятельность МВД выступала ключевым фактором формирования управляемой модели хозяйственного развития винодельческих регионов Российской империи.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел Российской империи, виноделие, административно-служебные доклады, государственная экономическая политика, казенные виноградные училища.

Цитирование. Епифанов А. Е. К вопросу о роли Министерства внутренних дел Российской империи в формировании и реализации государственной политики в сфере виноделия начала XIX века // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 13–19. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.2

Введение

В начале XIX в. виноделие в Российской империи постепенно перестает восприниматься исключительно как локальный промысел и начинает рассматриваться государством как отрасль, имеющая значение для внутренней устойчивости, финансового баланса и территориального развития. Интерес к виноградарству был обусловлен не только хозяйственными соображениями, но и более широкими задачами внутреннего управления, связанными с рациональным использованием земель, снижением зависимости от импорта и укреплением экономической самостоятельности отдельных регионов. В этих условиях виноделие становится объектом целенаправленного административного внимания, требующим координации, контроля и нормативного оформления.

Главная роль в формировании и реализации государственной политики в данной сфере принадлежала Министерству внутренних дел (МВД) Российской империи. Именно через это ведомство проходили инициативы, касавшиеся устройства виноградников, учреждения казенных винодельческих заведений, привлечения иностранных специалистов и распределения финансовых ресурсов. Служебные доклады, подготовленные в системе МВД и адресованные высшей государственной власти, позволяют проследить, каким образом хозяйственные предложения переводились в плоскость управленческих решений и приобретали характер обязательных для исполнения мер. Виноделие в этих документах предстает как сфера, включенная в общую систему внутреннего администрирования, где развитие неизменно сопряжено с надзором и отчетностью.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью углубленного анализа хозяйственной деятельности Министерства внутренних дел на конкретном отраслевом материале. Обращение к виноделию позволяет выявить особенности административно-правового регулирования хозяйственных процессов в ранний период институционального становления МВД и показать, каким образом экономические задачи интегрировались в систему внутреннего управления. В отличие от обобщенных характеристик хозяйственной компетенции ведомства, анализ винодельческой политики дает возможность рассмотреть управленческую практику в ее прикладном измерении – через конкретные решения, финансовые показатели и организационные меры.

Целью статьи является историко-правовой анализ деятельности Министерства внутренних дел Российской империи по регулированию виноделия в начале XIX века. В рамках исследования предполагается выявить правовые и административные механизмы, посредством которых ведомство осуществляло координацию и контроль в данной сфере, а также проанализировать соотношение между заявленными управленческими установками и фактической практикой их реализации. Источниковую основу работы составляют материалы служебных докладов, опубликованные в ведомственном журнале, содержащие как нормативные формулировки, так и статистические данные, отражающие масштабы и направления государственной поддержки виноделия.

Степень научной разработанности проблемы определяется тем, что история Министерства внутренних дел Российской империи достаточно полно представлена в дореволю-

ционной, советской и современной историографии, однако его хозяйственная деятельность, как правило, рассматривалась без отраслевой детализации. В научных работах А.Н. Пыпина, Н.Н. Варадинова, П.А. Зайончковского, Р.С. Мулукаева и других авторов основное внимание уделялось институциональному развитию и полицейско-административным функциям МВД. Современные теоретико-правовые исследования, посвященные хозяйственным функциям государства, создают методологическую основу для обращения к данной проблематике, однако виноделие как объект административно-правового регулирования Министерства внутренних дел начала XIX в. до настоящего времени не являлось предметом самостоятельного историко-правового анализа.

Результаты исследования

В начале XIX в. Министерство внутренних дел Российской империи выступало не только органом полицейского надзора, но и ключевым субъектом хозяйственно-правового регулирования, через который государство формировало и реализовывало управленческие решения в сфере внутренней экономики [9, с. 23]. Ведомственная практика этого периода показывает, что именно МВД аккумулировало функции инициирования, организации, финансирования и контроля хозяйственных мероприятий, включая развитие отдельных отраслей сельского хозяйства. Виноделие в данном контексте представляет собой показательный пример того, как экономическая деятельность включалась в систему внутреннего управления и подчинялась административно-правовой логике [3, с. 78].

Государственный интерес к виноделию был обусловлен не столько отраслевыми соображениями, сколько задачами внутренней устойчивости и фискального равновесия. Развитие виноградарства рассматривалось как средство сокращения зависимости от ввоза иностранных вин и водок, что прямо связывалось с перераспределением денежных потоков внутри страны. В источниках фиксируется установка на то, чтобы при успешном развитии отрасли «иностранной водки привозить бы тогда в Россию менее», что указывает на включение виноделия в сферу финансово-административного расчета и казенного интереса.

Министерство внутренних дел в этой системе выступало координатором территориальной политики в сфере виноделия. В качестве приоритетных зон развития последовательно обозначались Крым, Кавказская линия, Таврия и Дон – регионы, где сочетались благоприятные природные условия и необходимость административного укрепления. Выбор именно этих территорий свидетельствует о том, что хозяйственные мероприятия рассматривались МВД как инструмент интеграции окраин в единое управляемое пространство империи. Виноделие, таким образом, приобретало значение не только экономического, но и административно-территориального ресурса [6, с. 60].

Организационные решения в сфере виноделия концентрировались в компетенции Министерства внутренних дел. Развитие отрасли предполагалось не через свободное распространение частной инициативы, а через учреждение казенных виноградных училищ и образцовых хозяйств, подчиненных ведомственному надзору. Эти учреждения рассматривались как элементы государственной системы, встроенные в механизм внутреннего управления.

Архивные материалы позволяют конкретизировать содержание этих организационных замыслов. В одном из служебных докладов прямо указывалось, что «для каждаго из сих предполагаемых училищных заведений отвести в удобных местах по 50 десятин земли и определить, для лучшаго надзирания за успехом, знающих смотрителей», при этом отмечалось, что прежние предположения «не были приведены в действие, главнейше… по причине существовавших трудностей выписать искусных из чужих краев людей», однако к началу XIX в., «когда все затруднения сии исчезли», признавалось необходимым «обратить паки внимание Экспедиции Государственного хозяйства к сей части» [4, с. 67].

Подчеркивалось, что без постоянного наблюдения и административного контроля «успеха ожидать не можно», что отражает характерную для МВД модель хозяйственно-правового регулирования, основанную на сочетании развития и дисциплины.

Особую роль Министерство внутренних дел играло в кадровом обеспечении винодельческой политики. Привлечение иностранных специалистов «особливо шампанских, бургонских и рейнских виноделов» – рассматривалось не как временная мера, а как управленческий инструмент формирования устойчивой отрасли [4, с. 69]. МВД определяло условия их привлечения, финансирования и подчиненности, что подчеркивает правовой характер участия ведомства в хозяйственных процессах и его функцию посредника между государством и профессиональным сообществом.

Финансовая сторона винодельческих мероприятий наиболее наглядно демонстрирует роль Министерства внутренних дел как субъекта хозяйственно-правового регулирования. В отличие от декларативных мер поддержки, развитие виноделия сопровождалось прямыми казенными ассигнованиями. Так, в распоряжение Г. Грубе, уполномоченного на выполнение специальных поручений в сфере виноградных насаждений, была передана сумма 10 000 рублей, предназначенная для организации и сопровождения комплекса винодельческих мероприятий. Указанная сумма по меркам начала XIX в. являлась значительной и свидетельствует о том, что виноделие рассматривалось МВД как направление, требующее системного и долгосрочного финансирования, а не разовых затрат.

Кроме того, источники фиксируют расчеты расходов, связанных с учреждением и содержанием казенных виноградных училищ, финансирование которых предполагалось осуществлять за счет казны. Обоснованием таких расходов служила формула о том, что данные мероприятия относятся к числу дел, «касающихся пользы общей». Эта формулировка имеет правовое значение, поскольку переводит виноделие в сферу публичных финансов и закрепляет компетенцию Министерства внутренних дел в качестве финансово-распорядительного органа в данной области [1, с. 28].

Распределение средств предполагалось осуществлять не локально, а сразу по нескольким регионам, что усиливало значение административной координации. Одновременное развитие виноградных насаждений в ряде ключевых южных регионов империи объективно увеличивало объем казенных расходов и требовало централизованного управления. Именно Министерство внутренних дел брало на себя функцию согласования этих мероприятий, контроля за расходованием средств и оценки результатов, что подчеркивает его системную роль в хозяйственном управлении.

Контрольная функция МВД проявлялась в требованиях отчетности и подчиненности [2, с. 99]. Хозяйственные инициативы в сфере виноделия не допускали автономии на местах: развитие отрасли мыслилось возможным лишь при условии постоянного административного наблюдения. Связка «ассигнование – надзор – проверка исполнения» становится характерным элементом хозяйственно-правового механизма, реализуемого Министерством внутренних дел [7, с. 40].

Следует оговориться, что МВД не являлось единственным ведомством, причастным к развитию хозяйственной жизни империи в рассматриваемый период. Вопросы землепользования и государственных имуществ входили в компетенцию Министерства финансов, а ряд агрономических инициатив реализовывался через Экспедицию государственного хозяйства. Вместе с тем именно МВД выступало главным координационным центром, концентрировавшим инициативы, ресурсы и надзорные функции в единую управленческую цепочку. Эта особенность соответствует более широким закономерностям правового регулирования государственной деятельности: как отмечает М.Л. Давыдова, устойчивое развитие требует стабильного правового регулирования, основанного на системном взаимодействии органов власти [5, с. 11]. В свою очередь координация ведомств посредством единого административно-правового механизма соответствует логике государственного управления, при которой одно ведомство берет на себя интегрирующую функцию [11, с. 50].

В совокупности рассмотренные меры позволяют рассматривать виноделие как отрасль, в которой Министерство внутренних дел реализовывало свою хозяйственную компетенцию в полном объеме [8, с. 61]. Ведомство выступало инициатором, организатором, финансовым распорядителем и контролирующим субъектом, формируя целостную модель административно-правового регулирования [12, с. 187]. Виноделие в данном исследовании слу-

жит эмпирическим примером того, каким образом Министерство внутренних дел Российской империи начала XIX в. функционировало как субъект хозяйственно-правового регулирования, интегрируя экономические задачи в систему внутреннего государственного управления и обеспечивая управляемость хозяйственного развития государства.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в начале XIX в. Министерство внутренних дел Российской империи выступало не вспомогательным, а ключевым субъектом хозяйственно-правового регулирования, через который государство осуществляло целенаправленное воздействие на развитие внутренних отраслей экономики. Анализ материалов служебных докладов показывает, что виноделие рассматривалось не как частный промысел или локальная хозяйственная практика, а как объект публичного управления, включенный в сферу административной компетенции МВД. В этом отношении роль МВД принципиально отличалась от функций иных ведомств – Министерства финансов и Экспедиции государственного хозяйства, ограничивавшихся более узкими отраслевыми полномочиями. Именно МВД придавало регулированию системный и координационный характер [10, с. 49].

Роль Министерства внутренних дел в регулировании виноделия проявлялась комплексно. Ведомство определяло приоритетные направления развития отрасли, устанавливало территориальные рамки ее распространения, формировало организационные модели в виде казенных училищ и образцовых хозяйств, обеспечивало кадровое сопровождение и осуществляло контроль за реализацией принятых решений. Особое значение имело то, что винодельческие мероприятия финансировались за счет казны и обосновывались как дела, «касающиеся пользы общей», что придавало им характер публичных обязательств государства и переводило их в плоскость хозяйственно-правового регулирования.

Финансовые ассигнования, включая целевые суммы, выделяемые на организацию виноградных насаждений и содержание специалистов, свидетельствуют о том, что МВД выступало не только координатором, но и финансово-распорядительным субъектом. Связка бюджетных расходов с административным надзором и отчетностью формировала устойчивый управленческий механизм, в рамках которого развитие отрасли допускалось лишь при условии ее полной включенности в систему внутреннего управления.

Тем самым виноделие становится показательным примером того, каким образом в начале XIX в. складывалась модель государственного хозяйства, основанная на сочетании развития и контроля. Министерство внутренних дел в этой модели выполняло функцию интеграционного центра, соединяя экономические задачи с требованиями административной дисциплины и территориальной управляемости. Полученные выводы позволяют расширить представления о хозяйственной компетенции МВД Российской империи и уточнить его место в системе внутреннего государственного управления как органа, через который реализовывались ключевые механизмы хозяйственно-правового регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алафьев, М. К. Образование и реорганизация Министерства внутренних дел (1802–1819 гг.) / М. К. Алафьев // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2003. – № 2. – С. 27–29.

2. Андрианов, С. А. Министерство внутренних дел: исторический очерк (1802–1901) / С. А. Андрианов. – СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1902. – 171 с.

3. Варадинов, Н. Н. История Министерства внутренних дел : в 3 ч. Ч. 1 / Н. Н. Варадинов. – СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1858. – 312 с.

4. Выписка из отчета Министерства внутренних дел Его Императорскому Величеству // Санкт-Петербургский журнал Министерства внутренних дел. – СПб. : Тип. Шнора, 1804. – Кн. 1. – С. 67–73.

5. Давыдова, М. Л. Экспериментальное правовое регулирование как средство обеспечения устойчивого развития / М. Л. Давыдова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 11–19. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.2

6. Епифанов, А. Е. Из истории организации и деятельности общей полиции Российской империи на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Нижнего Поволжья) / А. Е. Епифанов // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 2. – С. 59–64.

7. Епифанов, А. Е. Из истории тыловых подразделений системы МВД Российской империи на этапе становления (1802–1803 гг.) / А. Е. Епифанов // Вестник Евразийской академии административных наук Научно-теоретический журнал. – 2025. – № 2 (71). – С. 38–44.

8. Епифанов, А. Е. Современные правовые механизмы гарантирования права каждого на питание и обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации / А. Е. Епифанов, А. Ю. Мохов // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2021. – № 2 (42). – С. 59–73.

9. История полиции дореволюционной России: сборник документов и материалов по истории государства и права : учеб. пособие / под ред. К. Г. Федорова. М. : Моск. высш. шк. милиции МВД СССР, 1981. – 78 с.

10. Кононенко, Д. В. «Большие вызовы» как фактор трансформации государственно-правовых отношений // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 58–65. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.10

11. Кононенко, Д. В. GovTech как новый этап в развитии электронного государства (правительства) / Д. В. Кононенко // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 48–54. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.6

12. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802–1902. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1901. – 310 с.

REFERENCES

1. Alaf'ev M.K. Obrazovanie i reorganizaciya Ministerstva vnutrennikh del (1802–1819 gg.) [Formation and Reorganization of the Ministry of Internal Affairs (1802–1819)]. *Psikhopedagogika v pravookhranitelnykh organakh* [Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies], 2003, no. 2, pp. 27-29.

2. Andrianov S.A. *Ministerstvo vnutrennikh del: istoricheskiy ocherk (1802–1901)* [The Ministry of Internal Affairs: Historical Essay (1802–1901)]. Saint Petersburg, Tip. M-va vnutr. del, 1902. 171 p.

3. Varadinov N.N. *Istoriya Ministerstva vnutrennikh del: v 3 ch. Ch. 1* [History of the Ministry of Internal Affairs. In 2 pts. Pt. 1]. Saint Petersburg, Tip. M-va vnutr. del, 1858. 312 p.

4. Vypiska iz otcheta Ministerstva vnutrennikh del Ego Imperatorskomu Velichestvu [Extract from the Report of the Ministry of Internal Affairs to His Imperial Majesty]. *Sankt-Peterburgskiy zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* [St. Petersburg Journal of the Ministry of Internal Affairs]. Saint Petersburg, Tip. Shnora, 1804, book 1, pp. 67-73.

5. Davydova M.L. Eksperimentalnoe pravovoe regulirovanie kak sredstvo obespecheniya ustoychivogo razvitiya [Experimental Legal Regulation as a Means of Ensuring Sustainable Development]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 11-19. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.2

6. Epifanov A.E. Iz istorii organizatsii i deyatelnosti obshchey politsii Rossiyskoy imperii na rubezhe XIX–XX vv. (po materialam Nizhnego Povolzh'ya) [From the History of the Organization and Activities of the General Police of the Russian Empire at the Turn of the 19th – 20th Centuries (Based on the Materials of the Lower Volga Region)]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security], 2023, no. 2, pp. 59-64.

7. Epifanov A.E. Iz istorii tylovykh podrazdeleniy sistemy MVD Rossiyskoy imperii na etape stanovleniya (1802–1803 gg.) [From the History of the Rear Units of the System of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire at the Stage of Formation (1802–1803)]. *Vestnik Evraziyskoy akademii administrativnykh nauk Nauchno-teoreticheskiy zhurnal* [Herald of the Eurasian Academy of Administrative Sciences], 2025, no. 2 (71), pp. 38-44.

8. Epifanov A.E., Mokhov A.Yu. Sovremennye pravovye mekhanizmy garantirovaniya prava kazhdogo na pitanie i obespecheniya prodovolstvennoy bezopasnosti v Rossiyskoy Federatsii [Modern Legal Mechanisms for Guaranteeing the Right of Everyone to Food and Ensuring Food Security in the Russian Federation]. *Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki»* [MCU Journal. Series "Legal Sciences"], 2021, no. 2 (42), pp. 59-73.

9. Fedorov K.G., ed. *Istoriya politsii dorevolyutsionnoy Rossii: sbornik dokumentov i materialov po istorii gosudarstva i prava: ucheb. posobie* [History of the Police of Pre-Revolutionary Russia: Collection of Documents and Materials on the History of State and Law. Textbook]. Moscow, Mosk. vyssh. shk. militsii MVD SSSR, 1981. 78 p.

10. Kononenko D.V. «Bolshie vyzovy» kak faktor transformatsii gosudarstvenno-pravovykh otnosheniy ["Big Challenges" as a Factor of Transformation of State-Legal Relations]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 58-65. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.10

11. Kononenko D.V. GovTech kak novy etap v razvitii elektronnogo gosudarstva (pravitelstva) [GovTech as a New Stage in the Development of the Electronic State (Government)]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 48-54. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.6

12. *Ministerstvo vnutrennikh del. Istoricheskiy ocherk. 1802–1902* [The Ministry of Internal Affairs. A Historical Essay. 1802–1902]. Saint Petersburg, Tip. Min-va vnutr. del, 1901. 310 p.

Information About the Author

Alexander E. Epifanov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Chief Researcher, Research Center, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St, 8, 125171 Moscow, Russian Federation, mvd_djaty@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5686-5770

Информация об авторе

Александр Егорович Епифанов, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, 125171 г. Москва, Российская Федерация, mvd_djaty@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5686-5770

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.3

UDC 340.111.52:340.153
LBC 67.3(4)4

Submitted: 19.02.2026
Accepted: 01.06.2026

ANIMALS AS LEGAL SUBJECTS: THE EXPERIENCE OF MEDIEVAL JUSTICE

Vsevolod A. Kabanov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Introduction: the issue of animal legal personality is one of the debatable questions in modern jurisprudence. Within the anthropocentric paradigm, humans are regarded as the only beings capable of being legal subjects by virtue of their cognitive abilities. However, historical-legal research clearly demonstrates that the configuration of the legal subject is not an immutable given; rather, it is the result of a choice made at a particular bifurcation point. The paper analyzes an alternative project of legal personality that was widespread in the Middle Ages and based on recognizing animals as full participants in judicial proceedings. **Purpose:** through the analysis of secular and ecclesiastical animal trials in the Middle Ages, identify the socio-cultural grounds for endowing "non-human" agents with legal personality and trace the logic of the shift away from this paradigm in the Modern period. **Methods:** the methodological framework combines the historical-legal method with the bifurcation approach to the study of the history of state and law. **Results:** the study reconstructs the procedural features of medieval animal trials using the examples of cases in France (1386 and 1457), as well as trials of moles in Stelvio (1519) and rats in Autun (1522). It establishes that animals were treated by the courts as independent agents possessing free will and were granted corresponding procedural rights. The study also identifies the anthropological and socio-philosophical prerequisites for excluding animals from the circle of legal subjects in the Modern period, associated with the Cartesian thesis of animal automatism and the establishment of subject-object topology that set humans against nature. **Conclusions:** the experience of medieval justice demonstrates the fundamental possibility of a different configuration of legal personality, not rigidly linked to the presence of human reason. Overcoming the modern thesis of animal automatism and taking into account modern scientific data allow raising the question of partially granting legal personality to animals, provided that such innovations are legitimized in the legal consciousness of society.

Key words: animal legal personality, history of law, medieval justice, animal trials, anthropocentrism, legal subject, animal automatism, bifurcation approach.

Citation. Kabanov V.A. Animals as Legal Subjects: The Experience of Medieval Justice. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 20-26. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.3

УДК 340.111.52:340.153
ББК 67.3(4)4

Дата поступления статьи: 19.02.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

ЖИВОТНЫЕ КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВА: ОПЫТ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРАВОСУДИЯ

Всеволод Алексеевич Кабанов

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Введение: проблема правосубъектности животных является одним из дискуссионных вопросов современной юриспруденции. В рамках антропоцентристской парадигмы человек рассматривается как единственное существо, способное быть субъектом права в силу своих когнитивных способностей. Вместе с тем историко-правовые исследования наглядно демонстрируют, что конфигурация правового субъекта не является неизменной данностью. Напротив, она представляет собой результат выбора, совершенного в определенной точке бифуркации. В настоящей работе анализируется альтернативный проект правосубъектности, получивший распространение в Средневековье и основанный на признании животных полноценными участниками судебного процесса. **Цель:** на основе анализа светских и церковных судебных про-

© Кабанов В.А., 2026

цессов над животными в Средние века выявить социокультурные основания наделения «нечеловеческих» агентов правосубъектностью и проследить логику смены данной парадигмы в Новое время. **Методология исследования** базируется на использовании историко-правового метода в сочетании с бифуркационным подходом к изучению истории государства и права. **Результаты:** в ходе исследования реконструированы процессуальные особенности средневековых судов над животными на примере дел во Франции 1386 и 1457 гг., а также процессов над кротами в Стельвио 1519 г. и крысами в Отене 1522 года. Установлено, что животные рассматривались судами как независимые агенты, обладающие свободной волей, и наделялись соответствующими процессуальными правами. Выявлены антропологические и социально-философские предпосылки исключения животных из круга субъектов права в Новое время, связанные с картезианским тезисом о животном автоматизме и утверждением субъектно-объектной топики, противопоставившей человека и природу. **Выводы:** опыт средневекового правосудия демонстрирует принципиальную возможность иной конфигурации правосубъектности, не связанной жестко с наличием человеческого разума. Преодоление модерного тезиса о животном автоматизме и учет данных современной науки позволяют поставить вопрос о частичном наделении животных правосубъектностью при условии легитимации таких новаций в правосознании общества.

Ключевые слова: правосубъектность животных, история права, средневековое правосудие, судебные процессы над животными, антропоцентризм, субъект права, животный автоматизм, бифуркационный подход.

Цитирование. Кабанов В. А. Животные как субъекты права: опыт средневекового правосудия // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 20–26. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.3

Введение

Одним из проблемных и дискуссионных вопросов современной теории правосубъектности является признание животных субъектами права. Особое место занимает позиция, согласно которой животные не могут быть правосубъектными в силу отсутствия у них необходимых естественных предпосылок наделения правосубъектностью. Данная точка зрения высказывалась в работах Г.М. Лановой [8, с. 10–11], Д.Б. Горохова [3, с. 69], И.Б. Ломакиной и И.Л. Честнова [10, с. 33–34]. В рамках антропоцентристской парадигмы человек постулируется как единственное существо, которое в силу своих когнитивных способностей и склонности к социальной организации быть субъектом права. Ж.-М. Шеффер предлагает обозначать подобное утверждение как «тезис о человеческой исключительности» [16, с. 10].

Преодоление тезиса, как представляется, может происходить двумя путями. Первый, выбранный Ж.-М. Шеффером, предполагает обращение к новейшим данным биологии, этологии и нейрофизиологии, позволяющим продемонстрировать относительные, а не абсолютные отличия человека от иных видов животных. Второй путь, напротив, стремится к социо-правовому рассмотрению правосубъектности, где исключительность человека как субъекта права рассматривается как конструкция, обусловленная культурой конкретного социума.

В рамках настоящей работы предлагается сосредоточиться на социокультурном измерении правового субъекта, а именно обратиться к его исторической генеалогии. Как отмечают И.И. Биюшкина и С.В. Кодан, многие характеристики, свойственные правовой, и шире социальной, системе, являются результатом выбора из нескольких альтернативных вариантов, ранее произведенного в точке бифуркации [2, с. 19]. Тем самым диахроническое рассмотрение правового субъекта позволяет не просто указать на неразрывную связь конфигурации субъекта и социокультурных оснований порождающего его общества, но и выявить альтернативные концептуализации правосубъектности, существовавшие до завершения процесса бифуркации.

Судебные процессы над животными как часть средневековой правовой культуры

В качестве подобной добифуркационной эпохи следует рассматривать Средние века, где границы правосубъектности, в отличие от Нового времени, не ограничивались исключительно людьми и их сообществами. Неотъемлемой частью правовой культуры Средневековья были судебные процессы над животны-

ми. Как заключает Я.А. Канторович, в судах над животными «весьма рельефно отразился дух средневековой юстиции» [7, с. 3].

Это органично вытекает из иного понимания права, которое было присуще Средневековью. Господствовала парадигма естественного права: право рассматривалось не как формально определенные властные предписания, но как универсальный, пронизывающий мироздание порядок. Вследствие этого в средневековой правовой культуре, как замечает А.Я. Гуревич, «всякий род живых существ и даже вещей имеет свое собственное право» [4, с. 149].

Согласно О.И. Тогоевой, процессы над животными носили преимущественно уголовно-правовой характер, тогда как вред и убытки, причиненные животными, возмещались их хозяевами в рамках института гражданско-правовой ответственности [15, с. 408]. Посредством осуждения животного прежде всего осуществлялась символическая справедливость, что способствовало восстановлению естественного порядка и предотвращало конфликты в средневековом обществе.

Дж. Гирген подчеркивает, что традиционной является классификация, устанавливающая разделение судебных процессов над животными на светские и церковные [17, p. 99]. Они отличались как по субъектному составу, так и по кругу подсудных деяний. В светских судах разбирались дела, в рамках которых речь шла о причинении отдельным животным смерти или вреда здоровью человеку. В церковных – дела, где обвиняемыми являлись неопределенные индивидуально животные (пчелиный рой, стая саранчи и т. д.), а в качестве потерпевшего рассматривалось общество в целом.

Среди животных – участников светского судебного процесса свиньи были наиболее представлены, поскольку в сравнении с такими животными, как лошади или коровы, они были менее ценны и спокойно отпускались на свободный выгул. Одним из наиболее документально запечатленных примеров, как указывает М. Пастуро, является дело, имевшее место в 1386 г. в Фалезе [12, с. 29]. Свинья, обглодавшая лицо и руку ребенка, чем привела к его смерти, была приговорена судом к повешению с предварительным нанесением аналогичных увечий. Во время казни, проходившей публично, в присутствии не только людей, но и других свиней, животное было одето в мужской костюм и маску [12, с. 29]. Повешение произвели вниз головой за ноги, после чего тушу дополнительно удушили, протащили за лошадью по площади и, наконец, сожгли [12, с. 30].

Схожий судебный процесс был организован в 1457 г. в местечке Савиньи-сюр-Этан. Свиноматка обвинялась в том, что вместе со своими шестью поросятами убила и съела ребенка, в чем она призналась под пыткой [12, с. 33]. Как подчеркивает В.В. Хайд, суд при рассмотрении дела учел, что поросята находились под дурным влиянием матери и в силу малолетства не осознавали своего деяния, и приговорил к казни только свинью [18, p. 707].

Нельзя не отметить серьезность указанных выше светских судебных процессов. Суды придерживались установленной процедуры, а также обращали особое внимание на субъективную сторону совершенных деяний. Животные рассматривались как независимые агенты, обладающие свободной волей и способные нести юридическую ответственность.

Церковное судопроизводство также отличалось строгой регламентацией. Среди прочего подсудные животные наделялись всеми необходимыми процессуальными правами, например, правом на защитника. Так, в 1519 г. в Стельвио рассматривалось дело кротов, обвиняемых в порче посевных полей. Интересы животных, как отмечает Дж. Гирген, представлял адвокат, а суд основывался на свидетельских показаниях очевидцев [17, p. 102]. В качестве контраргумента на требование судьи о выселении кротов, защитник апеллировал к опасностям такого путешествия в силу наличия хищников, являющихся естественными врагами кротов [17, p. 102]. Результатом разбирательства стало компромиссное судебное решение: местные власти обязались обеспечить животным безопасный коридор для выхода, предоставив до двух недель на эвакуацию уязвимым группам, а именно пожилым кротам и животным с малолетними детенышами [17, p. 102].

Не менее знаменателен прошедший в 1522 г. в Отене церковный суд над крысами, которых обвиняли в потраве ячменя. Их за-

щитник, юрист Б. де Шасеньё, блестяще использовал процессуальные нормы, чтобы спасти подзащитных. Согласно М. Слабберт, после первой неявки крыс на процесс он заявил, что вызов был произведен ненадлежащим образом, поскольку крысы живут по разным приходам, и суд распорядился огласить вызов во всех близлежащих церквях [19, p. 162]. После второй – сослался на дальность и трудность пути и попросил перенести заседание [19, p. 163]. После третьей – заявил, что крысы готовы явиться, но не могут, так как потерпевшие держат кошек, угрожающих жизни подзащитных [19, p. 163]. В итоге, признав аргументы защиты уважительными, суд бессрочно отложил рассмотрение дела.

Описанные церковные процессы также демонстрируют безусловное признание агентности и сознательности животных. Животные, наделенные правами на защитника и надлежащее извещение, в рамках суда приравниваются в своем процессуальном статусе к человеку.

Новое время и переосмысление правового субъекта

Если средневековая правовая культура не проводила артикулированной границы между людьми и «нечеловеческими» агентами, то где проходит точка бифуркации, после которой идея правосубъектности животных стала сомнительной per se? Когда животные окончательно потеряли правовой статус, но обрели режим регулирования?

Представляется корректным говорить, что движение к овеществлению животных началось в эпоху Нового времени, когда, как указывает Д.Ю. Полдников, выстраивалась система мифологем, ставшая «идеологическим источником позитивного права» [13, с. 8]. Именно тогда, как отмечает В.И. Павлов, господствующей в социальном и правовом дискурсах стала идея, что «человек должен владеть природой» [11, с. 143]. Жесткая субъектно-объектная топика, в рамках которой человек противопоставляется всему основному миру, резко понизила юридический и онтологический статус животных, сведя их природу к неодушевленным предметам. Согласно Р. Декарту, одному из влиятельнейших мыслителей Нового времени, можно говорить «не только о том, что животные менее одарены разумом, чем люди, но и о том, что они вовсе его не имеют» [5, с. 81]. В картезианстве появляется представление о животном автоматизме, то есть, идея, что животные полностью лишены свободной воли и действуют по принципу механизма.

Помимо ревизии представлений о животной и человеческой природах отказу от концепции правосубъектности животных поспособствовало переосмысление понятия общества. Если доновременной социум исходил из признания единства взаимодействия человеческих и нечеловеческих агентов, то в модерности природа и общество оказываются разъединены и даже противопоставлены. Если использовать терминологию Б. Латура, можно обозначить текущее состояние дел как сочетание имманентности общества и трансцендентности природы [9, с. 126]. Общество, состоящее из людей, рассматривается как пространство свободы и договора, тогда как природа, выносимая за скобки социального, переходит в разряд устойчивой и подчиненной законам сущности.

Если сравнивать средневековое и модерное понимание правосубъектности, то нельзя не отметить некоторую противоречивость тезисов, лежащих в основании последнего. Отрицание за животными сознательной деятельности входит в противоречие с данными современной когнитивной науки. В частности, ученые заявляют о наличии развитого сознания у приматов [1, с. 67–68] и дельфинов [14, с. 94]. Идея же о разделении социального и природного оказывается дискредитированной в силу многочисленных экологических проблем, с которыми сталкивается современное человечество. Вымирание видов, загрязнение окружающей среды – все это указывает на сложное и неразрывное переплетение судеб людей и «нечеловеческих» агентов, где человек оказывает огромное влияние на природу и ее закономерности, а последняя играет активную роль в формировании и функционировании социума.

Заключение

С учетом произведенного историко-генеалогического исследования можно сделать вывод об относительном, а не абсолютном

характере конфигурации правового субъекта, предлагаемой модерном. Тем самым опыт средневекового правосудия как альтернативный проект концептуализации правосубъектности может оказаться весьма полезным для современной юридической науки. Разумеется, воспроизведение средневековой практики осуществления уголовного правосудия над животными не является необходимым или разумным для современных правопорядков. Однако вполне возможным следует признать правосубъектность животных, включающую их право на защиту законных интересов в рамках гражданского процесса и осуществляемую при помощи института законного представительства.

При этом необходимо учитывать, что любая новация должна обладать легитимностью внутри правопорядка. Можно солидаризироваться с позицией В.В. Денисенко и А.А. Донских, что далеко не каждое правовое регулирование «может оказывать положительное воздействие на ту или иную проблемную ситуацию» [6, с. 219]. Для успешного решения вопроса о правосубъектности животных требуется опираться на ценностные основания права, разделяемые как юридической корпорацией, так и населением в целом. Тем самым данная проблема на текущий момент остается не полностью разрешенной и требует дальнейшей интенсивной дискуссии среди представителей науки государства и права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аниндья, С. Есть ли у животных сознание? (Интервью) / С. Аниндья, В. Г. Лысенко // Философия науки и техники. – 2016. – Т. 21, № 1. – С. 66–77.
2. Биюшкина, Н. И. Бифуркационный подход в изучении истории государства и права: понимание и методологическая конструкция / Н. И. Биюшкина, С. В. Кодан // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 4 (56). – С. 12–22.
3. Горохов, Д. Б. Проблемный результат отечественного правотворчества: законодательное установление охраны «жизни или здоровья животных и растений» / Д. Б. Горохов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 45–78.
4. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1972. – 322 с.
5. Декарт, Р. Рассуждения о методе / Р. Декарт. – М. : АСТ, 2019. – 320 с.
6. Денисенко, В. В. Легитимация правового регулирования с позиции различных теорий права / В.В. Денисенко, А. А. Донских // Образование и право. – 2023. – № 11. – С. 218–223.
7. Канторович, Я. А. Процессы против животных в Средние века / Я. А. Канторович. – СПб. : Юрид. б-ка, 1897. – 58 с.
8. Лановая, Г. М. Легализация прав животных: Pro et Contra / Г. М. Лановая // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2025. – № 3 (59). – С. 7–17.
9. Латур, Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. – 296 с.
10. Ломакина, И. Б. Постгуманизм как вызов антропологии права / И. Б. Ломакина, И. Л. Честнов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2024. – № 1 (53). – С. 27–37.
11. Павлов, В. И. Генезис модели человека в праве в эпоху Нового времени: методологические возможности и ограничения в контексте утверждения классической рациональности / В. И. Павлов // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 341–345.
12. Пастуро, М. Символическая история европейского средневековья / М. Пастуро. – СПб. : ALEXANDRIA, 2012. – 448 с.
13. Полдников, Д. Ю. Кодификация в стиле романо-германского права в XIX–XX вв.: от мифологизации к рациональной критике. Часть 1 / Д. Ю. Полдников // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 6–16. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.1
14. Рябов, В. А. Изучение акустических сигналов и предполагаемого разговорного языка дельфинов / В. А. Рябов // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Физико-математические науки. – 2016. – № 3 (248). – С. 88–101.
15. Тогоева, О. И. Когда преступник свинья. «Дурные обычаи» и неписанные правила средневекового правосудия / О. И. Тогоева // Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / отв. ред. П. В. Соколов. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. – С. 403–436.

16. Шеффер, Ж.-М. Конец человеческой исключительности / Ж.-М. Шеффер. – М. : Новое лит. обозрение, 2010. – 392 с.

17. Girgen, J. The Historical and Contemporary Prosecution and Punishment of Animals / J. Girgen // Animal Law. – 2003. – Vol. 9. – P. 97–133.

18. Hyde, W. W. The Prosecution and Punishment of Animals and Lifeless Things in the Middle Ages and Modern Times / W. W. Hyde // University of Pennsylvania Law Review and American Law Register. – 1916. – Vol. 64, № 7. – P. 696–730.

19. Slabbert, M. Prosecuting Animals in Medieval Europe: Possible Explanations / M. Slabbert // Fundamina: A Journal of Legal History. – 2004. – Vol. 2004, № 10. – P. 159–179.

REFERENCES

1. Anindya S., Lysenko V.G. Est li u zhivotnykh soznanie? (Interv'yu) [Do Animals Have Consciousness? (Interview)]. *Filosofiya nauki i tekhniki*, 2016, vol. 21, no. 1, pp. 66-77.

2. Biyushkina N.I., Kodan S.V. Bifurkatsionny podkhod v izuchenii istorii gosudarstva i prava: ponimanie i metodologicheskaya konstruktsiya [Bifurcation Approach in Studying the History of State and Law: Understanding and Methodological Construction]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2021, no. 4 (56), pp. 12-22.

3. Gorokhov D.B. Problemny rezultat otechestvennogo pravotvorchestva: zakonodatelnoe ustanovlenie okhrany «zhizni ili zdorov'ya zhivotnykh i rasteniy» [A Problematic Result of Domestic Law-Making: Legislative Establishment of Protection of «Animal and Plant Life or Health»]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2019, no. 2, pp. 45-78.

4. Gurevich A.Ya. *Kategorii srednevekovoy kultury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1972. 322 p.

5. Descartes R. *Rassuzhdeniya o metode* [Discourse on the Method]. Moscow, AST Publ., 2019. 320 p.

6. Denisenko V.V., Donskikh A.A. Legitimatsiya pravovogo regulirovaniya s pozitsii razlichnykh teoriy prava [Legitimation of Legal Regulation from the Perspective of Various Theories of Law]. *Obrazovanie i pravo*, 2023, no. 11, pp. 218-223.

7. Kantorovich Ya.A. *Protsessy protiv zhivotnykh v Srednie veka* [Trials Against Animals in the Middle Ages]. Saint Petersburg, Yurid. b-ka Publ., 1897. 58 p.

8. Lanovaya G.M. Legalizatsiya prav zhivotnykh: Pro et Contra [Legalization of Animal Rights: Pro et Contra]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2025, no. 3 (59), pp. 7-17.

9. Latour B. *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii* [We Have Never Been Modern. An Essay on Symmetrical Anthropology]. Saint Petersburg, Izd-vo Yevrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 2021. 296 p.

10. Lomakina I.B., Chestnov I.L. Postgumanizm kak vyzov antropologii prava [Posthumanism as a Challenge to the Anthropology of Law]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2024, no. 1 (53), pp. 27-37.

11. Pavlov V.I. Genezis modeli cheloveka v prave v epokhu Novogo vremeni: metodologicheskie vozmozhnosti i ogranicheniya v kontekste utverzhdeniya klassicheskoy ratsionalnosti [The Genesis of the Human Model in Law in the Modern Era: Methodological Possibilities and Limitations in the Context of the Establishment of Classical Rationality]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Juridical Techniques], 2023, no. 17, pp. 341-345.

12. Pastouro M. *Simvolicheskaya istoriya evropeyskogo srednevekov'ya* [A Symbolic History of the European Middle Ages]. Saint Petersburg, ALEXANDRIA Publ., 2012. 448 p.

13. Poldnikov D.Yu. Kodifikatsiya v stile romano-germanskogo prava v XIX–XX vv.: ot mifologizatsii k ratsionalnoy kritike. Chast 1 [Codification in the Romano-Germanic Tradition in the 19th – 20th Centuries: From Mythologization to Rational Critique. Part 1]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 6-16. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.1

14. Ryabov V.A. Izuchenie akusticheskikh signalov i predpolagaemogo razgovornogo yazyka delfinov [Study of Acoustic Signals and the Supposed Spoken Language of Dolphins]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Fiziko-matematicheskie nauki*, 2016, no. 3 (248), pp. 88-101.

15. Togoeva O.I. Kogda prestupnik svin'ya. «Durnye obychai» i nepisannye pravila srednevekovogo pravosudiya [When the Criminal is a Pig. "Bad Customs" and Unwritten Rules of Medieval Justice]. Sokolov P.V., ed. *Mnogolikaya sofistika: nelegitimnaya argumentatsiya v intellektualnoy kulture Evropy Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni* [The Many Faces of Sophistry: Illegitimate Argumentation in the Intellectual Culture of Medieval and Early Modern Europe]. Moscow, Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 2015, pp. 403-436.

16. Shaeffer J.-M. *Konets chelovecheskoy isklyuchitelnosti* [The End of Human Exceptionality]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2010. 392 p.

17. Girgen J. The Historical and Contemporary Prosecution and Punishment of Animals. *Animal Law*, 2003, vol. 9, pp. 97-133.

18. Hyde W.W. The Prosecution and Punishment of Animals and Lifeless Things in the Middle Ages and Modern Times. *University of Pennsylvania Law Review and American Law Register*, 1916, vol. 64, no. 7, pp. 696-730.

19. Slabbert M. Prosecuting Animals in Medieval Europe: Possible Explanations. *Fundamina: A Journal of Legal History*, 2004, vol. 2004, no. 10, pp. 159-179.

Information About the Author

Vsevolod A. Kabanov, Master of Sciences (Law), Postgraduate Student, Department of History and Theory of State and Law, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, Bld. 6, 125047 Moscow, Russian Federation, sevakabanov2020@gmail.com, https://orcid.org/0009-0000-6820-2184

Информация об авторе

Всеволод Алексеевич Кабанов, магистр права, аспирант кафедры истории и теории государства и права, Российский государственный гуманитарный университет, пл. Миусская, 6, стр. 6, 125047 г. Москва, Российская Федерация, sevakabanov2020@gmail.com, https://orcid.org/0009-0000-6820-2184

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.4

UDC 342.98
LBC 67.401

Submitted: 27.01.2026
Accepted: 01.06.2026

CORPORATE CONFLICT AND CONFLICT OF INTEREST: RESOLUTION MECHANISMS IN STATE-PARTICIPATED COMPANIES

Ada V. Golomanchuk

Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Daniil D. Abezin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Joint Stock Company "ALFA-BANK", Moscow, Russian Federation

Introduction: the paper examines the specifics of mechanisms for preventing conflict of interest and corporate conflicts in state-participated companies. The **purpose** is to analyze the legal and organizational features of the prevention of collisions between private interests of officials and the public duties of such companies, arising at the intersection of public administration and commercial activities. The paper emphasizes the atypical nature of the regulated object, combining features of an economic entity and an instrument of state policy, which necessitates the creation of specialized compliance procedures different from those applied in fully private or purely state structures. **Results and conclusions:** the authors conclude that the current model of prevention in the Russian Federation, based primarily on expanding prohibitions and obligations of disclosure of information for certain categories of persons, does not fully account for the systemic nature of risks in state-participated companies. This shifts the balance between operational management flexibility and the necessary level of public control, potentially requiring the development of preventive internal standards and ethical audit procedures, since the existing control is often ex-post and selective.

Key words: conflict of interest, corporate conflict, state-participated companies, compliance, corporate governance, state control, official ethics, internal audit.

Citation. Golomanchuk A.V., Abezin D.D. Corporate Conflict and Conflict of Interest: Resolution Mechanisms in State-Participated Companies. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 27-32. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.4

УДК 342.98
ББК 67.401

Дата поступления статьи: 27.01.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

КОРПОРАТИВНЫЙ КОНФЛИКТ И КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ В КОМПАНИЯХ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ

Эйда Владимировна Голоманчук

Волгоградской институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Даниил Денисович Абезин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Акционерное общество «АЛЬФА-БАНК», г. Москва, Российская Федерация

© Голоманчук Э.В., Абезин Д.Д., 2026

Введение: статья посвящена исследованию специфики механизмов предупреждения конфликта интересов и корпоративных конфликтов в компаниях с государственным участием. **Целью работы** является ана-

лиз правовых и организационных особенностей профилактики коллизии между частными интересами должностных лиц и публичными обязанностями таких компаний, возникающей на стыке государственного управления и коммерческой деятельности. Подчеркивается нетипичность регулируемого объекта, сочетающего признаки хозяйствующего субъекта и проводника государственной политики, что требует создания специализированных комплаенс-процедур, отличных от применяемых в полностью частных или чисто государственных структурах. **Результаты и выводы:** авторы приходят к заключению, что действующая в Российской Федерации модель профилактики, основанная преимущественно на расширении запретов и обязанностей по раскрытию информации для отдельных категорий лиц, не в полной мере учитывает системный характер рисков в компаниях с государственным участием. Это изменяет баланс между операционной гибкостью управления и необходимым уровнем публичного контроля, потенциально требуя развития превентивных внутренних стандартов и процедур этического аудита, поскольку существующий контроль часто носит последующий и выборочный характер.

Ключевые слова: конфликт интересов, корпоративный конфликт, компании с государственным участием, комплаенс, корпоративное управление, государственный контроль, служебная этика, внутренний аудит.

Цитирование. Голоманчук Э. В., Абезин Д. Д. Корпоративный конфликт и конфликт интересов: способы разрешения в компаниях с государственным участием // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 27–32. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.4

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска эффективных механизмов минимизации коррупционных рисков и защиты публичных интересов в специфическом сегменте экономики, представленном компаниями с государственным участием. Данные хозяйственные общества функционируют в условиях перманентного столкновения двух парадигм: требований рыночной эффективности и выполнения общественно-значимых задач, делегированных государством-собственником. Корпоративный конфликт, а равно конфликт интересов в таких организациях приобретает системный характер, поскольку затрагивает не только личные интересы менеджмента, но и стратегические вопросы распоряжения государственной собственностью, распределения заказов и доступа к инфраструктуре.

Право, как известно, является искусством добра и справедливости (Jus est ars boni et aequi). Поэтому оно не может оставаться безучастным к такой общественно опасной проблеме, как коррупция. В каком-то смысле, любые вопросы, поднимаемые на обсуждение в юридической науке, являются отражением противостояния bona fides (добросовестности) и mala fides (недобросовестности).

Российский законодатель, осознавая всю тяжесть последствий коррупционных деяний, разработал внушительную нормативную базу, направленную на противодействие коррупции. Особое место в этой системе занимают компании с государственным участием, для которых, ввиду их значимости для экономики страны, предусмотрены дополнительные меры контроля и ответственности. Одной из таких мер является предотвращение и урегулирование конфликта интересов.

Статья 10 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон 273-ФЗ) определяет конфликт интересов как ситуацию, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий). Статья 12.3 Закона 273-ФЗ дополняет эту норму, устанавливая обязанность передачи ценных бумаг (долей участия, паев) в доверительное управление в целях предотвращения конфликта интересов. Это требование распространяется на лиц, занимающих государственные должности, должности государственной и муниципальной службы, а также должности в государственных корпорациях, публично-правовых компаниях и других организациях, создаваемых Российской Федерацией. Законодатель стремится исключить возможность использования служебного положения в личных целях, обеспечивая защиту интересов государства и общества [1, с. 87].

Таким образом, разработка научно обоснованных моделей профилактики, учитывающих двойственную природу таких компаний, представляет значительную теоретическую и социально-политическую важность.

Дифференциация правового регулирования противодействия коррупции для организаций различных форм собственности

В Российской Федерации, как части романо-германской правовой семьи, нормативно-правовые акты, принимаемые компетентными органами государства в установленном порядке, формируют основу законодательства, которая может включать в себя как общие положения, так и специальные. Распространение действия специальной нормы на конкретную организацию зависит, во-первых, от того, в какие отношения вступает организация и ее участники, во-вторых – какая у организации организационно-правовая форма.

Региональные и муниципальные предприятия и учреждения не охватываются статьями 349.1 и 349.2 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ). Эти статьи регулируют особенности труда работников государственных корпораций, публично-правовых компаний, государственных компаний, а также работников государственных внебюджетных фондов, иных организаций, созданных Российской Федерацией на основании федеральных законов, и организаций, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами.

Основная проблема, с которыми сталкиваются организации, не подпадающие под действие статей 349.1 и 349.2 ТК РФ, заключается в том, что, несмотря на рекомендательный характер положений пункта 2 статьи 13.3 Закона 273-ФЗ, суды фактически трактуют эти нормы как обязательные не только для компаний с государственным участием, но и для частных организаций, поддерживая требования прокуроров и возлагая на организации обязанность разработать и принять все меры, указанные в ст. 13.3 Закона 273-ФЗ.

Сложившаяся прокурорская и судебная практика, зачастую не учитывает уровень коррупционных рисков в тех или иных организациях, возможность и целесообразность самостоятельного выбора компаниями антикоррупционных стратегий в зависимости от различных факторов (отраслевой принадлежности, масштаба деятельности, степени аффилированности с государством и т. д.). В итоге на организации оказывается серьезная нагрузка в связи с понуждением принять «избыточные», несоразмерные характеру их деятельности меры. В свою очередь такая практика привела к проблеме так называемого «бумажного комплаенса», суть которого в создании локальных актов организацией, в первую очередь, с целью избежать негативной реакции контрольно-надзорных органов, а не получить надежный и эффективный инструмент выявления коррупционных рисков и минимизации их негативных последствий.

Такой подход не направлен на рационализацию затрат и выгод всех участников правоприменительного процесса; не ориентирует компании с государственным участием (а равно иные организации) на мотивированное соблюдение регулятивных требований, и в конечном итоге не соответствует идеям «качественного правоприменения», предполагающим, в частности, «анализ тех сфер, где нарушения будут наиболее серьезными, и, следовательно, можно получить наибольшую выгоду от мониторинга и инспекций» [4, с. 19].

Способы предупреждения корпоративного конфликта в компаниях с государственным участием

В качестве одной из наиболее действенных предупредительных мер, применяемых для разрешения споров в хозяйственных обществах, следует рассмотреть опцион на заключение договора, регламентированный статьей 429.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Данный правовой инструмент предоставляет контрагентам возможность определения условий будущих сделок, создавая гибкий механизм регулирования возникающих правоотношений. Особую практическую значимость в корпоративной сфере приобретает условие, при котором акцепт по такому опциону ставится в зависимость от наступления

определенного обстоятельства, включая одностороннее волеизъявление. Эта конструкция часто включается в содержание корпоративных договоров, выполняя функцию предварительного способа защиты интересов.

Типичным примером конфликтной ситуации, для предупреждения которой используется опцион, является так называемый deadlock – правовой и управленческий тупик, возникающий в обществах с равным распределением долей капитала (50/50). Судебная практика подтверждает, что непринятие решений общего собрания при таких обстоятельствах может быть оспорено, как это имело место в деле, где решение было признано недействительным из-за отсутствия надлежащего уведомления и участия в голосовании владельца половины доли [1]. Таким образом, риски, связанные с отказом от применения опциона как предупредительного механизма, проистекают из фундаментальных противоречий между участниками относительно стратегии развития бизнеса и не сводятся лишь к классическому конфликту интересов, понимаемому как влияние личной заинтересованности на объективное исполнение полномочий.

Способы предупреждения конфликта интересов в компаниях с государственным участием

Наиболее эффективная превентивная мера при разрешении конфликта интересов – это заверения об обстоятельствах (статья 431.2 ГК РФ), которые играют важную роль в обеспечении прозрачности корпоративных отношений. Компании с государственным участием, а равно юридические лица с другими организационно-правовыми формами, имеют возможность требовать от контрагентов получений различного рода гарантий об отсутствии конфликта интересов у контрагента [2]. Например, заверения о том, что контрагент не является аффилированным лицом с членами органов управления компании.

Как справедливо отмечает В.И. Михайлов [2, с. 28], наряду с инструментами правового регулирования существенное значение для предупреждения и разрешения коллизий интересов имеет этический компонент. Ученый обосновывает позицию, в соответствии с которой конфликт интересов может быть рассмотрен через призму юридической конструкции крайней необходимости. Сущность данной конструкции заключается в возникновении коллизии между двумя охраняемыми законом благами, при которой предотвращение ущерба одному, более значимому из них, оказывается возможным исключительно за счет причинения вреда другому, менее значимому интересу.

Анализ практики функционирования компаний с государственным участием выявил существенный системный недостаток, заключающийся в фрагментарности и поверхностном внедрении институтов внутреннего контроля за конфликтами интересов. Основная трудность состоит не в отсутствии формальных правил, а в их оторванности от операционной деятельности организации.

Правила, не интегрированные в отраслевые особенности и конкретные бизнес-процессы компании, например, в специфику проведения госзакупок, осуществления инвестиционных проектов или взаимодействия с дочерними обществами, воспринимаются персоналом и менеджментом как бюрократическая формальность. Это приводит к созданию параллельной реальности, где формальное соблюдение процедур (например, заполнение деклараций) существует обособленно от фактических механизмов одобрения сделок и назначения контрагентов, что в значительной степени нивелирует превентивную функцию всей системы комплаенса и создает риски для реализации государственных интересов как собственника.

Проведенный анализ демонстрирует также и наличие устойчивой корреляции между результативностью превентивных мер и степенью органической интеграции комплаенс-контроля в фундаментальные механизмы корпоративного управления. Деятельность специализированного подразделения, будучи организационно или функционально обособленной, демонстрирует низкую эффективность при отсутствии системной и публично декларируемой поддержки со стороны высших органов управления акционерного общества – совета директоров и коллегиального исполнительного органа. Ключевым сдерживающим фактором выступает отсутствие формальной интеграции критериев соблюдения комплаенс-требований и этических стандартов в систему

регулярной оценки эффективности (KPI) и материального стимулирования руководителей основных бизнес-направлений и функциональных подразделений. Необходимо также внедрение цифровых образовательных технологий, формирующих антикоррупционную культуру [3, с. 147].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов. Установлено, что специфика профилактики корпоративного конфликта и конфликта интересов в компаниях с государственным участием определяется необходимостью постоянного балансирования между гибкостью, требуемой для коммерческой деятельности, и жесткими стандартами подотчетности, предъявляемыми к распоряжению публичной собственностью.

Выявлена ключевая проблема фрагментарности и формального подхода при внедрении внутренних систем комплаенса. Зачастую соответствующие политики и кодексы этики носят заимствованный, шаблонный характер и не учитывают отраслевую специфику и реальные бизнес-процессы конкретной компании. Это приводит к разрыву между формальными процедурами и практикой принятия решений. Кроме того, обнаружена корреляция между эффективностью профилактики и степенью интеграции комплаенс-контроля в общую систему корпоративного управления. Изолированная деятельность уполномоченного подразделения по предотвращению конфликта интересов без поддержки со стороны высших органов управления компании и без включения соответствующих критериев в систему мотивации руководителей демонстрирует низкую результативность.

Таким образом, совершенствование профилактики конфликта интересов и корпоративного конфликта требует перехода от универсальных предписаний к построению риск-ориентированных внутренних систем. Такие системы должны включать непрерывный мониторинг не только персональных интересов, но и всей цепочки заключаемых сделок, особенно с контрагентами, находящимися в зоне потенциального риска. Обязательным элементом становится внедрение превентивного этического консультирования и создание защищенных каналов для информирования о нарушениях. Наиболее перспективной признана модель, при которой глубину и сложность применяемых профилактических мер определяет уровень потенциального влияния компании на реализацию государственных задач и масштабы операций с бюджетными ресурсами.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Постановление ФАС Московского округа от 14.05.2013 по делу № А40-102694/11-139-585. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=181987#4bh6FDUwBBCa61BM1

[2] Приказ Госкорпорации Росатом от 05.07.2023 № 1/1248-П // Гражданский кодекс Российской Федерации. – URL: https://gkrfkod.ru/zakonodatelstvo/prikaz-goskorporatsii-rosatom-ot-05072023-n-11248-p/

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каюшникова, Ю. Е. Запреты и ограничения на государственной службе: вопросы привлечения к ответственности / Ю. Е. Каюшникова, Т. А. Омельченко // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 12 (216). – С. 87–90.

2. Михайлов, В. И. Конфликт интересов: вопросы этики и совершенствования законодательного оформления / В. И. Михайлов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 3 (70). – С. 26–31.

3. Омельченко, Т. А. Отдельные аспекты разработки и применения программного комплекса оценки знаний государственных служащих по вопросам противодействия коррупции / Т. А. Омельченко, О. А. Астафурова, И. И. Кулагина // Юридическая наука. – 2022. – № 12. – С. 147–150.

4. Слеженков, В. В. От «умного регулирования» к «умному правоприменению»: что препятствует концептуальной трансформации? // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 17–22. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.2

REFERENCES

1. Kayushnikova Yu.E., Omelchenko T.A Zaprety i ogranicheniya na gosudarstvennoy sluzhbe: voprosy privlecheniya i otvetstvennosti [Prohibitions and Restrictions in Public Service: Issues of Bringing to Justice]. *Agrarnoe i zemelnoe pravo* [Agrarian and Land Law], 2022, no. 12 (216), pp. 87-90.

2. Mikhaylov V. I. Konflikt interesov: voprosy etiki i sovershenstvovaniya zakonodatelnogo oformleniya [Conflict of Iinterests: Issues of Ethics and Improvement of Legislative Design]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitelnogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence], 2018, no. 3 (70), pp. 26-31.

3. Omelchenko T.A., Astafurova O.A., Kulagina I.I. Otdelnye aspekty razrabotki i primeneniya programmnogo kompleksa otsenki znaniy gosudarstvennykh sluzhashhikh po voprosam protivodeystviya korruptsii [Selected Aspects of the Development and Application of a Software Package for Assessing the Knowledge of Civil Servants on Anti-Corruption Issues]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2022, no. 12, pp. 147-150.

4. Slezhenkov V.V. Ot «umnogo regulirovaniya» k «umnomu pravoprimeneniyu»: chto prepyatstvuet konceptualnoy transformacii? [From “Smart Regulation” to “Smart Law Enforcement”: What Prevents Conceptual Transformation?]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 17-22. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.2

Information About the Authors

Ada V. Golomanchuk, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Theory of Law and State-Legal Disciplines, Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400005 Volgograd, Russian Federation, golomachuk-ev@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0003-0962-3901

Daniil D. Abezin, Postgraduate Student, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Intern, Compliance Consulting Department 3, Joint Stock Company “ALFA-BANK”, Prosp. Andropova, 18, Bld. 3, 115432 Moscow, Russian Federation, daniil.abezin.02@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-5775-556X

Информация об авторах

Эйда Владимировна Голоманчук, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. им. Гагарина, 8 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, golomachuk-ev@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0003-0962-3901

Даниил Денисович Абезин, аспирант кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; стажер отдела комплаенс консультаций 3, Акционерное общество «АЛЬФА-БАНК», просп. Андропова, 18к3, 115432 г. Москва, Российская Федерация, daniil.abezin.02@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-5775-556X

www.volsu.ru

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.5

UDC 347.132.1
LBC 67.404

Submitted: 21.04.2026
Accepted: 01.06.2026

ON ACTIONS AS THE SUBJECT MATTER OF CIVIL LAW AND ON THE TECHNIQUES OF THEIR REGULATION

Lyudmila A. Chegovadze

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
Moscow, Russian Federation

Introduction: the traditional definition of the subject matter of civil law through the category of "social relations" has long been an axiom in Russian civil law doctrine. However, behind this abstraction, the concrete reality of what exactly is subjected to normative-organizational influence sometimes becomes obscured, as do those primary circumstances of reality that trigger a legal norm action. In legal scholarship, these are studied as legal facts, among which the actions of subjects occupy a central place. It is actions – transactions, decisions of meetings, contracts, and entrepreneurial activity – that are named in the law as grounds for the emergence of civil rights and obligations. But is it enough merely to state this list? What are the criteria for differentiating actions as the subject matter of regulation? What are the techniques and methods of ordering them at different stages – from acquisition of rights to their exercise – and does the classical "permissive method" always cover the whole diversity of regulatory means? The **purpose** is to rethink the subject matter of civil law regulation, shifting the focus from abstract relations to the real actions of natural and legal persons, and on this basis, to identify the specific techniques for their normative organization. **Methods:** the research employs the general scientific methods of analysis, synthesis, induction, and deduction, as well as the comparative-law and systemic methods. **Results:** the study determines that the subject matter of civil law regulation is not social relations as such, but the actions of natural and legal persons – lawful (realizing legal capacity and exercising subjective rights) and protective (aimed at protecting violated rights and interests). It also establishes that actions differ in their legal grounds: some are performed directly on the basis of law (acquisition of rights, conclusion of contracts) and are subject to imperative prescriptions, while others are performed on the basis of individual regulation acts (exercise of already acquired rights) and are subject to the discretion of the parties. **Conclusions:** the civil-law method cannot be reduced exclusively to a permissive orientation since it also includes imperative techniques and prohibitions ensuring the legitimacy of actions to acquire subjective rights and obligations.

Key words: actions, subject matter of civil-law regulation, acquisition of rights, exercise of rights, discretion, imperative prescriptions, permissive method.

Citation. Chegovadze L.A. On Actions as the Subject Matter of Civil Law and on the Techniques of Their Regulation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 33-40. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.5

© Чеговадзе Л.А., 2026

УДК 347.132.1
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 21.04.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

О ДЕЙСТВИЯХ КАК ПРЕДМЕТЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И О ПРИЕМАХ ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Людмила Алексеевна Чеговадзе
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя,
г. Москва, Российская Федерация

Введение: традиционное определение предмета гражданского права через категорию «общественные отношения» давно стало аксиомой отечественной цивилистики. Однако за этой абстракцией порой утрачивается конкретика того, что именно подвергается нормативно-организационному воздействию, каковы те первичные обстоятельства действительности, которые пробуждают действие юридических норм. В науке их принято исследовать в качестве юридических фактов, среди которых центральное место занимают действия субъектов. Именно действия – сделки, решения собраний, договоры, предпринимательская деятельность названы в законе основаниями возникновения гражданских прав и обязанностей. Однако достаточно ли просто констатировать этот перечень? Каковы критерии разграничения действий как предмета регулирования, каковы приемы и способы их упорядочения на разных стадиях – от приобретения прав до их осуществления, и всегда ли классический «дозволительный метод» охватывает все многообразие регулятивных средств? **Цель** настоящей статьи – переосмыслить предмет гражданско-правового регулирования, сместив акцент с отвлеченных отношений на реальные действия физических и юридических лиц, и на этой основе выявить специфические приемы их нормативной организации. В качестве основных **методов** исследования использовались общенаучные методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, сравнительно-правовой, системный. В **результате** определено, что предметом гражданско-правового регулирования являются не общественные отношения как таковые, а действия физических и юридических лиц – правомерные (реализующие правоспособность и осуществляющие субъективные права) и охранительные (направленные на защиту нарушенных прав и интересов). Установлено, что действия различаются по своим юридическим основаниям: одни совершаются непосредственно на основании закона (приобретение прав, заключение договора) и подчиняются императивным предписаниям, другие – на основании актов индивидуального регулирования (осуществление уже приобретенных прав) и подчинены усмотрению сторон. В связи с этим сделан вывод, что гражданско-правовой метод не может быть сведен исключительно к дозволительной направленности, поскольку включает также императивные приемы и запреты, обеспечивающие легитимность действий по приобретению субъективных прав и обязанностей.

Ключевые слова: действия, предмет гражданско-правового регулирования, приобретение прав, осуществление прав, усмотрение, императивные предписания, дозволительный метод.

Цитирование. Чеговадзе Л. А. О действиях как предмете гражданского права и о приемах их регулирования // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 33–40. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.5

Введение

По вопросу о предмете отрасли права оссийская юридическая наука безапелляционно утверждает, что это общественные отношения, и определяет их как разнообразные связи индивидов. Считается, что под воздействием норм права общественные отношения поддаются нормативно-организационному воздействию, а организовать отношения в обществе – это первая из основополагающих функций права. Что касается предмета гражданского права, то определяя его [1, с. 23; 10, с. 80–83; 14, с. 28], ученые исходят из общих норм Гражданских кодексов [2; 3], в частности, норм ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), которая так и называется: «Отношения, регулируемые гражданским законодательством». Вместе с тем гражданско-правовое регулирование ставит своей задачей упорядочить не отношение как таковое, а обстоятельства действительности, пробуждающие действие юридических норм в процессе гражданско-правового регулирования. Подобного рода обстоятельства в правовой науке исследуются в качестве юридических

фактов и подразделяются как события и действия [12]. Действия в ст. 8 ГК РФ названы основаниями гражданских прав и обязанностей физических и юридических лиц (сделка, решение собраний, заключение договора и т. д.). Перечисленные в статье и другие действия формально определены, доступны нормативному регулированию и «выступают предметом своего и чужого интереса. Так, например, предметом интереса заказчика является результат работ (действий) подрядчика, выполненный по заданию заказчика» [12]. Наряду с единичными действиями гражданское законодательство (ст. 2 ГК РФ) регулирует предпринимательскую деятельность, складывающуюся из систематически производимых действий – пользование имуществом, продажа товаров, выполнение работ или оказание услуг. Деятельность, связанную с использованием источника повышенной опасности, регулируют нормы ст. 1079 ГК РФ.

Названные действия могут совершаться на основании закона (заключение договора, принятие наследства, создание юридического лица) и по соглашению или на основании договора. Закон императивно предоставляет возможность действовать либо каждому физическому и юридическому лицу (заключение договора) либо отдельной группе лиц, например, при наличии лицензии.

Действия как предмет гражданско-правового регулирования: общая характеристика

Действия служат предметом гражданско-правового регулирования, поскольку в нормах гражданского права: 1) указывается порядок их совершения (заключение договора посредством оферты и акцепта, время, место и способ исполнения обязательств); 2) определяются условия их правомерности (условия действительности сделок); 3) называются последствия отступлений действий от предъявляемых законом требований (недействительность сделки без получения согласия, когда оно требуется по закону). Поэтому в научном и прикладном значении более адекватной представляется позиция, что предметом гражданско-правового регулирования являются действия субъектов гражданского права по отношению к различного рода социальным благам или по отношению к другим лицам [6]. Что касается событий, предметом нормативно-организационного воздействия норм гражданского права становятся действия по ликвидации их негативных последствий.

Критерии разграничения правомерных и противоправных действия

Системное толкование гражданского законодательства дает основания для вывода, что действия физических и юридических лиц должны быть добросовестными и направленными на приобретение тех прав, которые названы в ст. 18 ГК РФ, а также иных имущественных и личных неимущественных прав, которые хотя и не предусмотрены законом или такими актами, но не противоречат общим началам и смыслу гражданского законодательства. Тогда действия физических и юридических лиц квалифицируются как правомерные и порождают регулятивные правоотношения, которые, как известно, основываются на презумпции правомерности сознания и поведения участвующих субъектов [9].

В ситуациях, когда действия физических и юридических лиц нарушают нормы и принципы гражданского права, они являются противоправными. Противоправными являются и действия, которые нарушают условия и правила актов индивидуально-правового регулирования (договор и другие соглашения, расписка, завещание). На случай совершения противоправных деяний в гражданском праве существует охранительная функция, которая реализуется действиями пострадавших по защите от противоправных деяний сторонних лиц. Цель действий по защите состоит в том, чтобы возвратить правоотношение в регулятивное состояние, чтобы и правовое и фактическое (например, имущественное) положение действующих лиц было восстановлено в том виде, в котором оно находилось до нарушения права. Тем самым гражданское законодательство упорядочивает правомерные действия физических и юридических лиц, и действия, необходимые для защиты их прав и охраняемых законом интересов в случае нарушения.

Действия в сфере гражданско-правовой юрисдикции чрезвычайно разнообразны и для

целей их упорядочения типизируются в зависимости от того, какое значение им придано правом. Так, передача имущества из рук в руки может быть совершена в правовом значении «отчуждение имущества», или, к примеру, «предоставление имущества в аренду». В зависимости от гражданско-правового значения, действие «передача» служит обстоятельством, подлежащим квалификации с учетом правового основания квалифицируемого деяния (в нашем случае договор купли-продажи или договор аренды). Если передача произведена в соответствии с условиями правового основания, это правомерное действие во исполнение договорного обязательства. В отсутствие договора отсутствует и правовое основание для передачи имущества, тогда действия по передаче являются неправомерными. На этот случай предусмотрено правило п. 1 ст. 1102 ГК РФ: «Лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение). Тогда же, когда действия по передаче не соответствуют условиям договора (расходятся с правовым основанием), встает вопрос о юридической квалификации совершенного, например, в качестве мнимой или притворной сделки».

Следовательно, цель гражданско-правового регулирования в том, чтобы предоставить регулятивные средства, используя которые можно действовать правомерно и получать запланированные результаты своих действий (и фактические и юридические). При отступлении действий от заданных правом форм регулятивные средства не справляются и «оживляются» охранительные нормы и конструкции, чтобы вновь привести взаимодействие лиц к правомерному или хотя бы уничтожить последствия их неправомерного поведения.

Фактологические и юридические основания действий

Фактологические основания действий физических и юридических лиц в гражданском праве всегда проявляются через собственную волю и свои интересы действующих субъектов. И, например, если воля сторон соглашения о расторжении брачного договора направлена не на обеспечение законных имущественных интересов, а на искусственное создание возможности для изъятия из конкурсной массы части денежных средств, такие действия признаются ничтожными. Тем самым, существуют особые нормативно-правовые средства, предусмотренные для оценки проявленной в действиях воли и сопутствующих ей интересов. Это означает, что гражданское законодательство регулирует действия с учетом того, соответствует ли воля физических и юридических лиц закону и охраняет ли закон проявленный лицами интерес. Так, например, такой способ защиты как оспаривание займа по безденежности (ст. 812 ГК РФ) основан на том, что действие по передаче предмета займа (чаще всего это денежные средства) не совершалось и оформленная договором воля сторон в действиях не изъявлена. Поэтому закон не охраняет интерес «займодавца», направленный на возврат «заемных» денег.

Юридические основания действий физических и юридических лиц подразделяются как нормативно-правовые и нормативно-волевые (например, договорные) основания. При этом следует учитывать, что изначально лица совершают действия с целью реализации правоспособности, без чего невозможно приобрести субъективные права. Возможности иметь права не противопоставляется обязанность других субъектов права [8, с. 199] и это означает, что действия, направленные на приобретение права, никак не связаны с исполнением обязанности иными лицами. И наоборот, действия с целью осуществления субъективных прав регулируются одновременно с действиями по исполнению обязанности.

Известно, что обязанности бывают двух видов: активные (совершение предписанных или согласованных действий) и пассивные (в виде воздержания от действий). И для осуществления субъективного гражданского права наличие пассивной обязанности является не менее важной компонентой, поскольку обусловливает осуществимость права за счет установления запретов на определенное поведение [5]. К примеру, любая сторона встречных долговых обязательств наделена правом на их зачет, а другая

сторона обязана претерпевать действия по зачету встречных однородных требований (воздерживаться от действий), но не лишается права на оспаривание и защиту, если право на зачет осуществлено неправомерно. Подобным образом (наличием пассивной обязанности и права на защиту) регулируются и другие деяния физических и юридических лиц, осуществляющих свое субъективное право, при наличии между ними конкретной юридической связи.

Действия по приобретению прав и действия по осуществлению прав: два типа регулирования

Регулятивные юридические конструкции гражданского законодательства различаются в зависимости от того, направлены их средства на упорядочение действий по приобретению субъективного права или же они предназначены для регулирования действий по осуществлению ранее приобретенного субъективного права. В науке гражданского права и в судебных постановлениях стало привычным упоминание нормы ст. 9 ГК РФ, где сказано, что граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права, что усмотрение реализуется посредством действий в своем интересе и связано с выражением субъектом гражданского правоотношения своей воли [13]. Однако юридическая способность к действию (гражданская дееспособность) – это в первую очередь способность к действиям по приобретению субъективных гражданских прав. Поэтому более точной представляется формулировка нормы п. 2 ст. 1 ГК РФ о том, что лица не только осуществляют свои права по своему усмотрению, но и приобретают их по своему усмотрению.

Здесь следует привести позицию О.С. Иоффе, который, полемизируя с М.М. Агарковым, совершенно справедливо утверждает, что действия отнюдь не всегда представляют собой осуществление субъективного права, что между правосубъектностью и субъективными правами имеется промежуточное звено, в качестве которого иногда выступают правомерные действия, не являющиеся осуществлением субъективного права [7, с. 672]. И на самом деле, прежде чем осуществлять вещное право собственности, его следует приобрести, например, в порядке наследования. При этом, как известно, возможность наследовать имущество – это не субъективное гражданское право, а элемент гражданской правоспособности, также, например, как возможность совершать любые не противоречащие закону сделки и участвовать в обязательствах. Тем самым приводящие к вещному правообладанию действия физических и юридических лиц основываются на нормативно-правовых конструкциях объективного гражданского права.

Фактологические основания для действий по приобретению субъективных гражданских прав и по их осуществлению – это всегда воля и интересы субъектов. Правовые основания разнятся: для действий по приобретению гражданских прав они предоставлены непосредственно законом. Действия физических и юридических лиц, совершаемые на основании закона, это те, которыми лица реализуют правоспособность: ст. 21 ГК РФ наделяет индивидов способностью своими действиями приобретать гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности (гражданская дееспособность). При этом закон закрепляет юридическое равенство действующих лиц и указывает на свободу их усмотрения. Содержание категории усмотрения включает наличие: свободной воли (отсутствие понуждения к осуществлению своих прав); формирующего волю интереса; юридической самостоятельности; способности субъекта к волеизъявлению [4]. Действия с целью осуществления субъективных прав базируются на индивидуальных правовых основаниях.

Поэтому предметом гражданского права служат два вида действий физических и юридических лиц. Первые – это те, которые направлены на реализацию гражданской правоспособности, и под страхом их юридической ничтожности должны быть совершены именно так, как императивно диктует закон. К примеру, действия по заключению договора, регулируемые нормами главы 28 ГК РФ. Законодательство предписывает совершать их по правилам ст. 435 и 438 ГК РФ в правовых формах «оферта» и «акцепт». И оферта и акцепт определены, как намеренное предложение заключить договор с определением

всех существенных условий и полное безоговорочное согласие на это. Полноценные оферта и акцепт порождают договорное правоотношение и действия, направленные на реализацию его содержания, порождают обязательственные права. Второй тип действий – это действия с целью осуществления субъективных прав / исполнение противостоящих им обязанностей. Их лица совершают уже не во исполнение предписаний закона, а в соответствии с условиями автономно достигнутого соглашения, которое есть не что иное, как акт индивидуального регулирования действий сторон по осуществлению субъективных гражданских прав / исполнению установленных обязанностей.

На стадии приобретения субъективных прав и обязанностей индивидуальной юридической связи между лицами еще нет, но действия каждого из них «связаны» законом, его запретами и предписаниями. Здесь закон предписывает действовать строго в соответствии с нормативно установленными правилами. Однако связь действующих лиц еще не выражена в субъективных гражданских правах и обязанностях, которые впоследствии составят содержание договорного, а затем и обязательственного правоотношения. На стадии осуществления субъективных прав положение действующих лиц иное – их юридическая связь проистекает из автономно установленных правил акта индивидуального регулирования.

И тут мы сталкиваемся с тем, что с одной стороны, все говорят о дозволительной направленности метода гражданско-правового регулирования, о диспозитивности метода гражданского права, проявлением которого служит принцип свободы договора, а с другой стороны лица должны выполнять императивные предписания, несоблюдение которых приводит, например, либо к недействительности либо к незаключенности договора [11].

Выводы

Признав действия предметом гражданско-правового регулирования и разделив их на действия, которыми лица реализуют правоспособность в целях приобретения субъективных прав и установления обязанностей, и на действия, которыми они осуществляют приобретенные права и установленные обязанности, необходимо признать, что в гражданском праве существуют способы и приемы регулирования, которые не могут быть включены в состав дозволительного метода. Вряд ли императивные предписания действовать так и не иначе или запреты действовать так или иначе можно отнести к регулятивным средствам дозволительной направленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басин, Ю. Г. Избранные труды по гражданскому праву / Ю. Г. Басин. – СПб. : Юрид. центр – Пресс, 2003. – 591 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16 апреля 2022 г.) // Российская газета. – 1994. – № 238–239.

3. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г.) (ред. от 26 ноября 2001 г.) // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407.

4. Дерюгина, Т. В. Категория «усмотрение» собственника при осуществлении гражданских прав: понятие и пределы / Т. В. Дерюгина // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 1 (49). – С. 54–57.

5. Дерюгина, Т. В. Применение категории «публичный интерес» в регулировании частноправовых отношений: проблемы теориии и практики // Т. В. Дерюгина, Н. В. Квициния // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 79–87. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.11

6. Демин, А. А. Цивилистическое понимание гражданского оборота / А. А. Демин // Цивилист. – 2022. – № 1. – С. 62–67.

7. Иоффе, О. С. Избранные труды : в 4 т. Т. 4 / О. С. Иоффе ; пер. с англ. Д. М. Короткова. – СПб. : Юрид. центр – Пресс, 2010. – 679 с.

8. Матузов, Н. И. Личность. Права. Демократия / Н. И. Матузов. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1972. – 292 с.

9. Ромашов, Р. А. Публично-правовые основания юридического процесса / Р. А. Ромашов, З. Ф. Сафин // Вестник гражданского процесса. – 2025. – № 6. – С. 16–36.

10. Сулейменов, М. К. Право как система : монография / М. К. Сулейменов. – Алматы : Юрид. фирма «Зангер», 2011. – 359 с.

11. Чеговадзе, Л. А. Незаключенность и недействительность договора: проблемы правоприменения / Л. А. Чеговадзе, Т. В. Дерюгина // Цивилист. – 2022. – № 3. – С. 41–48.

12. Чеговадзе, Л. А. О предмете гражданско-правового регулирования / Л. А. Чеговадзе // Цивилист. – 2023. – № 2. – С. 31–38.

13. Юсупов, М.-Б. Р. Усмотрение, как необходимый элемент в процессе осуществления гражданских прав / М.-Б. Р. Юсупов // Право и бизнес: модернизация, трансформация, цифровизация : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Калининград, Казань, 16 мая 2025 г.) / под ред. Т. К. Примак [и др.]. – М. : РУСАЙНС, 2026. – С. 64–68.

14. Яковлев, В. Ф. Экономика. Право. Суд. Проблемы теории и практики / В. Ф. Яковлев. – М. : МАИК «Наука/Интерпериодика», 2003. – 596 с.

REFERENCES

1. Basin Yu.G. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu* [Selected Works on Civil Law]. Saint Petersburg, Yurid. tsentr – Press Publ., 2003. 591 p.

2. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast pervaya) ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ (red. ot 16 aprelya 2022 g.) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (As Amended on April 16, 2022)]. *Rossiyskaya gazeta*, 1994, no. 238–239.

3. Grazhdanskiy kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 11 iyunya 1964 g.) (red. ot 26 noyabrya 2001 g.) [Civil Code of the RSFSR Approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on June 11, 1964) (As Amended on November 26, 2001)]. *Vedomosti VS RSFSR*, 1964, no. 24, art. 407.

4. Deryugina T.V. Kategoriya «usmotrenie» sobstvennika pri osushchestvlenii grazhdanskih prav: ponyatie i predely [The Category of "Discretion" of the Owner in the Exercise of Civil Rights: Concept and Limits]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2009, no. 1 (49), pp. 54-57.

5. Deryugina T.V., Kviciniya N.V. Primenenie kategorii «publichny interes» v regulirovanii chastnopravovykh otnosheniy: problemy teorii i praktiki [The Application of the Category "Public Interest" in the Regulation of Private Law Relations]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 3, pp. 79-87. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.11

6. Demin A.A. Tsivilisticheskoe ponimanie grazhdanskogo oborota [Civilistic Understanding of Civil Turnover]. *Civilist*, 2022, no. 1, pp. 62-67.

7. Ioffe O.S. *Izbrannye trudy: v 4 t. T. 4* [Selected Works. In 4 Vols. Vol. 4]. Saint Petersburg, Yurid. tsentr – Press Publ., 2010. 679 p.

8. Matuzov N.I. *Lichnost. Prava. Demokratiya* [Personality. Rights. Democracy]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1972. 292 p.

9. Romashov R.A., Safin Z.F. Publichno-pravovye osnovaniya yuridicheskogo protsessa [Public Law Foundations of the Legal Process]. *Vestnik grazhdanskogo processa* [Herald of Civil Procedure], 2025, no. 6, pp. 16-36.

10. Suleymenov M.K. *Pravo kak sistema: monografiya* [Law as a System. Monograph]. Almaty, Yurid. firma «Zanger», 2011. 359 p.

11. Chegovadze L.A., Deryugina T.V. Nezaklyuchennost i nedeystvitelnost dogovora: problemy pravoprimeneniya [Non-Conclusion and Invalidity of a Contract: Problems of Law Enforcement]. *Civilist*, 2022, no. 3, pp. 41-48.

12. Chegovadze L.A. O predmete grazhdansko-pravovogo regulirovaniya [About the Subject of Civil Law Regulation]. *Civilist*, 2023, no. 2, pp. 31-38.

13. Yusupov M.-B.R. Usmotrenie kak neobhodimyj element v processe osushchestvleniya grazhdanskih prav [Discretion as a Necessary Element in the Process of Exercising Civil Rights]. Primak T.K., ed. *Pravo i biznes: modernizatsiya, transformatsiya, cifrovizatsiya: sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kaliningrad, Kazan, 16 maya 2025 g.)* [Law and Business: Modernization, Transformation, Digitalization. Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference (Kaliningrad, Kazan, May 16, 2025)]. Moscow, RUSAYNS Publ., 2026, pp. 64-68.

14. Yakovlev V.F. *Ekonomika. Pravo. Sud. Problemy teorii i praktiki* [Economics. Law. Court. Problems of Theory and Practice]. Moscow, MAIK «Nauka/Interperiodika», 2003. 596 p.

Information About the Author

Lyudmila A. Chegovadze, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Civil and Labor Law and Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Akademika Volgina St, 12, 117437 Moscow, Russian Federation, chegov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0079-1917

Информация об авторе

Людмила Алексеевна Чеговадзе, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, ул. Академика Волгина, 12, 117437 г. Москва, Российская Федерация, chegov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0079-1917

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.6

UDC 347.72
LBC 67.404.213

Submitted: 10.01.2026
Accepted: 01.06.2026

MULTIMODAL CARRIAGE: CHARACTERISTICS AND SCOPE OF LEGAL REGULATION

Aleksey A. Maksurov

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

Introduction: the scientific paper addresses the topical issue of determining the subject matter of legal regulation of public relations in the field of multimodal carriage. It examines the specifics of the modern legislative approach to the legal regulation of multimodal carriage. In legal scholarship, the question of the essence of contractual relations in the sphere of multimodal carriage has traditionally remained debatable. On September 1, 2025, Federal Law No. 288-FZ of August 8, 2024, "On Direct Mixed Carriage and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation," came into force, the approach of which to resolving this issue differs significantly from the provisions of the original draft law discussed in the doctrine. As a result, there is a need to determine the essential characteristics of contractual relations for multimodal carriage in accordance with the law, as well as to clarify doctrinal provisions on this matter, which became the **purpose** of the study. The scientific novelty is manifested in the fact that at present, in order to prevent legal uncertainty, it is necessary to identify the essential features of multimodal carriage and clarify the subject matter of the legal regulation of public relations in the area of multimodal carriage. **Methods:** the methodological framework includes the general scientific methods of cognition applied in social sciences in general, including legal sciences, in particular, the methods of formal logic and the systemic approach to the study of legal phenomena. **Results:** the paper identifies three special groups of legal circumstances in multimodal carriage, including the factual and legal links between the first carrier and the consignor, the joining of other co-carriers (besides the first one) to the carriage, and the mutual obligations of the co-carriers. **Conclusions:** the paper identifies the essential features of multimodal carriage and shows the specifics of their reflection in civil legislation. It proposes to amend the Civil Code of the Russian Federation in accordance with the special legislation on multimodal carriage.

Key words: mixed carriage, multimodal carriage, complex carriage, combined carriage, types of carriage process, carriage purposes, consignor, carrier.

Citation. Maksurov A.A. Multimodal Carriage: Characteristics and Scope of Legal Regulation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 41-48. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.6

УДК 347.72
ББК 67.404.213

Дата поступления статьи: 10.01.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

МУЛЬТИМОДАЛЬНАЯ ПЕРЕВОЗКА: ПРИЗНАКИ И СФЕРА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Алексей Анатольевич Максуров

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

Введение: научная статья посвящена актуальной проблеме – вопросу определения предмета правового регулирования общественных отношений в области мультимодальных перевозок. В статье рассмотрены особенности современного законодательного подхода к правовому регулированию мультимодальной перевозки. В юридической науке вопрос о сущности договорных отношений в сфере осуществления мультимодальных перевозок традиционно остается дискуссионным. 01.09.2025 вступил в силу Федеральный закон «О прямых смешанных перевозках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 № 288-ФЗ, подход которого к решению данного вопроса значительно отличается от положений первоначального законопроекта, обсуждавшегося в доктрине. В результате возникла необходимость в определении сущностных характеристик договорных отношений по мудьтимодальной перевозке

© Максуров А.А., 2026

в соответствии с нормами закона, а также в уточнении доктринальных положений на этот счет, что и стало целью исследования. **Научная новизна** проведенного исследования проявилась в том, что в настоящее время в целях предотвращения правовой неопределенности необходимо выделить сущностные признаки мультимодальной перевозки и уточнить предмет правового регулирования общественных отношений в области мультимодальных перевозок. **Методологическую основу** исследования составили общенаучные методы познания, применяемые в общественных науках в целом, в том числе и в юридических науках, в том числе, методы формальной логики и системный подход к исследованию правовых явлений. **Результаты исследования:** при осуществлении мультимодальной перевозки усматривается наличие трех особых групп правовых обстоятельств, включая фактические и юридические связи между первым перевозчиком и грузоотправителем, присоединение к перевозке иных, помимо первого, соперевозчиков, взаимные обязательства соперевозчиков. **Выводы:** выявлены сущностные признаки мультимодальной перевозки, а также показаны особенности их отражения в гражданском законодательстве. Предложено уточнение норм ГК РФ в соответствии со специальным законодательством о мультимодальных перевозках.

Ключевые слова: смешанная перевозка, мультимодальная перевозка, комплексная перевозка, комбинированная перевозка, виды перевозочного процесса, цели перевозки, грузоотправитель, перевозчик.

Цитирование. Максуров А. А. Мультимодальная перевозка: признаки и сфера правового регулирования // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 41–48. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.6

Введение

Анализ правового механизма мультимодальных перевозок предполагает, прежде всего, осознание правовой сущности и причин формирования такого экономико-правового концепта.

Транспортное сообщение связывает регионы России в единое экономическое пространство, обеспечивает интеграцию с мировым сообществом и глобальной экономической системой. При этом исторически Россия имеет выгодное положение с точки зрения экономической географии, что уже само по себе потенциально способствует осуществлению мультимодальных перевозок, а физическая география страны зачастую требует комбинированного использования различных видов транспорта даже при внутринациональных перевозках.

Очевидные причины, главным образом, особенности национальных территорий и требование экономической эффективности предпринимательства в транспортной деятельности, привели к тому, что международные мультимодальные перевозки стали основным видом трансграничного сообщения.

Процесс правового регулирования вопросов мультимодальных перевозок находится в активной динамике. С 01.09.2025 вступил в силу Федеральный закон «О прямых смешанных перевозках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 № 288-ФЗ (далее – Закон о прямых смешанных перевозках) [18], положения которого значительно изменились сравнительно с первоначальным проектом и требуют научного осмысления и анализа. Активно развиваются нормы международного и регионального, в частности, европейского права, и права конкретных «транспортных коридоров», зарубежное законодательство о мультимодальных перевозках [12, с. 42].

В данном исследовании автор оперирует термином «мультимодальная перевозка» по тем причинам, что понятие «мультимодальность» в большей степени отражает в себе все признаки рассматриваемых перевозок, в частности, еще и потому, что включает в себя требование о перевозке по единому перевозочному документу, тогда как ст. 788 ГК РФ, указывает на «перевозки в прямом смешанном сообщении» плюс «по единому документу». Именно «мультимодальная перевозка» как термин полностью превалирует в экономической литературе и логистике. Основным делением в доктрине выступает именно деление перевозок на мультимодальные и интермодальные перевозки и в большинстве случаев речь идет именно о термине «мультимодальная перевозка». Необходимо отметить, что ранее и в проектах законов, существовавших до приятия Закона о прямых смешанных перевозках, использовался также термин «мультимодальная перевозка».

До настоящего времени ни в доктрине, ни в нормах международного права нет усто-

явшегося понимания мультимодальной перевозки как особого способа организации перевозочного процесса. Нет и единства мнений по поводу сущностных признаков международной мультимодальной перевозки. В международном праве действуют существенно различающиеся между собой концепции мультимодальных перевозок, которые каждая по своему решают вопросы ответственности участников перевозочного процесса. Имеет место неопределенность в установлении права, подлежащего применению к отношениям в сфере международной мультимодальной перевозки, как перевозки, осложненной иностранным элементом.

В результате ввиду разнообразия подходов к определению отношений по мультимодальной перевозке, в рамках которых возможна ее реализация, наличия отличных по содержанию мнений к определению правового смысла данного понятия, установление особенностей правовой природы мультимодальной перевозки и экономико-правовых причин, ее породивших, сегодня актуально и значимо. Цель настоящей работы – установление признаков мультимодальной перевозки и сферы применения данного правового механизма.

Цель исследования определяет его методологию, включающую в себя использование методов и приемов формальной логики (дедукции, индукции и классификации), системного анализа правовых явлений, метода обобщения достижений правовой доктрины.

Теоретико-правовые подходы к мультимодальной перевозке

В юридической науке традиционно отмечаются значение и специфика мультимодальных перевозок в следующих аспектах.

Во-первых, мультимодальная перевозка, имея, на первый взгляд, сугубо экономическую составляющую, выполняет и значимую социальную функцию [3, с. 122], реализация которой основана на фундаментальных принципах права [19, с. 62]. Социальный характер проявляется и в учете психологических факторов при согласовании интересов грузоотправителей (пассажиров) и грузополучателей с интересами других лиц [20, с. 91].

Во-вторых, именно благодаря механизму мультимодальной перевозки достигается координация публичных и частных интересов [10, с. 149], что позволяет даже говорить об обеспечении государством устойчивого механизма координации таких интересов [8, с. 22] и о требовании эффективности такой государственной деятельности [7, с. 92].

Мультимодальная перевозка в юридической технологии и юридической деятельности сегодня рассматривается и как особый способ применения средств правового воздействия, а именно, способ регулирования общественных отношений, согласования, в частности интересов участников перевозочного процесса, что позволяет даже относить механизм мультимодальной перевозки к элементам юридической тактики [6, с. 52].

Механизм мультимодальной перевозки может пониматься и как совокупность правовых средств решения конкретных экономических задач и удовлетворения имущественных потребностей, к примеру, как ориентир в процессе разрешения споров путем медиации, выполняющей в данном случае особую экономическую функцию [17, с. 31]. В частности, на практике имели место ситуации, когда, при отсутствии четкого механизма правового регулирования, этот механизм в процессе медиации формировался искусственно [15, с. 22], в том числе, в виде матрицы взаимных прав и обязанностей участников перевозочного процесса, определения моментов перехода бремени ответственности от одного участника перевозки к другому [16, с. 29].

Представляется, что именно в механизме мультимодальной перевозки в наибольшей степени отражается организационная функция гражданско-правовых договоров [14, с. 65].

В-третьих, происходит расширение области применения мультимодальных перевозок, занимающих все большее место в гражданском обороте, что влечет соответствующий интерес к данному виду координации перевозочной деятельности контрольно-надзорных органов, учет сложившихся отношений в рамках исполнительного производства [5, с. 108], при издании согласованных правовых актов, непосредственно регулирующих участие в мультимодальных перевозках субъектов перевозочного процесса (транспортных предприятий, терминалов, аэропортов и т. п.), полностью или частично находящихся в публичной собственности [9, с. 55].

Мультимодальные перевозки все чаще имеют не только частно-имущественное, но экономико-общественное содержание. В этой связи отмечается даже взаимосвязь эффективного и согласованного осуществления мультимодальных перевозок и обеспечения экономической безопасности России [2, с. 12].

Результаты и обсуждение

Конструкция договора (системы договоров) мультимодальной перевозки грузов в российском праве не имеет единого доктринального выражения.

Между тем законодатель представляет необходимые дефиниции, заключающие в себе сущностные признаки этого концепта.

Так, ч. 1 ст. 3 Закона о прямых смешанных перевозках предполагает, что перевозка в прямом смешанном сообщении осуществляется на основании договора перевозки в прямом смешанном сообщении, заключаемого перевозчиком, являющимся стороной соглашения об организации перевозок в прямом смешанном сообщении, с грузоотправителем, пассажиром.

Вместе с тем вопрос о том, что такое сама мультимодальная перевозка как объект интереса сторон договора, в самом общем виде решает ст. 788 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4] на основании выделяемых законодателем сущностных признаков данного явления. Представляется, однако, что эти признаки не в полной мере отвечают сущности конструкции мультимодальной перевозки, раскрытой в нормах Закона о прямых смешанных перевозках.

Закон называет три признака, обязательных для мультимодальной перевозки: 1) перевозка осуществляется более, чем одним перевозчиком; 2) используется транспорт различного вида; 3) посредством оформления единого транспортного документа. Тем не менее практика понимала перевозки в качестве мультимодальных и при отсутствии единого транспортного документа, который в императивном виде как обязательный элемент указанного вида грузовых перевозок был введен именно Законом о прямых смешанных перевозках [13, с. 27].

Закон избегает термина «мультимодальная перевозка», который распространен в нормах международного права, употребляя понятие «прямое смешанное сообщение». В то же время ГК РФ, во-первых, не содержит дефиниции применимого понятия, что представляет собой порок логики в виде «определения неизвестного через неизвестное, и во-вторых – отождествляет понятия «прямые смешанные перевозки» и «комбинированные перевозки», тогда как в доктрине эти понятия нередко различаются [11, с. 110]. Например, комбинированные перевозки рассматриваются в виде типа смешанных перевозок с той особенностью, что при их осуществлении нет необходимости в перегрузке, так как груз перемещается в одной и той же грузовой единице (контейнере, полуприцепе) независимо от вида транспорта [1, с. 151].

В ст. 788 ГК РФ как предмет регулирования изначально заявлен круг отношений, не включающих в себя юридические и фактические связи между грузоотправителем и мультимодальным оператором (первым перевозчиком). В то же время, представляется, что термин «взаимоотношения» транспортных организаций объединяет в себе и порядок организации мультимодальных перевозок, притом, что в рамках договорных правоотношений речь все-таки следует вести о перевозчике (стороне договора), а не о транспортной организации.

Выводы

Закон о прямых смешанных перевозках иначе (намного более широко) определяет собственный предмет правового регулирования: согласно ч. 1 ст. 1, он призван установить правовые основы организации и осуществления перевозок грузов, пассажиров, ручной клади, багажа, грузобагажа разными видами транспорта по единому транспортному документу, которые закон именует «перевозками в прямом смешанном сообщении».

Сегодня Закон о прямых смешанных перевозках действует, однако не совсем ясно, как быть в ситуации, когда перевозчиками были заключены соответствующие соглашения ранее, в том числе, если некоторая постоянная перевозка осуществляется в соответствии с ними и сегодня, ведь эти соглашения зачастую не имеют гражданско-правового

характера, а решают лишь организационные вопросы, в связи с чем правило п. 2 ст. 422 ГК РФ ко всем указанным случаям применить сложно. Очевидно только, что любые существующие соглашения в указанной сфере должны соответствовать требованиям Закона о прямых смешанных перевозках как специального закона и нуждаются в приведении в соответствие с ним, в частности с положениями ст. 2 Закона о прямых смешанных перевозках. Содержащиеся в таких положениях нормы, прямо вступающие в противоречие с данным Законом, должны рассматриваться как недействительные (ничтожные).

Однако помимо этого могут иметь место и фактические отношения в области осуществления мультимодальной перевозки при отсутствии участия перевозчиков в конкретном соглашении. Фактические отношения не во всех случаях могут рассматриваться в качестве гражданско-правовых отношений (например, это могут быть административно-правовые отношения в рамках предоставления «транспортных коридоров» или технологические отношения, в частности такие как отношения в сфере подключения к системам оповещения и пр.). Не всегда они могут рассматриваться в качестве договорного обязательства и к ним могут не быть применимы правила о форме договора. Тем не менее права и обязанности перевозчиков и грузоотправителей (грузополучателей) в таких отношениях до заключения новых соглашений, требуемых Законом о прямых смешанных перевозках, должны быть упорядочены и защищены.

По этим причинам предлагаем следующую редакцию ст. 788 Гражданского кодекса Российской Федерации:

1. В случае заключения договора мультимодальной (прямой смешанной) перевозки, то есть перевозки, осуществляемой двумя и более видами транспорта в рамках единого транспортного процесса и по единому транспортному документу, в обязанности первого перевозчика, принявшего груз, входит организация доставки груза (пассажира) в пункт назначения соответствующим видом транспорта.

2. Первый перевозчик, принявший груз, несет солидарную ответственность за сохранность груза, соблюдение сроков доставки груза или пассажира, качество оказанной пассажиру услуги по перевозке совместно с непосредственными перевозчиками и иными лицами, осуществившими сопутствующие перевозке работы и оказавшие услуги (погрузка и выгрузка груза и его хранение, питание пассажира и т. п.), в том числе на фактических договорных началах.

3. Соглашениями указанных в пункте втором настоящей статьи лиц могут быть установлены любые положения, не ограничивающие права грузоотправителя (грузополучателя, пассажира, владельца груза), предусмотренные гражданским законодательством Российской Федерации.

Представляется, что таким образом можно снизить риски возникновения правовой неопределенности и повысить общую эффективность правового воздействия уточнив предметную область правового регулирования в данном конкретном случае.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бажина, М. А. «Понятийный бум» при осуществлении перевозок различными видами транспорта в России и за рубежом: сравнительный анализ / М. А. Бажина, Е. П. Щекочихина // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. – 2021. – № 1. – С. 148–156.

2. Баранов, В. М. Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе / В. М. Баранов, В. Н. Карташов // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2006. – № 6. – С. 11–15.

3. Бриль, Г. Г. Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики / Г. Г. Бриль // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе : сб. науч. тр. V межвуз. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г. Г. Бриль. – Кострома : [б. и.], 2007. – С. 121–125.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

5. Гражданское исполнительное право / под ред. А.А. Власова. – М. : Экзамен, 2004. – 380 с.

6. Карташов, В. Н. К вопросу о понятии координационной юридической тактики / В. Н. Карташов // Развитие молодежной юридической науки в современном мире : сб. науч. тр. по материалам VIII Междунар. науч.-практ. интернет-конф. (15 мая 2011 г.). – Тамбов : [б. и.], 2011. – С. 50–55.

7. Карташов, В. Н. Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности / В. Н. Карташов // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе : сб. науч. тр. V межвуз. науч.-практ. конф. / отв. ред. проф. Г. Г. Бриль. – Кострома : [б. и.], 2007. – С. 89–94.

8. Карташов, В. Н. Механизм координационного регулирования / В. Н. Карташов // Вестник научных трудов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Вып. 3. Часть 8. Вопросы теории и истории гос. и права / отв. ред. П. А. Кабанов. – Нижнекамск : [б. и.], 2001. – С. 21–25.

9. Кивленок, Т. В. Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности / Т. В. Кивленок // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. науч. тр. – Владимир : ВГПУ, 2002. – Вып. 3. – С. 54–58.

10. Макаров, И. И. Координация в праве / И. И. Макаров. – Ярославль : ЯФ МФЮА, 2012. – 392 с.

11. Максуров, А. А. Коммерческое представительство и мультимодальные перевозки в Российской Федерации и за рубежом / А. А. Максуров. – М. : URSS, 2023. – 290 с.

12. Максуров, А. А. Координационное регулирование гражданско-правовых отношений в праве стран Европы / А. А. Максуров // Советник юриста. – 2018. – № 3. – С. 39–46.

13. Максуров, А. А. Ответственность автомобильного перевозчика за неподачу транспортных средств / А. А. Максуров // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2019. – Т. 31, вып. 3. – С. 19–28.

14. Политкин, И. А. Организационная функция гражданско-правовых договоров / И. А. Политкин // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 62–66. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.8

15. Таланова, М. В. Виды процессуальных форм медиативной юридической деятельности / М. В. Таланова // Российская юстиция. – 2012. – № 1. – С. 18–24.

16. Таланова, М. В. Основная стадия медиативного процесса / М. В. Таланова // Советник юриста. – 2012. – № 10. – С. 28–34.

17. Таланова, М. В. Политическая функция медиативной юридической практики / М. В. Таланова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 1. – С. 23–32.

18. Федеральный закон «О прямых смешанных перевозках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 № 288-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482540/#dst100005

19. Фролов, С. Е. Принципы координационной деятельности / С. Е. Фролов // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. науч. тр. – Владимир : ВГПУ, 2002. – С. 59–64.

20. Чернецов, В. Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики / В. Ю. Чернецов // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации : докл. и сообщ. VII Междунар. науч. конф. (Москва, 17 апр. 2007 г.). – М. : РГГУ, 2007. – С. 89–94.

REFERENCES

1. Bazhina M.A., Shhekochikhina E.P. «Ponyatiyny bum» pri osushhestvlenii perevozok razlichnymi vidami transporta v Rossii i za rubezhom: sravnitelny analiz ["Conceptual Boom" in the Implementation of Transportation by Various Modes of Transport in Russia and Abroad. Comparative Analysis]. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina* [Bulletin of the O.E. Kutafin University], 2021, no. 1, pp. 148-156.

2. Baranov V.M., Kartashov V.N. Osnovnye nedostatki koordinatsionnoy praktiki po obespecheniyu ekonomicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii na sovremennom etape [The Main Shortcomings of Coordination Practice in Ensuring the Economic Security of the Russian Federation at the Present Stage]. *Ekonomicheskaya bezopasnost Rossii: politicheskie orientiry, zakonodatelnye prioritety, praktika obespecheniya. Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* [Economic Security of Russia: Political Guidelines, Legislative Priorities, Practice of Ensuring. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2006, no. 6, pp. 11-15.

3. Brill G.G. Maloissledovannye obshhesotsialnye funktsii koordinatsionnoy yuridicheskoy praktiki [Little-Studied General Social Functions of Coordinating Legal Practice]. Brill G.G., ed. *Aktualnye problemy teorii i istorii prava i gosudarstva na sovremennom etape: sb. nauch. tr. V mezhvuz. nauch.-prakt. konf.* [Actual Problems of the Theory and History of Law and the State at the Present Stage. Collection of Scientific Works of the 5th Interuniversity Scientific and Practical Conference]. Kostroma, s.n., 2007, pp. 121-125.

4. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part Two) Dated January 26, 1996 No. 14-FZ]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 5, art. 410.

5. Vlasov A.A., ed. *Grazhdanskoe ispolnitelnoe pravo* [Civil Enforcement Law]. Moscow, Examen Publ., 2004. 380 p.

6. Kartashov V.N. K voprosu o ponyatii koordinatsionnoy yuridicheskoy taktiki [On the Question of the Concept of Coordinating Legal Tactics]. *Razvitie molodezhnoy yuridicheskoy nauki v sovremennom mire: sb. nauch. tr. po materialam VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. internet-konf. (15 maya 2011 g.)* [Development of Youth Legal Science in the Modern World. Collection of Scientific Works Based on the Materials of the 8th International Scientific and Practical Internet Conference (May 15, 2011)]. Tambov, s.n., 2011, pp. 50-55.

7. Kartashov V.N. Koordinatsionnaya yuridicheskaya praktika gosudarstvennykh organov: vzglyad na problemu effektivnosti [Coordinated Legal Practice of State Bodies. Look at the Problem of Effectiveness]. Brill G.G., ed. *Aktualnye problemy teorii i istorii prava i gosudarstva na sovremennom etape: sb. nauch. tr. V Mezhvuz. nauch.-prakt. konf.* [Actual Problems of the Theory and History of Law and the State at the Present Stage. Collection of Scientific Papers. The 5th Interuniversity Scientific and Practical Conference]. Kostroma, s.n., 2007. pp. 89-94.

8. Kartashov V.N. Mekhanizm koordinatsionnogo regulirovaniya [The Mechanism of Coordination Regulation]. Kabanov P.A., ed. *Vestnik nauchnykh trudov Nizhnekamskogo filiala Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta. Vyp. 3. Chast 8. Voprosy teorii i istorii gos. i prava* [Bulletin of Scientific Papers of the Nizhnekamsk Branch of the Moscow Humanitarian and Economic Institute. Iss. 3. Part 8. Issues of the Theory and History of the State and Law]. Nizhnekamsk, s.n., 2001, pp. 21-25.

9. Kivlenok T.V. Pravovoy akt kak vneshnyaya forma koordinatsionnoy deyatelnosti [Legal Act as an External Form of Coordination Activity]. *Aktualnye problemy yurisprudentsii: sb. nauch. tr.* [Actual Problems of Jurisprudence. Collection of Scientific Papers]. Vladimir, VGPU, 2002, iss. 3, pp. 54-58.

10. Makarov I.I. *Koordinatsiya v prave* [Coordination in Law]. Yaroslavl, YaF MFYuA, 2012. 392 p.

11. Maksurov A.A. *Kommercheskoe predstavitelstvo i multimodalnye perevozki v Rossiyskoy Federatsii i za rubezhom* [Commercial Representation and Multimodal Transportation in the Russian Federation and Abroad]. Moscow, URSS, 2023. 290 p.

12. Maksurov A. A. Koordinatsionnoe regulirovanie grazhdansko-pravovykh otnosheniy v prave stran Evropy [Coordination Regulation of Civil Law Relations in the Law of European Countries]. *Sovetnik yurista* [Lawyer's Advisor], 2018, no. 3, pp. 39-46.

13. Maksurov A.A. Otvetstvennost avtomobilnogo perevozchika za nepodachu transportnykh sredstv [Liability of a Road Carrier for Failure to Provide Vehicles]. *Juridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Legal Bulletin of Dagestan State University], 2019, vol. 31, iss. 3, pp. 19-28.

14. Politkin I.A. Organizatsionnaya funktsiya grazhdansko-pravovykh dogovorov [The Organizational Function of Civil Contracts]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 62-66. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.8

15. Talanova M.V. Vidy processualnykh form mediativnoy yuridicheskoy deyatelnosti [Types of Procedural Forms of Mediative Legal Activity]. *Rossiyskaya yusticiya* [Russian Justice], 2012, no. 1, pp. 18-24.

16. Talanova M.V. Osnovnaya stadiya mediativnogo processa [The Main Stage of the Mediation Process]. *Sovetnik yurista* [Lawyer's Advisor], 2012, no. 10, pp. 28-34.

17. Talanova M.V. Politicheskaya funktsiya mediativnoy yuridicheskoy praktiki [The Political Function of Mediative Legal Practice]. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-Government], 2012, no. 1, pp. 23-32.

18. *Federalny zakon «O pryamykh smeshannykh perevozkakh i o vnesenii izmeneniy v otdelnye zakonodatelnye akty Rossiyskoy Federatsii» ot 08.08.2024 № 288-FZ* [Federal Law "On Direct Mixed Transport and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" Dated August 8, 2024 No. 288-FZ]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482540/#dst100005

19. Frolov S.E. Printsipy koordinatsionnoy deyatelnosti [Principles of Coordination Activity]. *Aktualnye problemy yurisprudentsii: sb. nauch. tr.* [Actual Problems of Jurisprudence. Collection of Scientific Papers]. Vladimir, VGPU, 2002. pp. 59-64.

20. Chernetsov V.Ju. Psikhologicheskiy podkhod k izucheniyu problem koordinatsionnoy yuridicheskoy praktiki [Psychological Approach to the Study of Problems of Coordination Legal Practice]. *Zakonodatelstvo i pravoprimenenie v Rossiyskoy Federatsii: dokl. i soobshh. VII Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 14 apr. 2007 g.)* [Legislation and Law Enforcement in the Russian Federation. Reports and presentations of the VII International Scientific Conference (Moscow, April 17, 2007)]. Moscow, RGGU, 2007. pp. 89-94.

Information About the Author

Aleksey A. Maksurov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Sovetskaya St, 14, 150000 Yaroslavl, Russian Federation, alex.maks.yarosl@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-5781-6524

Информация об авторе

Алексей Анатольевич Максуров, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, ул. Советская, 14, 150000 г. Ярославль, Российская Федерация, alex.maks.yarosl@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-5781-6524

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.7

UDC 347.635
LBC 67.404.5

Submitted: 15.01.2026
Accepted: 01.06.2026

CARE FOR PARENTS: THE SUBSTANTIVE ASPECT

Yanina Ya. Kail

Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Victoria A. Usanova

Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction: in jurisprudence, there are both formally defined categories and abstract ones. Care is one such abstract category. Legal scholars, as a rule, do not pay sufficient attention to the category of care; more often it falls within the sphere of interest of teachers, educators, and sometimes psychologists. The definitions of care can be found in sociology, political science, philosophy, pedagogy, and jurisprudence, but much less frequently than in the above-mentioned disciplines. Usually, in legal literature, the analysis of care for parents is carried out from the standpoint of the fulfillment by children of the obligation to pay alimony to parents or other property provisions in the event of difficult life situations. The study of the duty of children to care for their parents is of high relevance, since it is necessary to determine what specific types of care are an integral part of children's duty. The authors examine the content of the duties of children towards their parents, emphasizing the concept of care as the basis of the close relationship between children and parents. The authors set themselves the task of analyzing the theory, scientific opinions, and law-enforcement practice of such an undefined term as "care for parents." **Purpose:** to reveal the substantive aspect of care for parents. **Methods:** the study uses induction, deduction, analysis, and the formal-legal method. **Results:** the paper provides the components of actions that a child must perform in connection with care for disabled parents, which form the content of care. **Conclusions:** the substantive aspect of care is reduced by the legislator to the maintenance of parents, mainly to property maintenance.

Key words: care, maintenance, children, parents, rights and duties, support, assistance.

Citation. Kail Ya.Ya., Usanova V.A. Care for Parents: The Substantive Aspect. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 49-55. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.7

УДК 347.635
ББК 67.404.5

Дата поступления статьи: 15.01.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

ЗАБОТА О РОДИТЕЛЯХ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Янина Яковлевна Кайль

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Виктория Александровна Усанова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в юриспруденции встречаются как формально определенные категории, так и абстрактные. Одной из таких категорий можно указать заботу. Ученые юристы, как правило, не уделяют достаточного внимания такой категории как забота, чаще всего она относится к сфере интересов педагогов, воспитателей, иногда психологов. Можно встретить определение понятия заботы и в социологии, и политологии, и филосо-

© Кайль Я.Я., Усанова В.А., 2026

фии, и педагогике, и в юриспруденции, но гораздо реже, чем в вышеперечисленных источниках. Обычно в юридической литературе анализ заботы о родителях происходит с точки зрения исполнения детьми обязанности по уплате алиментов в пользу родителей или иное имущественное предоставление в силу тяжелых жизненных ситуаций последних. Исследование обязанности детей заботиться о родителях имеет высокую актуальность, поскольку, необходимо определить, какие конкретные виды заботы являются неотъемлемой частью долга детей. Авторы проводят исследование содержания обязанностей детей по отношению к их родителям, делая при этом упор на понятие заботы как основании тесной взаимосвязи детей и родителей. Авторы ставят перед собой задачу провести анализ теории, научных точек зрения и правоприменительной практики такого неопределенного термина как «забота о родителях». **Цель исследования:** раскрыть содержательный аспект заботы о родителях. **Методы исследования:** индукция, дедукция, анализ и формально-юридический методы. Результаты исследования: приведены компоненты действий, которые ребенок должен совершать в связи с заботой о нетрудоспособных родителях, которые и формируют содержание заботы. **Выводы:** содержательный аспект заботы законодателем сводится к содержанию родителей, главным образом к имущественному.

Ключевые слова: забота, содержание, дети, родители, права и обязанности, поддержка, помощь.

Цитирование. Кайль Я. Я., Усанова В. А. Забота о родителях: содержательный аспект // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 49–55. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.7

Введение

Чаще всего понятие «забота» является морально-нравственной категорией, и юристы не дают ни определение понятию «заботы», ни тем более его содержание. Несмотря на то, что в законодательстве встречаются эти категории, они не являются предметом исследования и определения ни законодателем, ни в доктринальном поле. В связи с этим следует констатировать, что категория «заботы» требует не только осмысления, но и определения ее понятия и содержания.

Сущность и понятие заботы

Забота – это чувство человека по отношению к другим людям, она проявляется поразному. Определим ее как отношение к чему-либо с дружественными намерениями, так как забота проявляется именно как уважение к чему-либо или кому-либо, ведь она демонстрируется именно как бережливость, например, бережливость сохранить какие-либо отношения.

Есть разные точки зрения на заботу о родителях. Это связано как с культурой страны, так и с нормами права, закрепляющими заботу не как сложившееся культурное явление, а как обязанность содержать и заботиться о своих родителях.

Ученые-*педагоги* Т.В. Слотина, М.В. Карагачева, А.В. Комарова считают, что «забота – это развитие взаимоотношений между людьми на основе взаимности, динамичности, эмоциональности: «Заботясь, многие люди осознанно или неосознанно ждут ответной реакции. Наши российские реалии предполагают аксиому: родители заботятся о своих детях, дети заботятся о своих стареющих родителях» [5, с. 70].

Ученый-*психолог* Е.Н. Кулешова констатирует, что «когда ребенок заботится о своих родителях, это вызывает уважение и к первому, и ко вторым, что правильно воспитали, что возможно, только собственным примером» [2, с. 212].

Ученый-*социолог* И.В. Троцук пишет: «Сегодня понятие заботы встречается и в неожиданном контексте – описаниях трансформации любви и констатации потенциала заботы как инструмента выхода из нынешнего кризиса нелюбви» [6, с. 286].

Ученый-*философ* Б. Гройс заботу рассматривает как «самый распространенный труд – труд заботы; забота о человеческих жизнях считается высшей целью нашей цивилизации» [1, с. 3]. С другой стороны, человек – «субъект заботы-о-себе» в различных смыслах. «Разные философские учения постулируют разные типы отношения между внешней заботой и заботой-о-себе – между зависимостью и автономией» [3, с. 848].

Как справедливо отмечает ученый-*юрист* А.Я. Рыженков, «исторически для [России] гарантией сохранения семейных ценностей выступала так называемая “большая семья, когда несколько поколений крестьян постоянно

проживали в одном доме и вели совместное хозяйство, что облегчало процесс передачи знаний и ценностей от одного поколения к другому» [4, с. 18]. Забота в таком случае была неотъемлемой частью жизни, поскольку, когда проживает большая семья в одном доме, то неизбежно происходит взаимная забота младших о старших и старших о младших.

Следовательно, разными учеными под заботой понимается – уважение, ценность, любовь, труд, взаимоотношения, ответственность, ценность «большой семьи» и т. д.

Содержание термина «забота о родителях»

В ст. 38 Конституции РФ указана *обязанность* трудоспособных детей *заботиться* о нетрудоспособных родителях.

Однако в п. 1 ст. 87 Семейном кодексе РФ (далее – СК РФ) закреплено, что трудоспособные совершеннолетние дети в первую очередь *обязаны содержать* своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей и во вторую – заботиться о них. Сама ст. 87 СК РФ называется «Обязанности совершеннолетних детей по содержанию родителей». В названии статьи содержится слово «обязанности» во множественном числе, а сам термин «забота» в название статьи не выведен. В статье содержится 5 пунктов и все они посвящены имущественному содержанию, от которого дети могут быть освобождены, если родители сами уклонялись от родительских обязанностей или были лишены прав в отношении детей (п. 5). Следовательно, в семейном праве забота о родителях это не долг и не обязанность, забота строится из любви к родителям, а не из долженствования.

В этой статье приведена схожая с Конституцией РФ формулировка. Однако добавлено уточнение, что не всегда совершеннолетние и трудоспособные дети должны содержать своих детей. Предусмотрена важная деталь – родители должны нуждаться в помощи. Кроме того, в Семейном кодексе РФ еще помимо содержания указано и на заботу детей о родителях. Следовательно, в данной конкретной статье содержание родителей и забота о них не равнозначны по смыслу.

Однако в ст. 87 СК РФ не указано, что дети не должны заботиться о них и можно сделать вывод, что содержание – это про имущественную составляющую, а забота – о неимущественных отношениях. При этом, если обратиться к ст. 88 СК РФ, то все вышеизложенное кардинально меняется с точки зрения представления о заботе в законодательном понимании. Пункт первый ст. 88 СК РФ начинается нетипично – при *отсутствии заботы* совершеннолетних детей о нетрудоспособных родителях и при наличии исключительных обстоятельств совершеннолетние дети судом привлекаются к несению дополнительных расходов на их содержание. То есть в данной статье «забота» отожествляется с «содержанием».

В ст. 47 СК РФ закреплено основание для возникновения прав и обязанностей родителей и детей, а именно – права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке.

В гл. 12 СК РФ закреплены и права, и обязанности родителей, а в гл. 11 закреплены только права несовершеннолетних детей, но нет обязанностей, как, впрочем, и в других нормах семейного права.

В семейном праве забота о семье является основополагающим фактором выживания. Забота в семье складывается из двух групп: забота о детях родителями и в последующем забота детей об их родителях.

«Забота родителей о детях связана с большими временными, материальными, физическими и психологическими затратами. Забота о детях складывается из таких моментов: как физическое здоровье детей (питание, сон, гигиена), эмоциональное и психологическое благополучие (поддержка, любовь, понимание), а также образование и развитие (учеба, социализация, развитие навыков)» [7, с. 75].

Забота детей о родителях, как правило, связана не столько с материальными затратами, сколько с их поддержкой при старении и невозможности вести привычную активную жизнь.

В Российской Федерации с 1 января 2025 г. действует национальный проект «Семья», которая охватывает все поколения – от мала до велика и затрагивает основные направления развития в демографической, социальной, жилищной, образовательной, культурной

сферах. Такое комплексное развитие семьи не только в узком смысле (папа, мама и ребенок / дети), но и в широком смысле с учетом преемственности поколений от детей, родителей, до бабушек и дедушек, направлена на укрепление института семьи, роста рождаемости и взаимной поддержки друг другом всех членов семьи. Соответственно, чем больше детей появится в семье, тем более всеобъемлющей будет в дальнейшем поддержка детьми своих родителей.

Забота детей о нетрудоспособных родителях, и забота о родителях имеют отличия по содержанию. Вместе с тем нужно помнить, что забота детей о родителях более широкое понятие, чем забота детей о нетрудоспособных родителях, и именно последняя предусмотрена как конституционная обязанность.

Проявление заботы детей о родителях содержательно складывается из следующих действий и проявлений: уважение и почитание; эмоциональная поддержка; физическая помощь; медицинская поддержка; социальная активность; финансовая помощь.

Уважение и почитание. Россия многонациональная и многоконфессиональная страна, религиозными канонами, которых предусмотрены патриархальные принципы социального устройства. Исторически сложилось, что дети чтят своих родителей, память о предках как проявление преемственности поколений.

Ребенок с детства должен видеть почтительное отношение родителей к своим родителям, дедушкам и бабушкам (старшему поколению).

В. Путин 19 декабря 2025 г. на пресс-конференции: при вопросе о послании потомкам и в других вопросах о традиционных семейных ценностях не раз указывал на преемственность поколений и традиции семьи, где каждый член заботится не только о подрастающем поколении, но и об увядающем, о связи времен через каждую конкретную семью и в целом о государстве.

Дети в большей степени должны почитать своих родителей, но заботиться больше о своих детях, а не родителях.

Эмоциональная поддержка (моральная, психологическая). Забота – это личное время детей, которое они безвозвратно дарят родителям, с наполненным чувством необходимости данного действия. Забота детей о родителях в эмоциональной сфере – это возможность показать, что его мнение, голос все еще важен и нужен подросшим потомкам, помощь в принятии важных решений, поощрение их достижений, повышение их самооценки.

Родителям важно, чтобы дети интересовались их физическим, эмоциональным и моральным состоянием, ценили их мысли и чувства, помогали снижать уровень тревоги.

Физическая помощь может быть направлена на поддержание текущего здоровья и неухудшение физического состояния. Такая помощь может включать оплату секций для людей преклонного возраста, совместное времяпровождение на свежем воздухе, покупку спортивного инвентаря. Кроме того, дети могут своими физическими силами помогать родителям по дому в бытовых делах, на даче, на приусадебном участке.

Медицинская поддержка может быть превентивной (витамины, лечебное питание, спортивная физкультура, диспансеризация, вакцинация, санаторно-курортное лечение), эстетической, поддерживающей и терминальной.

Эстетическая медицина – улучшение внешнего вида человека, направленная на замедление его старения. Для пожилых людей это чаще всего сводится к лечению зубов и установлению коронок, зубных имплантов.

Медицинская помощь может быть поддерживающей текущее состояние – покупка лекарств при хронических заболеваниях.

Медицинская поддержка в терминальной стации – это оплата операций, нахождение в медицинском учреждении / хосписе, уход за родителем, наем сиделок.

Социальная активность (духовная, культурная, творческая, коммуникативная) связана с использованием человеком своих способностей и способностей других людей на изменение обстоятельств во благо обществу. Поскольку речь идет о заботе о нетрудоспособных в связи с инвалидностью или выходом на пенсию родителях, имеющих в связи с этим много свободного времени, их необходимо занять социально полезным делом. К таким делам можно отнести различные бесплатные / волонтерские общественно-полезные акции. Пожилым стоит подыскать близкое им по духу занятие. Это может быть:

– благоустройство двора или города, а также экологические акции на постоянной основе;

– забота о сверстниках, малышах, животных;

– полезный и несложный труд – заготовление грибов, ягод, лекарственных трав;

– поделки из декоративного материала для выставок и благотворительных акций.

Как правило, старшее поколение для поддержания духовности нуждается в молитвах и посещении церкви или храма. Если физически родители не могут этого сделать, то физическая помощь детей будет необходима для посещения храма или вызова священника на дом.

Для поддержания культурного уровня необходимо приобрести билеты и/или сопроводить родителей в театр, музей, выставки, организовать творческую, коммуникативную деятельность – встречу с друзьями, родственниками, кумирами.

Кроме того, социальная активность может проявляться как помощь другим и себе одновременно. Например, в Волгограде есть программа «социальный час». Такая программа предоставляет возможность женщинам 50 лет и старше заниматься суставной гимнастикой с тренером в то же время, что и приведенные на спортивные секции их внуки.

В Волгоградской областной универсальной научной библиотеке им. М. Горького есть клуб «ремесленная слобода», в котором «бабушек» учат вязать. Такая занятость взрослого поколения (женщин 55+) направлена на получение новых навыков, поддержание физической активности, общения и результаты их труда могут быть использованы в повседневной жизни семьи.

Финансовая помощь детей может быть добровольной или принудительной – по решению суда. Добровольная помощь, как правило более эффективна и направлена на конкретные потребности. Дети оплачивают: продукты, одежду, ЖКХ. Для финансовой помощи в обязательном / принудительном порядке должны быть одновременно соблюдены несколько условий:

1. Родители должны нуждаться (нехватка средств на жизненно необходимые расходы, такие как: питание, лекарства, жилье и т. п.), то есть быть нетрудоспособными по старости или инвалидности.

2. Дети должны быть трудоспособными.

В соответствии со ст. 87 СК РФ при отсутствии соглашения об уплате алиментов они взыскиваются в судебном порядке. Размер алиментов присуждается в твердой денежной сумме со всех детей и устанавливается судом исходя из материального и семейного положения родителей и детей, и других заслуживающих внимания интересов сторон.

В силу ч. 4 ст. 87 СК РФ при определении размера алиментов суд используется понятие прожиточного минимума, который устанавливается в соответствии с Законом о прожиточном минимуме в Российской Федерации. Согласно ст. 1 Закона под прожиточным минимумом понимается стоимостная оценка потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы. Соответственно под нуждаемостью понимается обеспеченность такого лица средствами ниже прожиточного минимума. При определении материального положения сторон по делам данной категории суд учитывает все источники, образующие их доходы.

В случае, если родителям не хватает средств, например, для оплаты ЖКХ, суду предоставляются квитанции на оплату коммунальных платежей. Если же средств не хватает на оплату медицинской помощи / лекарств, то предоставляются чеки об оплате и или рецепты / выписки от врача.

Суд, при принятии положительного решения, взыскивает ежемесячную денежную сумму как недостающую разницу между прожиточным минимумом и имеющимся у родителя дохода с последующей индексацией алиментов пропорционально росту величины прожиточного минимума и до изменения материального положения сторон.

Выводы

Забота детей о родителях в чистом виде законодательством не регламентируется (в отличие от родительской заботы о детях). Имеются малосодержательные и противоречивые положения Конституции РФ и Семейного кодекса РФ, посвященные заботе совершеннолетних детей о нетрудоспособных родителях. Ст. 87 и 88 Семейного кодекса РФ добавляют проблематичности понимания со-

отношения заботы и содержания (материального финансирования, алиментов). Представляется, что забота включает содержание, что требует соответствующей корректировки ст. 87 Семейного кодекса РФ.

Как ни парадоксально, но содержательный аспект заботы при разрешении споров правоприменителем, зачастую, сводится к содержанию родителей. Вместе с тем, забота основана на нормах нравственности, морали, традиционных семейных ценностях, воспитании и уважении к старшему поколению (не только родители, но и бабушки дедушки, прабабушки, прадедушки, в целом семья в широком понимании).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гройс, Б. Философия заботы / Б. Гройс ; пер. с англ. А. Фоменко. – М. : Новое лит. обозрение, 2024. – 120 с.

2. Кулешова, Е. Н. Забота как форма проявления «Я-отношения» между поколениями в семье / Е. Н. Кулешова // Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике. – 2020. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zabota-kak-forma-proyavleniya-ya-otnosheniya-mezhdu-pokoleniyami-v-semie

3. Нарбут, Н. П. Философские основания многозначности понятия «забота» / Н. П. Нарбут, В. Н. Иванов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2025. – Т. 25, № 3. – С. 845–850. – DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-845-850

4. Рыженков, А. Я. Защита семейных ценностей в российском праве: вопросы теории и практики / А. Я. Рыженков // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 16–25. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.2

5. Слотина, Т. В. Психолого-педагогический аспект заботы как атрибута зрелости субъектов взаимоотношений / Т. В. Слотина, М. В. Карагачева, А. В. Комарова // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – Т. 31, вып. 1. – С. 63–73.

6. Троцук, И. В. (Не)любовь и другие последствия (не)свобод и (не)выбора в эпоху «эмоционального (пост)модерна» (что бы таковой ни значил) / И. В. Троцук // Социологическое обозрение. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 284–308.

7. Усанова, В. А. Понятие и содержание права детей на заботу, или в чем заключается родительский долг? / В. А. Усанова, Я. Я. Кайль // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 74–81. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.9

REFERENCES

1. Groys B. *Filosofiya zaboty* [Philosophy of Care]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2024. 120 p.

2. Kuleshova E.N. Zabota kak forma proyavleniya «Ya-otnosheniya» mezhdu pokoleniyami v sem'e [Care as a Form of "Self-Relation" Between Generations in the Family]. *Mezhpokolencheskie otnosheniya: sovremennyy diskurs i strategicheskie vybory v psikhologopedagogicheskoy nauke i praktike* [Intergenerational Relations: Contemporary Discourse and Strategic Choices in Psychological and Pedagogical Science and Practice], 2020, no. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zabota-kak-forma-proyavleniya-ya-otnosheniya-mezhdu-pokoleniyami-v-semie

3. Narbut N.P., Ivanov V.N. Filosofskie osnovaniya mnogoznachnosti ponyatiya «zabota» [Philosophical Foundations of the Polysemy of the Concept "Care"]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2025, vol. 25, no. 3, pp. 845-850. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-845-850

4. Ryzhenkov A.Ya. Zashchita semeynykh tsennostey v rossiyskom prave: voprosy teorii i praktiki [Protection of Family Values in Russian Law: Questions of Theory and Practice]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2024, vol. 23, no. 2, pp. 16-25. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.2

5. Slotina T.V., Karagacheva M.V., Komarova A.V. Psikhologopedagogicheskiy aspekt zaboty kak atributa zrelosti sub'ektov vzaimootnosheniy [Psychological and Pedagogical Aspect of Care as an Attribute of Maturity of Relationship Subjects]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2021, vol. 31, iss. 1, pp. 63-73.

6. Trotsuk I.V. (Ne)lyubov i drugie posledstviya (ne)svobod i (ne)vybora v epokhu «emotsionalnogo (post)moderna» (chto by takovoy ni znachil) [(Non)Love and Other Consequences of (Non)Freedoms and

(Non)Choices in the Era of "Emotional (Post)Modernity" (Whatever That May Mean)]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2025, vol. 24, no. 3, pp. 284-308.

7. Usanova V.A., Kayl Ya.Ya. Ponyatie i soderzhanie prava detey na zabotu, ili v chem zaklyuchaetsya roditelskiy dolg? [The Concept and Content of the Right of Children to Be Under Care, or What Is the Parental Duty?]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 74-81. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.9

Information About the Authors

Yanina Ya. Kail, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil-Law Disciplines, Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, kayl-yy@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0002-5116-7666

Victoria A. Usanova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil-Law Disciplines, Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, vau_77@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4071-3350

Информация об авторах

Янина Яковлевна Кайль, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, kayl-yy@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0002-5116-7666

Виктория Александровна Усанова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, vau_77@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4071-3350

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.8

UDC 340.12
LBC 67.404

Submitted: 03.02.2026
Accepted: 01.06.2026

SPECIFIC FEATURES OF THE OPERATION OF THE PRINCIPLE OF UNHINDERED EXERCISE OF CIVIL RIGHTS IN COMPENSATORY CONTRACTUAL OBLIGATIONS

Alexander V. Krainov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper addresses the principle of unhindered exercise of civil rights. It notes that each party to a compensatory contract has the right to receive exactly the property benefit that it is entitled to under the terms agreed upon at the conclusion of the contract and not that arbitrarily determined by the counterparty or a third party. Therefore, remedies such as the termination of the contract or restitution can be regarded only as purely forced measures that may, to some extent, protect the interests of participants in the legal relationship but in no way guarantee the unhindered exercise of their rights. Any protective measures providing for monetary payments can be recognized as consistent with the principle of unhindered exercise of civil rights only when the unfulfilled obligations of the party to the compensatory contract were themselves of a monetary nature; if it concerns unprovided goods, works, services, etc., then such substitution leaves the creditor's main right unrealized, although protected. **Purpose:** to examine the specific features of the operation of the principle of unhindered exercise of civil rights in compensatory contractual obligations. **Methods:** the methodological framework includes the comparative-law, formal-logical, and dialectical methods. **Results:** the study examines in detail the operation of the principle of unhindered exercise of civil rights in relation to the performance of compensatory contract obligations. **Conclusions:** it seems justified to form such a legal construction that would ensure the possibility of the creditor exercising civil rights through partial performance of the compensatory contract, excluding at the same time the termination of the agreement or the application of monetary equivalents to initially non-monetary forms of performance. Along with the right to actual performance, meaning the receipt of full performance under the contract, a "right to proportionate performance" can also be distinguished, the essence of which is as follows: a party to a compensatory contract, as a general rule, has the right to provide partial performance under the contract proportionally to what has been received. In this case, the creditor still gains access to the necessary property benefit and thus satisfies its legal interest to a greater extent (of course, except for cases where the compensatory obligation by its nature admits only full performance, or where the creditor itself has an interest in this, so the choice should be left to the creditor).

Key words: principles of civil law, unhindered exercise of civil rights, compensatory contract, proportionate price reduction, substantial change of circumstances.

Citation. Krainov A.V. Specific Features of the Operation of the Principle of Unhindered Exercise of Civil Rights in Compensatory Contractual Obligations. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 56-63. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.8

УДК 340.12
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 03.02.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ ПРИНЦИПА БЕСПРЕПЯТСТВЕННОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В ВОЗМЕЗДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

Александр Вячеславович Крайнов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

© Крайнов А.В., 2026

Введение: статья посвящена принципу беспрепятственного осуществления гражданских прав. Отмечается, что каждая сторона возмездного договора имеет право получить именно то имущественное благо, которое ей следует по условиям, согласованным при заключении договора, а не произвольно определяемое контрагентом или третьим лицом. Поэтому такие способы защиты, как расторжение договора или возврат полученного, могут рассматриваться лишь в качестве сугубо вынужденных мер, которые способны в некоторой степени охранять интересы участников правоотношения, но никак не гарантировать беспрепятственное осуществление их прав. Любые меры защиты, предусматривающие выплаты в денежной форме, могут быть признаны соответствующими принципу беспрепятственного осуществления гражданских прав лишь в тех случаях, когда невыполненные обязанности стороны возмездного договора сами по себе носили денежный характер; если же речь идет о непредоставленных товарах, работах, услугах и т. п., то подобное замещение оставляет основное право кредитора нереализованным, хотя и защищенным. **Цель:** рассмотреть особенности действия принципа беспрепятственного осуществления гражданских прав в возмездных договорных обязательствах. **Методологию** исследования составляют сравнительно-правовой, формально-логический и диалектический методы. **В результате проведенного исследования** подробно рассмотрено действие принципа беспрепятственного осуществления гражданских прав применительно к исполнению обязательств возмездного договора. **Выводы:** представляется обоснованным формирование такой правовой конструкции, которая обеспечивала бы возможность реализации гражданских прав кредитора посредством частичного исполнения возмездного договора, исключая при этом расторжение соглашения или применение денежных эквивалентов к изначально неденежным формам предоставления. Наряду с правом на реальное исполнение, означающим получение по договору в полном объеме, можно выделить также «право на соразмерное исполнение», суть которого состоит в следующем: сторона возмездного договора, по общему правилу, имеет право осуществить по договору частичное предоставление пропорционально полученному. В этом случае кредитор все равно получает доступ к необходимому имущественному благу и, таким образом, в большей степени удовлетворяет свой законный интерес (разумеется, кроме случаев, когда возмездное обязательство по своей природе таково, что допускает только полное осуществление, или когда в этом имеется заинтересованность самого кредитора, поэтому выбор целесообразно оставить за ним).

Ключевые слова: принципы гражданского права, беспрепятственность осуществления гражданских прав, возмездный договор, соразмерное уменьшение цены, существенное изменение обстоятельств.

Цитирование. Крайнов А. В. Особенности действия принципа беспрепятственного осуществления гражданских прав в возмездных договорных обязательствах // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 56–63. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.8

Введение

Значительная часть конкретных договоров, предусмотренных нормами части второй Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), носит возмездный характер. Свойство возмездности выражается не только в том, что предоставление по таким договорам носит имущественный характер с обеих сторон, но и в том, что эти встречные предоставления являются взаимно обусловленными: любое из них является предпосылкой другого.

Из этого свойства вытекают определенные особенности, характеризующие действие принципа беспрепятственного осуществления гражданских прав применительно к данным видам договоров.

Меры защиты гражданских прав, способствующие устранению препятствий к их реализации

Естественно, что основные препятствия, возникающие в процессе осуществления гражданских прав по возмездным договорам, связаны с нарушениями условий договора другой его стороной. И в каждом случае необходимо уточнять, в какой мере предусмотренные законом меры защиты гражданских прав способствуют устранению препятствий к их реализации.

Типичный для судебной практики случай отражен в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.10.2023 №18-КГ23-132-К4. В 2019 г. индивидуальные предприниматели М.

заключили договор купли продажи с ООО «Консалт Сервис», передав компании комплекс недвижимых объектов: блоки здания пансионата, несколько квартир, земельный участок и объект незавершенного строительства. Общая стоимость сделки составила 70 миллионов рублей, при этом покупатель обязался полностью рассчитаться до 1 сентября 2019 года. В обеспечение исполнения обязательств покупатель внес задаток в размере 5 миллионов рублей. Договор содержал важное условие: до полной оплаты имущество оставалось в залоге у продавцов, а его отчуждение третьим лицам без письменного согласия М. категорически запрещалось.

14 июня 2019 г. покупатель зарегистрировал право собственности на приобретенную недвижимость. Однако к установленному сроку он перечислил продавцам лишь 16,4 миллиона рублей, что составило менее четверти от общей суммы. Более того, вопреки договорным ограничениям, часть имущества была перепродана третьим лицам без согласия бывших владельцев.

М. обратились в Хостинский районный суд г. Сочи с иском о расторжении договора, аннулировании регистрационной записи о переходе права собственности и возврате недвижимости. В декабре 2019 г. суд первой инстанции удовлетворил их требования. Однако дальнейшее движение дела оказалось крайне неоднозначным. Апелляционная инстанция Краснодарского краевого суда в ноябре 2020 г. отменила решение первой инстанции, но затем кассационный суд, не согласившись с выводами суда апелляционной инстанции, вынес определение, которым передал дело на новое рассмотрение. В итоге в июне 2022 г. апелляция, поддержанная кассацией в феврале 2023 г., отказала М. в иске.

Суды нижестоящих инстанций исходили из того, что частичная оплата не свидетельствует о существенном нарушении договора. Они полагали, что продавец вправе лишь требовать взыскания оставшейся суммы, но не расторжения сделки. Кроме того, судьи сочли, что регистрация права собственности за покупателем ограничивает возможность аннулирования договора.

Верховный Суд РФ, рассмотрев кассационную жалобу, пришел к противоположным выводам. Он указал, что неоплата 53,6 миллиона рублей явно лишает продавцов того, на что они вправе были рассчитывать при заключении договора, что соответствует критериям существенного нарушения по п. 2 ст. 450 ГК РФ. Суд напомнил о разъяснениях Пленума ВС РФ и ВАС РФ (постановление № 10/22 от 29 апреля 2010 г.), согласно которым регистрация права собственности покупателя не препятствует расторжению договора при неоплате.

Также Верховный Суд подчеркнул, что п. 3 ст. 486 ГК РФ, позволяющий требовать оплаты и процентов, не исключает права на расторжение договора при существенном нарушении. В случае аннулирования сделки продавец вправе истребовать имущество обратно на основании ст. 1102 и 1104 ГК РФ, регулирующих вопросы неосновательного обогащения [6].

Следовательно, Верховный Суд признал, что существенное нарушение обязательств покупателем (в данном случае неоплата основной части стоимости в установленный срок) дает продавцам законное право на расторжение договора и возврат недвижимости, несмотря на частичные платежи и формальную регистрацию права собственности за приобретателем (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.10.2023 № 18-КГ23-132-К4).

Основной вопрос, возникающий в подобных ситуациях, таков: является ли расторжение договора и возврат полученного средством устранения препятствий к осуществлению гражданских прав кредитора в контексте соответствующего принципа.

Отрицательный ответ на данный вопрос представляется достаточно очевидным: в силу п. 1 ст. 423 ГК РФ, по возмездному договору сторона должна получить плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязанностей. Отсюда следует, что каждая сторона возмездного договора имеет право получить именно то имущественное благо, которое ей следует по условиям, согласованным при заключении договора, а не произвольно определяемое контрагентом или третьим лицом. Поэтому такие способы защиты как расторжение договора или возврат полученного, могут рассматриваться лишь в качестве сугубо вынужденных мер, которые способны

в некоторой степени охранять интересы участников правоотношения, но никак не гарантировать беспрепятственное осуществление их прав.

То же самое можно сказать о других правовых последствиях полного или частичного неисполнения договора, например, о тех, которые путем систематического толкования положений ГК РФ выявлены А.Г. Карапетовым: «Держа поставщика в просрочке, покупатель вправе начислять на продавца в части неисполненного им объема своего обязательства пени за просрочку или проценты годовые, которые в силу п. 4 ст. 487 ГК РФ начисляются за просрочку в передаче товара, если товар был предоплачен, а также рассчитывать на возможность взыскания мораторных убытков. Эти санкции не упомянуты в комментируемой норме, но их доступность вытекает из общих положений ГК РФ об обязательствах и общих правил о купле-продаже» [2, с. 451].

Любые меры защиты, предусматривающие выплаты в денежной форме, могут быть признаны соответствующими принципу беспрепятственного осуществления гражданских прав лишь в тех случаях, когда невыполненные обязанности стороны возмездного договора сами по себе носили денежный характер; если же речь идет о непредоставленных товарах, работах, услугах и т. п., то подобное замещение оставляет основное право кредитора нереализованным, хотя и защищенным.

Возмездность как признак договорных отношений

Для дальнейшего прояснения вопроса необходимо некоторое уточнение самой возмездности как признака договорных отношений. С нашей точки зрения, положения действующего законодательства, в том числе п. 1 ст. 423 ГК РФ, допускают двойственное толкование понятия возмездности:

1) возмездность как сам факт наличия встречного предоставления как условия обязательства, независимо от размера;

2) возмездность как взаимная адекватность стоимостных характеристик имущественных благ, обмениваемых по договору.

В дальнейшем будем исходить из второго понимания возмездности, учитывая, помимо прочего, закрепленную в п. 2 ст. 6 ГК РФ возможность определять права и обязанности субъектов гражданского права на основе требования справедливости.

Существует сильная традиция на теоретическом уровне связывать природу правового регулирования с таким явлением, как эквивалентность, например: «Право является одним из универсальных видов социального регулирования, истоки и движущие силы которого скрываются в эквивалентных, то есть соразмерных, по своей природе общественных отношениях, а также общественных отношениях, в содержании которых преобладают идентичные начала. Эквивалентность, в первую очередь присущая товарным отношениям, проникла и в другие пласты социальных связей, обусловленные воздействием товарного производства и соответствующих ему способов обмена, потребления и распределения» [5, с. 34]. При этом в цивилистическом контексте справедливость рассматривается как форма проявления эквивалентности, о чем заявляет, в частности, А.Я. Рыженков: «Между справедливостью и эквивалентностью в их правовом значении не усматривается существенного различия» [4, с. 26].

Оценивая с точки зрения эквивалентности возможные фактические состояния договорных отношений, мы обнаружим здесь достаточно широкое многообразие вариантов. При этом на одном конце шкалы находятся случаи полной эквивалентности (когда условия договора являются справедливыми и выполнены обеими сторонами), а на другом – ее полного отсутствия (когда имущественное предоставление явно неравноценно или одна из сторон договора не совершает ничего в рамках своих обязанностей). Остается и множество промежуточных вариантов, когда одна из сторон или даже обе в той или иной степени отклоняются от согласованных условий договора, но при этом какое-либо встречное предоставление все-таки имеет место.

Если обратиться, например, к общим положениям о купле-продаже, то при передаче продавцом покупателю меньшего количества товара, чем предусмотрено договором, закон предполагает следующие варианты: потребовать передать недостающее количество товара, либо отказаться от переданного товара

и от его оплаты, а если товар оплачен, потребовать возврата уплаченной денежной суммы (п. 1 ст. 466 ГК РФ). Если истребовать недополученный товар не представляется возможным, то указанные формы защиты не способствуют осуществлению прав покупателя по договору, поскольку фактически ведут к прекращению правоотношения, причем основной интерес, преследуемый покупателем, остается неудовлетворенным постольку, поскольку он состоял в получении нужных ему вещей, а не в возврате денег.

Радикальный подход, не принимающий в расчет возможность частичного исполнения и настаивающий лишь на абсолютном соблюдении условий договора, распространен и в научной литературе; так, применительно к возмездному оказанию услуг его обосновывает О.В. Гутников: «Результат может иметь материальный или нематериальный характер, быть отделимым или неотделимым от процесса оказания услуги, но он всегда имеет место в виде вполне определенного и ожидаемого положительного эффекта для услугополучателя. Если такой эффект отсутствует и потребитель не получил услугу желаемого качества, то ее нельзя считать надлежащим образом оказанной, а исполнитель не вправе предъявлять требование о ее оплате» [1, с. 55].

Право на соразмерное исполнение и институт соразмерного уменьшения цены

Как представляется, необходима такая конструкция, которая позволила бы использовать частичное исполнение возмездного договора для осуществления гражданских прав кредитора, не прибегая к расторжению договора или денежным эквивалентам предоставления, изначально запланированного в неденежной форме. Наряду с правом на реальное исполнение, означающим получение по договору в полном объеме, можно выделить также «право на соразмерное исполнение», суть которого состоит в следующем: сторона возмездного договора по общему правилу имеет право осуществить по договору частичное предоставление пропорционально полученному.

«Право на соразмерное исполнение» выглядит более работоспособным инструментом беспрепятственного осуществления гражданских прав по сравнению с правом на расторжение договора или на получение любых денежных выплат взамен реального исполнения, так как в этом случае кредитор все равно получает доступ к необходимому имущественному благу и, таким образом, в большей степени удовлетворяет свой законный интерес (разумеется, кроме случаев, когда возмездное обязательство по своей природе таково, что допускает только полное осуществление, или когда в этом имеется заинтересованность самого кредитора, поэтому выбор целесообразно оставить за ним).

Формой «права на соразмерное исполнение» является уменьшение цены договора. Как обосновано С.В. Трофимовым, соразмерное уменьшение цены представляет собой специализированный способ защиты гражданских прав, укорененный в институте гарантийных обязательств должника. Его правовая природа раскрывается через предоставление кредитору секундарного права на одностороннюю корректировку договорных условий, как в части стоимостного эквивалента, так и в отношении качественных характеристик исполнения. Подобное правомочие вытекает из автономного распределения сторонами рисков отклонения фактического исполнения от договорно зафиксированных параметров. При определении величины корректировки неизменно применяется принцип субъективной эквивалентности, нацеленный на сохранение баланса встречных предоставлений в измененных обстоятельствах [6, с. 13–14].

Сфера действия данного механизма охватывает любые формы ненадлежащего исполнения обязательства: от физических и юридических дефектов предоставления до подмены предмета исполнения (aliud) и количественных расхождений в объеме. При этом соразмерное уменьшение цены не распространяется на случаи просрочки исполнения, что обусловлено спецификой его правовой природы как инструмента коррекции качества, а не сроков исполнения. Даже гипотетическая возможность применения пропорциональных методик расчета в ситуациях просрочки не влечет расширения сферы действия данного способа защиты.

Существенной особенностью института выступает его независимость от виновности

должника. Право на корректировку цены сохраняется как при отсутствии умысла или неосторожности, так и в условиях воздействия непреодолимой силы. Подобная конструкция предопределена сущностью гарантийного обязательства, которое закрепляется договорным порядком, предусматривает распределение рисков отклонения от согласованных параметров и формирует автономную правовую связь между качеством исполнения и его стоимостной оценкой.

Примечательно, что реализация данного способа защиты не требует доказывания конкретных убытков. Это объясняется целевой направленностью механизма на восстановление эквивалентности предоставлений, а также его соответствием принципу относительности обязательств, ограничивающего правовые последствия рамками договорных отношений. Таким образом, соразмерное уменьшение цены функционирует не как компенсационная мера, а как инструмент балансировки встречных предоставлений

Процессуальная реализация права предполагает соблюдение сокращенных сроков исковой давности, начало течения которых связывается с моментом фактического получения предоставления либо выявления недостатков при условии проявления кредитором разумной осмотрительности. Для определения временных границ ответственности должника необходимо системное толкование норм, в частности ст. 477 и 725 Гражданского кодекса РФ, регулирующих сроки обнаружения недостатков и специальные сроки давности по подряду.

Возражения должника, опирающиеся на заблуждение относительно качества исполнения либо ссылки на ст. 180 и 451 ГК РФ, подлежат отклонению как противоречащие целям гарантийного обязательства и доктрине адаптации сделок, совершенных под влиянием ошибки (п. 4 ст. 178 ГК РФ). Вместе с тем в порядке аналогии закона (ст. 6 ГК РФ) должнику может быть предоставлена возможность устранения недостатков до осуществления корректировки цены, что соотносится с положениями п. 1 ст. 518 и абз. 6 п. 1 ст. 612 ГК РФ.

Методология расчета размера уменьшения базируется на пропорциональном сопоставлении рыночной стоимости дефектного и качественного предоставления: цена снижается на процент, соответствующий разнице в стоимости. Однако данный метод имеет существенные ограничения: сумма уменьшения не может превышать разницу рыночных стоимостей, причем это правило действует при условии, что рыночная цена качественного предоставления оказывается ниже договорной.

Особого внимания заслуживает взаимодействие соразмерного уменьшения цены с иными способами защиты. При одновременном заявлении требований о корректировке цены и взыскании убытков кредитор вправе довзыскать суммы, превышающие величину корректировки, включая расходы на устранение недостатков или разницу в стоимости. Кроме того, сохраняется возможность требования компенсации иных негативных последствий ненадлежащего исполнения, не поглощенных механизмом соразмерного уменьшения [6, с. 15].

В итоге институт соразмерного уменьшения цены предстает как многоаспектный механизм защиты, интегрирующий принципы эквивалентности встречных предоставлений, распределение рисков между сторонами и поиск баланса интересов кредитора и должника в рамках договорных отношений. Его функционирование обеспечивает не только коррекцию нарушенного равновесия, но и поддержание стабильности гражданского оборота за счет предсказуемости правовых последствий отклонения от согласованных условий исполнения.

Существенные изменения обстоятельств

Другим случаем потенциального воспрепятствования осуществлению гражданских прав в возмездном договоре является его прекращение в связи с существенным изменением обстоятельств.

Д.С. Петрова полагает: «Расторжение договора в указанной ситуации является общим правилом, изменение договора – это исключение, допускаемое лишь в двух законодательно установленных случаях: когда расторжение договора (1) противоречит общественным интересам либо (2) повлечет для сторон ущерб, значительно превышающий зат-

раты, необходимые для исполнения договора на измененных судом условиях» [3, с. 134–135].

Как представляется, данное рассуждение строится без учета принципа беспрепятственного осуществления гражданских прав. Поскольку изначальное заключение договора производилось сторонами для удовлетворения тех или иных потребностей, и до момента прекращения договора предусмотренные им права и обязанности сохраняют свою юридическую силу, то представляется, что при существенном изменении обстоятельств должно действовать обратное правило: презумпция продолжения договорных отношений, пусть с иным содержанием, и лишь при наличии свободного волеизъявления сторон – полное прекращение обязательства.

Выводы

Как представляется, необходима такая конструкция, которая позволила бы использовать частичное исполнение возмездного договора для осуществления гражданских прав кредитора, не прибегая к расторжению договора или денежным эквивалентам предоставления, изначально запланированного в неденежной форме. Наряду с правом на реальное исполнение, означающим получение по договору в полном объеме, можно выделить также «право на соразмерное исполнение», суть которого состоит в следующем: сторона возмездного договора по общему правилу имеет право осуществить по договору частичное предоставление пропорционально полученному. В этом случае кредитор все равно получает доступ к необходимому имущественному благу и, таким образом, в большей степени удовлетворяет свой законный интерес (разумеется, кроме случаев, когда возмездное обязательство по своей природе таково, что допускает только полное осуществление, или когда в этом имеется заинтересованность самого кредитора, поэтому выбор целесообразно оставить за ним).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гутников, О. В. Договор возмездного оказания услуг в современном гражданском праве: теоретическая конструкция и перспективы законодательной регламентации / О. В. Гутников // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 7. – С. 44–63.

2. Общие положения о купле-продаже, поставка товара и купля-продажа недвижимости: комментарий к статьям 454–491, 506–524, 549–558 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М. : М-Логос, 2023. – 1254 с.

3. Петрова, Д. С. Отпадение цели договора в российском праве. Сравнительно-правовое исследование / Д. С. Петрова. – М. : М-Логос, 2023. – 232 с.

4. Рыженков, А. Я. Эквивалентность в гражданском праве – принцип или метод? / А. Я. Рыженков // Современное право. – 2023. – № 2. – С. 24–28.

5. Трофимов, С. В. Соразмерное уменьшение цены как способ защиты гражданских прав : дис. … канд. юрид. наук / Сергей Владимирович Трофимов. – М., 2025. – 233 с.

6. Федосеев, П. С. О некоторых вопросах правового регулирования кондикционных обязательств / П. С. Федосеев // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 98–103. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.13

REFERENCES

1. Gutnikov O.V. Kontrakt na okazanie platnykh uslug v sovremennom grazhdanskom prave: teoreticheskaya konstruktsiya i perspektivy zakonodatelnoy reglamentatsii [Contract for the Provision of Paid Services in Modern Civil Law: Theoretical Structure and Prospects of Legislative Regulation]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2024, vol. 28, no. 7, pp. 44-63.

2. Karapetov A.G., ed. *Obshchie polozheniya o kuple-prodazhe, postavka tovara i kuplya-prodazha nedvizhimosti: kommentariy k stat'yam 454–491, 506–524, 549–558 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [General Provisions on the Purchase and Sale, Delivery of Goods and Purchase and Sale of Real Estate: Commentary to Articles 454–491, 506–524, 549–558 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, M-Logos Publ., 2023. 1254 p.

3. Petrova D.S. *Otpadenie tseli dogovora v rossiyskom prave. Sravnitelno-pravovoe issledovanie* [The Disappearance of the Purpose of the Contract in Russian Law. Comparative Legal Research]. Moscow, M-Logos Publ., 2023. 232 p.

4. Ryzhenkov A.Ya. Ekvivalentnost v grazhdanskom prave – printsip ili metod? [Equivalence in Civil Law – Principle or Method?]. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2023, no. 2, pp. 24-28.

5. Trofimov S.V. *Proportsionalnoe snizhenie tseny kak sposob zashchity grazhdanskikh prav: dis. ... kand. yurid. nauk* [Proportionate Price Reduction as a Way to Protect Civil Rights. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2025. 233 p.

6. Fedoseev P.S. O nekotorykh voprosakh pravovoy reglamentatsii uslovnykh obyazatelstv [On Some Issues of the Legal Regulation of Unjust Enrichment Obligations]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 98-103. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.13

Information About the Author

Alexander V. Krainov, Candidate for a Degree, Department of Civil Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, lawpartners@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-9230-9630

Информация об авторе

Александр Вячеславович Крайнов, соискатель кафедры гражданского права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, lawpartners@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-9230-9630

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.9

UDC 347.78
LBC 67.06

Submitted: 11.02.2026
Accepted: 01.06.2026

SPECIFIC FEATURES OF THE AUTHOR'S ORDER CONTRACT

Ivan A. Kamennov

Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the author's order contract, despite being normatively enshrined in Article 1288 of the Civil Code of the Russian Federation continues to cause disputes in doctrine and difficulties in law enforcement practice. These are related to the determination of its legal nature, its correlation with contracts of work, paid services, license agreements, and agreements on the alienation of an exclusive right, as well as with the fate of exclusive rights to the created work. This necessitates a comprehensive theoretical and practical analysis of this institution. **Purpose:** to identify the legal features of the author's order contract and to substantiate its place in the system of civil-law obligations, taking into account the specifics of the subject matter, remuneration, term of performance, transfer procedure, and the regime for disposing of exclusive rights. **Methods:** the study is based on the formal-legal method, the systemic analysis, and the comparative-law approach, as well as the examination of doctrinal sources, civil law norms, and judicial practice. **Results:** the paper reveals the independent legal nature of the author's order contract; analyzes its essential terms, the specifics of determining and paying remuneration, the significance of written form, and the legal regime of exclusive rights in the absence of terms on their transfer, as well as the specifics of applying the contract in creating complex objects and in conditions of co-authorship. Particular attention is paid to the risks of recognizing the contract as not concluded and to the problem of limits of the customer's interference in the creative process. **Conclusions:** the author's order contract should be regarded as an independent civil law contract, focused primarily on the creation of a result of intellectual activity. The insufficient regulatory certainty requires the clarification of legislative provisions and the formation of more stable approaches in law-enforcement practice.

Key words: author's order contract, exclusive right, copyright, remuneration, written form, disposition of rights, co-authorship.

Citation. Kamennov I.A. Specific Features of the Author's Order Contract. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 64-71. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.9

УДК 347.78
ББК 67.06

Дата поступления статьи: 11.02.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА АВТОРСКОГО ЗАКАЗА

Иван Александрович Каменнов

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: договор авторского заказа, несмотря на нормативное закрепление в ст. 1288 ГК РФ, продолжает вызывать споры в доктрине и сложности в правоприменительной практике. Они связаны с определением его правовой природы, соотношением с подрядом, возмездным оказанием услуг, лицензионным договором и договором отчуждения исключительного права, а также с судьбой исключительных прав на создаваемое произведение. Это обусловливает необходимость комплексного теоретико-практического анализа данного института. **Цель:** выявление правовых особенностей договора авторского заказа и обоснование его места в системе гражданско-правовых обязательств с учетом специфики предмета, возмездности, срока исполнения, порядка передачи результата и режима распоряжения исключительными правами. **Методология:** исследование основано на формально-юридическом методе, системном анализе, сравнительно-правовом подходе, а также изучении доктринальных источников, норм гражданского законодательства и судебной практики. **Результаты:** раскрыта самосто-

© Каменнов И.А., 2026

ятельная правовая природа договора авторского заказа, проанализированы его существенные условия, особенности определения и выплаты вознаграждения, значение письменной формы, правовой режим исключительных прав при отсутствии условий об их передаче, а также специфика применения договора при создании сложных объектов и в условиях соавторства. Отдельное внимание уделено рискам признания договора незаключенным и проблеме пределов вмешательства заказчика в творческий процесс. **Выводы:** договор авторского заказа следует рассматривать как самостоятельный гражданско-правовой договор, ориентированный прежде всего на создание результата интеллектуальной деятельности. Недостаточная определенность регулирования требует уточнения законодательных положений и формирования более устойчивых подходов в правоприменительной практике.

Ключевые слова: договор авторского заказа, исключительное право, авторское право, вознаграждение, письменная форма, распоряжение правами, соавторство.

Цитирование. Каменнов И. А. Особенности договора авторского заказа // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 64–71. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.9

Введение

Правовая природа договора авторского заказа в гражданском праве Российской Федерации является предметом активной научной дискуссии и неоднозначного толкования в правоприменительной практике. Несмотря на его прямое упоминание в ст. 1288 Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), окончательного согласия относительно его квалификации как самостоятельной договорной конструкции в системе обязательств гражданско-правового характера в науке до сих пор не достигнуто.

Правовая природа договора авторского заказа

Согласно п. 1 ст. 1288 ГК РФ, по договору авторского заказа одна сторона, автор, обязуется по заказу другой стороны, заказчика, создать обусловленное договором произведение науки, литературы или искусства на материальном носителе или в иной форме фиксации произведения. Содержательная специфика договора авторского заказа заключается в том, что в момент его заключения объект интеллектуальных прав еще не существует. Это отличает его от договоров, направленных на распоряжение уже созданными объектами, таких как договоры отчуждения исключительных прав или лицензионные соглашения.

В литературе обоснованно отмечается, что договор авторского заказа сочетает обязательство по созданию произведения и, при наличии соответствующего условия, элемент распоряжения исключительным правом [2, с. 214; 8, с. 19]. При этом передача исключительного права или предоставление лицензии не является обязательным элементом договора, поскольку основное обязательство автора связано с созданием произведения. Если же стороны включают условие о распоряжении исключительным правом, к соответствующей части отношений применяются положения о договоре отчуждения исключительного права или лицензионном договоре, что позволяет рассматривать договор авторского заказа как смешанный договор в смысле п. 3 ст. 421 ГК РФ [9, с. 28]. В.Н. Белоусов также указывает на самостоятельный характер договора авторского заказа, поскольку он направлен на создание результата интеллектуальной деятельности и не совпадает с подрядом или возмездным оказанием услуг [1, с. 68]. Близкий подход выражен Е.В. Демьяненко и А.В. Шпак, которые связывают специфику договора с участием автора как субъекта творческой деятельности и заказчика, заинтересованного в получении будущего произведения [3, с. 45]. Следовательно, договор авторского заказа следует понимать как самостоятельный гражданско-правовой договор, который может включать элементы распоряжения исключительным правом, но сохраняет собственное значение как обязательство по созданию произведения.

К существенным условиям договора авторского заказа относятся предмет договора, срок исполнения, условие о вознаграждении, а также положения о порядке передачи созданного произведения. При необходимости стороны также согласовывают условие о передаче исключительного права либо о предоставлении заказчику права использования произведения.

Поскольку предметом договора является будущий результат творческой деятельности, создаваемое произведение должно быть индивидуализировано с достаточной степенью определенности. В договоре целесообразно указывать наименование, жанр, предполагаемый объем, требования к содержанию, стилю, назначению и иные характеристики, позволяющие установить, какое произведение должно быть создано [1, с. 38]. Недостаточная конкретизация предмета способна повлечь риск признания договора незаключенным.

В силу абз. 2 п. 1 ст. 1289 ГК РФ договор авторского заказа, который не предусматривает и не позволяет определить срок его исполнения, не считается заключенным. Следовательно, стороны должны определить срок создания произведения, срок передачи результата заказчику, а при поэтапном выполнении задания также сроки отдельных этапов [2, с. 216].

Согласно п. 3 ст. 1288 ГК РФ, договор авторского заказа предполагается возмездным, если соглашением сторон не предусмотрено иное. Поэтому в договоре необходимо определить размер вознаграждения, способ его исчисления и порядок выплаты. При отсутствии таких условий возникает риск признания договора незаключенным по аналогии с подходом, применяемым к возмездным лицензионным договорам. Вместе с тем стороны в случае согласования должны уточнить является ли договор возмездным или же предполагает безвозмездность, поскольку не существует ограничений запрещающих заключать договор авторского заказа на безвозмездной основе.

Передача результата должна осуществляться на материальном носителе или в иной объективной форме, позволяющей восприятие произведения. При этом развитие электронного оборота позволяет передавать произведения через электронную почту, облачные хранилища и иные цифровые средства. Однако такая передача требует надлежащей фиксации, поскольку доказательство факта передачи произведения имеет значение для защиты интересов как автора, так и заказчика.

Условие о распоряжении исключительным правом не является обязательным для заключения договора авторского заказа, но имеет определяющее практическое значение. В силу п. 2 ст. 1288 ГК РФ договор может предусматривать отчуждение исключительного права либо предоставление заказчику права использования произведения в установленных пределах. При включении такого условия к соответствующим отношениям применяются положения о договоре отчуждения исключительного права или лицензионном договоре, вместе с тем мы можем говорить о смешанном договоре, подразумевающем разные существенные условия. Если же такое условие отсутствует, исключительное право сохраняется за автором, что может ограничить возможности заказчика по дальнейшему коммерческому или публичному использованию произведения.

Распоряжение исключительными правами на произведение, созданное по договору авторского заказа

Один из наиболее дискуссионных и практически значимых аспектов правовой природы договора авторского заказа связан с вопросом о праве распоряжения исключительными правами на создаваемое произведение. Проблематика осложняется тем, что законодатель, с одной стороны, признает возможность включения в договор соответствующих условий (п. 2 ст. 1288 ГК РФ), а с другой – не наделяет договор авторского заказа по умолчанию функцией распоряжения правами, в отличие от договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных соглашений.

Мы можем справедливо заметить, что договор авторского заказа по своей правовой природе ориентирован прежде всего на создание нового объекта интеллектуальных прав и только при включении соответствующих положений может выполнять функцию средства передачи исключительных прав.

Исключительное право представляет собой единое абсолютное имущественное право, выражающее полный контроль правообладателя за использованием результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации [4, с. 84].

Практика свидетельствует о том, что включение условий о распоряжении исключительными правами зачастую является

ключевым фактором для достижения экономических целей заказчика. Так, в ряде судебных дел, связанных с отказом заказчиков от выплаты вознаграждения или спорами о правомерности использования произведения, суды прямо исходили из анализа условий договора относительно передачи прав и признания либо отсутствия отчуждения исключительного права [1]. Принципиальное значение в этих делах приобретает факт согласования сторонами права заказчика на использование произведения и объем такого использования.

При отсутствии в договоре авторского заказа условия о передаче исключительного права либо предоставлении права использования произведения исключительное право сохраняется за автором в силу п. 1 ст. 1228 ГК РФ. Вместе с тем передача заказчику оригинала произведения может порождать отдельные правовые возможности, предусмотренные ст. 1291 ГК РФ. Если оригинал отчуждается самим автором, в том числе по договору авторского заказа, исключительное право сохраняется за автором, если соглашением сторон не установлено иное. Аналогичный подход применяется при передаче оригинала наследником автора. Если же оригинал передается собственником, который автором не является, вместе с оригиналом к приобретателю переходит исключительное право, если договором не предусмотрено иное.

Ст. 1291 ГК РФ также предоставляет собственнику оригинала произведения ограниченные возможности его использования без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения. В частности, собственник вправе демонстрировать оригинал, передавать его для показа на выставках, а в установленных законом случаях также воспроизводить произведение в каталогах, изданиях, посвященных коллекции, либо использовать изображение, если сам собственник запечатлен на произведении изобразительного искусства или фотографии.

Следовательно, приобретение оригинала произведения по договору авторского заказа не означает автоматического приобретения исключительного права. Заказчик получает только те возможности, которые связаны с владением материальным объектом и прямо предусмотрены законом. С учетом ст. 1270 ГК РФ воспроизведение и публичный показ входят в содержание исключительного права, однако ст. 1291 ГК РФ устанавливает специальные изъятия для собственника оригинала. Как отмечает И.А. Близнец, публичный показ по своей сути является статичным показом произведения [7, с. 83]. Поэтому демонстрация оригинала собственником может рассматриваться как реализация вещного права на материальный объект, если она не выходит за пределы, установленные законом.

Нам видится, что положения ст. 1291 ГК РФ, применимы в отношении ограниченного числа объектов авторского права, которые возможно оценить или воспринять через оригинал посредством зрения, без применения специальных технических устройств. Конечно, демонстрация оригинала нотной записи с музыкальным произведением возможна, но вряд ли обыватель без специальной подготовки сможет воспринять музыкальное произведение написанное на нем.

Договор авторского заказа при создании сложных объектов

Договор авторского заказа имеет большую значимость при создании сложного объекта.

Ряд исследователей предлагает выделять несколько критериев, позволяющих разграничить сложный объект и иные результаты интеллектуального творчества. Во-первых, необходимым элементом выступает наличие организатора или инициатора, который объединяет работу авторов и направляет процесс создания единого результата. Во-вторых, сложный объект формируется из нескольких самостоятельных произведений или иных охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. И, наконец, для него характерна внутренняя целостность, где любое изменение структуры или содержания, нарушающее первоначальный замысел, делает невозможным использование такого объекта в соответствии с его изначальным назначением [6, с. 10].

Мы можем обнаружить наличие некоторого руководящего начала в виде организатора, который, собственно, и организует создание сложного произведения. В контексте договоров авторского заказа именно он выступает заказчиком заключая договор на создание произведения, которое станет частью сложного объекта.

Законодатель хотя и обделил вниманием сложный объект, но тем не менее дает ему некоторые существенные положения, которые определяют не только сам правовой режим данного объекта, но и других произведений входящих в его состав.

Абз. 2 п. 1 ст. 1240 ГК РФ, закрепляет презумпцию перехода к организатору сложного объекта исключительных прав на созданное для данного сложного объекта произведения. То есть, в случае заключения организатором соответствующих договоров авторского заказа на создание произведения, входящего в состав сложного объекта, при отсутствии условий о передаче исключительного права или же предоставления права использования произведения, у организатора в любом случае возникает исключительное право на такое произведение, входящее в состав сложного объекта. Такая мысль неудивительна, поскольку иное делало бы невозможным эксплуатацию сложного объекта, разрушало внутреннюю композицию и нарушало авторский замысел его организатора.

Если бы каждое включаемое произведение сохраняло исключительные права у отдельного автора при отсутствии специальных условий о предоставлении права использования, организатор оказался бы лишен юридической возможности вводить объект в оборот, изменять его, адаптировать под технические требования или осуществлять публичное использование. Такая конструкция создала бы ситуацию множественности согласований, когда каждое действие организатора требовало бы разрешения всех авторов отдельных элементов, что привело бы к правовой «блокировке» объекта и фактической невозможности его реализации.

Проблемные аспекты правоприменения

Суды также последовательно указывали, что действующие исключения распространяются на всех авторов, чьи произведения становятся составными элементами сложного объекта, вне зависимости от природы и значимости их вклада [2].

Особого внимания заслуживает доктринальный спор о том, должно ли распоряжение исключительным правом быть обязательным элементом договора авторского заказа. Некоторые авторы считают, что законодатель в п. 2 ст. 1288 ГК РФ необоснованно использует формулировку «может быть предусмотрено», поскольку без четкого регулирования судьбы исключительных прав договор не достигает своей экономико-правовой цели [5, с. 57]. Однако противоположная точка зрения основана на признании автономной ценности самого обязательства по созданию произведения, особенно в случаях, когда заказчик не предполагает использования произведения в хозяйственном обороте.

Следовательно, вопрос о включении в договор условий о передаче исключительных прав должен рассматриваться сквозь призму целей сторон и предполагаемого дальнейшего оборота произведения. В случае намерения заказчика использовать произведение в коммерческих целях либо ограничить доступ к нему третьих лиц такие условия являются практически необходимыми. В противоположном случае, когда цель – получение экземпляра произведения (например, для личного использования, в образовательных или музейных целях), включение подобного условия может быть факультативным.

Несмотря на закрепление договора авторского заказа в ч. 4 ГК РФ, его правоприменение сопровождается рядом устойчивых затруднений, обостряемых отсутствием единой доктринальной позиции относительно его правовой природы, структуры и места в системе обязательств гражданского права. Сама по себе концепция данного договора остается внутренне неоднородной, что обусловливает неопределенность в юридической квалификации возникающих отношений и в подходах к их разрешению.

Научная дискуссия охватывает вопрос о характере договора авторского заказа как самостоятельной или производной договорной конструкции. В литературе обоснованно высказывается позиция о необходимости квалификации договора авторского заказа как sui generis – особого вида гражданско-правового договора, сочетающего элементы обязательства по созданию произведения с возможностью включения условий о распоряжении правами. В противоположность этому некоторые

исследователи склонны рассматривать договор авторского заказа как разновидность договора подряда, ориентированного на нематериальный результат. Представляется, что подобная точка зрения недостаточно учитывает специфику объекта правоотношения, выраженного в форме нематериального результата творческой деятельности, охраняемого авторским правом [10, p. 202].

Серьезные затруднения вызывают и вопросы, связанные с квалификацией соавторства и его правовыми последствиями в рамках договора авторского заказа. Согласно В.Н. Белоусову, каждый соавтор должен заключать самостоятельный договор с заказчиком (во всяком случае, быть определен в едином договоре как автор), поскольку соавторство как правовой институт не формирует самостоятельного субъекта гражданских прав [1, с. 8]. Отсюда вытекает проблема: в случае если договор подписан не всеми соавторами, а произведение создано в соавторстве, возникает риск неполного закрепления прав заказчика на результат, что, в свою очередь, осложняет его использование в обороте и порождает риски предъявления исков о нарушении авторских прав со стороны неприсоединившихся авторов. В частности, в абз. 3 п. 3 ст. 1229 ГК РФ указывается, что доходы от совместного использования результата интеллектуальной деятельности либо от совместного распоряжения исключительным правом на такой результат распределяются между всеми правообладателями в равных долях, если соглашением между ними не предусмотрено иное. Соответственно, в случае отсутствия упоминания соавтора в договоре авторского заказа, у него появляется право требования доходов от использования заказчиком произведения.

Не менее дискуссионным является и вопрос о пределах допустимого вмешательства заказчика в творческий процесс. Поскольку договор предполагает создание оригинального, авторского произведения, попытки заказчика жестко регламентировать структуру, содержание или стиль создаваемого результата могут быть расценены как выход за пределы договорной свободы. В судебной и арбитражной практике подобные случаи нередко оцениваются с учетом презумпции авторской свободы и невозможности подмены творческого акта формальными техническими заданиями. В частности, устанавливается, что в качестве условий в договоре авторского заказа не могут выступать субъективные критерии критиков, зрителей, и стороны вправе оговаривать лишь путем ссылок на объективные признаки [3].

Отдельную проблему представляет неопределенность в вопросе об ответственности за невыполнение или ненадлежащее исполнение договора. Затруднения вызывает дифференциация между дефектом результата (несоответствие произведения требованиям договора) и недостижением творческого результата, обусловленного субъективным характером авторской деятельности. В условиях отсутствия четких критериев оценки «качества» произведения (особенно в художественной сфере) судебное вмешательство в споры между автором и заказчиком неизбежно приобретает оценочный характер, что затрудняет предсказуемость решений.

Выводы

Договор авторского заказа представляет собой важный и в то же время сложный институт современного гражданского права, находящийся на стыке обязательственных и авторско-правовых отношений. В отличие от иных договорных конструкций, данный договор опосредует не только процесс создания охраняемого произведения, но и, в отдельных случаях, вопросы распоряжения исключительным правом, что обусловливает его двойственную природу и вызывает устойчивые затруднения как в теории, так и на практике.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что действующее регулирование, закрепленное в ст. 1288 ГК РФ, в целом предоставляет сторонам достаточную степень договорной свободы. Вместе с тем неопределенность отдельных положений, в частности отсутствие четких требований к содержанию предмета договора, необязательность указания на передачу исключительных прав, отсутствие единообразного понимания правовой природы договора, создает риски признания договоров незаключенными и препятствует формированию устойчивой судебной практики.

Научная доктрина предлагает рассматривать договор авторского заказа как самостоятельную договорную конструкцию, обладающую специфической правовой природой. Однако для реализации этой концепции требуется системное развитие правоприменительной практики и корректировка нормативного регулирования, направленные на более четкое разграничение обязательств по созданию произведения и по распоряжению правами, формализацию требований к существенным условиям и усиление защиты интересов как авторов, так и заказчиков.

С учетом изложенного, представляется целесообразным развитие законодательства в направлении уточнения диспозитивных и императивных норм, касающихся договора авторского заказа, в том числе путем выделения его в качестве обособленного типа в системе договоров о создании и использовании объектов интеллектуальных прав. Это позволит повысить правовую определенность отношений в сфере интеллектуального творчества и обеспечить сбалансированную защиту прав всех участников соответствующих правоотношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Определение Верховного суда РФ от 15 апреля 2021 г. по делу № А40-79825/2019 // Информационная система «Картотека арбитражных дел». – URL: kad.arbitr.ru/Card/b8b64709-728b-458a-bcec-c1a433f5e6e7

[2] Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 31 мая 2023 г. № 33-5616/2023 по делу № 2-789/2022. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Постановление ФАС Московского округа от 27 мая 2009 г. № КГ-А40/4540-09. – Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусов, В. Н. Договор авторского заказа в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук / Владимир Николаевич Белоусов. – Новосибирск, 2018. – 156 с.

2. Белькова, Е. Г. Существенные условия договора авторского заказа / Е. Г. Белькова, В. Н. Белоусов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2017. – № 1 (38). – С. 214–218.

3. Демьяненко, Е. В. О проблемах правового регулирования договора авторского заказа / Е. В. Демьяненко, А. В. Шпак // Юристъ-Правоведъ. – 2024. – № 1 (108). – С. 40–46.

4. Кожемякин, Д. В. Объем и содержание исключительного авторского права до и после принятия части 4 Гражданского Кодекса РФ / Д. В. Кожемякин, В. М. Гилев // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 82–91. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.11

5. Лапин, Н. М. Регулирование договора авторского заказа в законодательстве России / Н. М. Лапин // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2011. – № 3. – С. 56–60.

6. Никифорова, И. Н. Сложные объекты и произведения с множественностью авторов : дис. ... канд. юрид. наук / Ирина Николаевна Никифорова. – М., 2013. – 157 с.

7. Право интеллектуальной собственности. Международно-правовое регулирование : учеб. для вузов / под ред. И. А. Близнеца, В. А. Зимина, И. П. Оленичева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2025. – 284 с.

8. Фалеев, А. Суть договора авторского заказа по Гражданскому кодексу / А. Фалеев // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2011. – № 1. – С. 15–21.

9. Хохлов, В. А. Договор авторского заказа в гражданском праве России / В. А. Хохлов // Журнал российского права. – 2011. – № 4 (172). – С. 26–35.

10. Stamatoudi, I. Copyright and Multimedia Products: A Comparative Analysis / I. Stamatoudi. – Cambridge ; N. Y. : Cambridge University Press, 2002. – xv, 317 p.

REFERENCES

1. Belousov V.N. *Dogovor avtorskogo zakaza v grazhdanskom prave Rossii: dis. … kand. yurid. nauk* [The Author's Commission Agreement in Russian Civil Law. Cand. jurid. sci. diss.]. Novosibirsk, 2018. 156 p.

2. Belkova E.G., Belousov V.N. Sushhestvennye usloviya dogovora avtorskogo zakaza [Essential Terms of the Author's Commission Agreement]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa* [Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute], 2017, no. 1 (38), pp. 214-218.

3. Dem'yanenko E.V., Shpak A.V. O problemakh pravovogo regulirovaniya dogovora avtorskogo zakaza [On the Issues of Legal Regulation of the Copyright Contract]. *Yurist-Pravoved*, 2024, no. 1 (108), pp. 40-46.

4. Kozhemyakin D.V., Gilev V.M. Ob'em i soderzhanie isklyuchitelnogo avtorskogo prava do i posle prinyatiya chasti 4 Grazhdanskogo Kodeksa RF [The Scope and Content of Exclusive Copyright Before and After the Adoption of Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 82-91. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.11

5. Lapin N.M. Regulirovanie dogovora avtorskogo zakaza v zakonodatelstve Rossii [Regulation of the Author's Commission agreement in Russian Legislation]. *Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava* [Intellectual Property. Copyright and Related Rights], 2011, no. 3, pp. 56-60.

6. Nikiforova I.N. *Slozhnye ob'ekty i proizvedeniya s mnozhestvennost'yu avtorov: dis. ... kand. yurid. nauk* [Complex Objects and Works with Multiple Authors. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2013. 157 p.

7. Bliznets I.A., Zimin V.A., Olenichev I.P., eds. *Pravo intellektualnoy sobstvennosti. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie: ucheb. dlya vuzov* [Intellectual Property Law. International Legal Regulation]. Moscow, Yurayt Publ., 2025. 284 p.

8. Faleev A. Sut dogovora avtorskogo zakaza po Grazhdanskomu kodeksu [The Essence of the Author's Commission Agreement Under the Civil Code]. *Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava* [Intellectual Property. Copyright and Related Rights], 2011, no. 1, pp. 15-21.

9. Khokhlov V.A. Dogovor avtorskogo zakaza v grazhdanskom prave Rossii [The Author's Commission Agreement in Russian Civil Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2011, no. 4 (172), pp. 26-35.

10. Stamatoudi I. *Copyright and Multimedia Products: A Comparative Analysis*. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 2002. xv, 317 p.

Information About the Author

Ivan A. Kamennov, Postgraduate Student, Department of Civil-Law Disciplines, Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400005 Volgograd, Russian Federation, zotler541@gmail.com, https://orcid.org/0009-0003-7075-836X

Информация об авторе

Иван Александрович Каменнов, аспирант, кафедра гражданско-правовых дисциплин,- Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. им. Гагарина, 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, zotler541@gmail.com, https://orcid.org/0009-0003-7075-836X

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.10

UDC 347.1
LBC 67.407

Submitted: 05.03.2026
Accepted: 01.06.2026

INALIENABILITY AS AN INTERSECTORAL LEGAL CATEGORY: A CIVIL-LAW ASPECT

Maxim N. Melnikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the category of "inalienability" in Russian law has a pronounced intersectoral character: in constitutional law it is used as a characteristic of human rights and freedoms, while in private law it reflects restrictions on civil circulation and a means of securing certain benefits (rights) for citizens and legal entities. The paper proposes a new doctrinal model of inalienability that allows distinguishing: inalienability as a constitutional guarantee of preserving legal status and inalienability as a civil-law non-transferability of a subjective right; "quasi-inalienability" as a regime for the disposition of an object of civil rights, conditioned by the consent of a third party or dependent on the fate of another object. **Purpose:** to investigate "inalienability" as an intersectoral legal category in constitutional and civil law. **Methods:** the methodological framework includes the comparative-law, formal-logical, and dialectical methods. **Results:** the analysis evaluates civil-law institutions in which the term "inalienability" is directly used (intangible benefits, share in the right of common ownership of common property, property of institutions, pledge, inheritance contract, and personal non-property rights of the author); examines the rulings of higher judicial instances; and proposes amendments to the current civil legislation. **Conclusions:** in order to increase the effectiveness of the use of the category "inalienability" in civil law, the following changes are advisable: the consolidation of a legal definition of "inalienability" and its clear criteria; the unification of other terminology; the clarification of the grounds for the transformation of personal claims into property ones, as well as the indication of the consequences of violating the prohibitions arising from the category of inalienability in key civil-law institutions. This will preserve the flexibility of circulation and at the same time make the protection of personal and publicly significant interests more consistent and effective.

Key words: inalienability, marketability, intangible benefits, assignment of claims, inheritance contract, pledge, common ownership.

Citation. Melnikov M.N. Inalienability as an Intersectoral Legal Category: A Civil-Law Aspect. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 72-80. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.10

УКД 347.1
ББК 67.407

Дата поступления статьи: 05.03.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

НЕОТЧУЖДАЕМОСТЬ КАК МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Максим Николаевич Мельников

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: категория «неотчуждаемость» в российском праве имеет ярко выраженный межотраслевой характер: в конституционном праве она используется как характеристика прав и свобод человека, а в частном праве отражает ограничения гражданского оборота и способ закрепления определенных благ (прав) за гражданами и юридическими лицами. В статье предлагается новая доктринальная модель неотчуждаемости, позволяющая разграничить: неотчуждаемость как конституционную гарантию сохранения правового статуса; неотчуждаемость как гражданско-правовую непередаваемость субъективного права; «квази-неотчуждаемость» как режим распоряжения объектом гражданских прав, обусловленный согласием третьего лица или зависящий от судьбы иного объекта. **Цель:** исследовать «неотчуждаемость» как межотраслевую правовую категорию в конституционном и гражданском праве. **Методологию** исследования составляют сравнительно-правовой, формально-логический и диалектический методы. **В результате** проведенного анализа

© Мельников М.Н., 2026

дана оценка гражданско-правовым институтам, в которых прямо использован термин «неотчуждаемость» (нематериальные блага, доля в праве общей собственности на общее имущество, имущество учреждений, залог, наследственный договор, личные неимущественные права автора), проанализированы разъяснения высших судебных инстанций, а также предложены изменения в действующее гражданское законодательство. **Выводы:** в целях повышения эффективности использования категории «неотчуждаемость» в гражданском праве целесообразны следующие изменения: закрепление легальной дефиниции «неотчуждаемость», ее четких критериев; унификация иной терминологии; уточнение оснований трансформации личных требований в имущественные, а также указание последствий нарушения запретов, вытекающих из категории неотчуждаемость в ключевых институтах гражданского права. Это позволит сохранить гибкость оборота и одновременно сделает защиту личных и публично значимых интересов более последовательной и эффективной.

Ключевые слова: неотчуждаемость, оборотоспособность, нематериальные блага, уступка требования, наследственный договор, залог, общая собственность.

Цитирование. Мельников М. Н. Неотчуждаемость как межотраслевая правовая категория: цивилистический аспект // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 72–80. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.10

Введение

В гражданском праве оборот объектов гражданских прав составляет социально-экономическую основу имущественных отношений. В этой логике отчуждение ассоциируется со свободой договора, автономией воли и диспозитивностью. Вместе с тем российское гражданское законодательство прямо фиксирует неотчуждаемый характер ряда благ (прав), формируя исключения из отраслевого режима оборота. При этом на доктринальном уровне проблема неотчуждаемости как самостоятельная гражданско-правовая категория разработана фрагментарно, хотя ее отдельные аспекты и обсуждались различными авторами [4, с. 12–14]. Из этого вытекает необходимость исследовать межотраслевой характер данной конструкции и ее специфику в гражданском праве, обосновать новую доктринальную модель неотчуждаемости, выявить посвященные ей гражданско-правовые нормы и практику их применения, сформулировать предложения о развитии законодательства.

Межотраслевой характер категории «неотчуждаемость»

Межотраслевой характер данной категории заключается в том, что в конституционном праве категория «неотчуждаемость» прежде всего относится к основным правам и свободам человека и гражданина: государство их прямо признает и гарантирует, и при этом не вправе их произвольно нарушать [2, с. 171–174]. Конституционная формула о правах и свободах как высшей ценности и их особой природе является основой для всех отраслей права. Главный вопрос в теории межотраслевого регулирования заключается в том, что конституционная неотчуждаемость не тождественна гражданско-правовой неотчуждаемости. В первом случае речь идет о запрете произвольных нарушений прав личности (при допустимости ограничений прав в установленных федеральным законом случаях) [7, с. 150], тогда как во втором – о запрете смены носителя конкретного субъективного права (или о запрете распоряжения объектом (имуществом) определенным способом). Из этого следует, что межотраслевой характер данной категории проявляется не в буквальном отождествлении смысла, а в родстве функций (охрана базовых ценностей, поиск баланса частных и публичных интересов). Гражданское право воспринимает конституционное понятие неотчуждаемости в контексте задач охраны имущественных и личных неимущественных прав: законодательство защищает неотчуждаемые права и свободы человека и гражданина [8, с. 14], устанавливает режим непередаваемости / несменяемости носителя прав, регулирует случаи, когда оборотоспособность вступает в конфликт с личным характером блага либо с публичной целью регулирования. Межотраслевой характер исследуемой категории становится еще более нагляден, если сопоставить типовые «неотчуждаемые» конструкции в разных отраслях права России: в семейном праве (личный характер родительских

прав и обязанностей, невозможность их отчуждения или передачи по договору); в трудовом праве (личный характер трудовой функции, наличие ряда гарантий, например, сроков обращения или защиты нематериальных прав работника); в административном праве (персонализированность разрешений, согласований и лицензий, как правило, их непередаваемость без специальных правовых процедур); в жилищном / земельном праве (следование доли в общем имуществе судьбе основного объекта, например, земельной доли при продаже квартиры в многоквартирном доме). Эти отраслевые примеры важны для цивилистики не сами по себе, а как доказательство, что неотчуждаемость является универсальной категорией, способом привязки субъективного права к личности или объекту, причем частное право вынуждено постоянно согласовывать ее с логикой гражданского оборота.

Категория «неотчуждаемость» в контексте гражданско-правовой доктрины

С позиций гражданско-правовой доктрины можно предложить следующее определение: неотчуждаемость – это установленный законом режим субъективного гражданского права, при котором смена его носителя или принадлежащего ему объекта (переход к другому лицу) полностью исключается либо допускается по специальным правовым процедурам. Можно выделить минимальный набор признаков, характеризующих «неотчуждаемость» в гражданском праве: стабильность правового режима (право / благо принадлежит конкретному субъекту, следует судьбе основного объекта / вещи); запрет на переход отдельных прав в рамках гражданского оборота (сделка, универсальное правопреемство или уступка права требования) полностью или частично; юридические последствия нарушения (ничтожность / оспоримость, специальные последствия, включая сохранение обременения, возмещение убытков и другие); наличие охранительной функции (защита субъективных прав, доверия, решение публичной задачи (включая сохранение имущества учреждения), устойчивость правового режима общего имущества).

Необходимо четко отличать категорию «неотчуждаемость» от смежных правовых понятий: как уже отмечалось выше, неотчуждаемость – это запрет смены субъекта при сохранении объекта / права, тогда как, например, изъятие из оборота означает, что объект вообще не может принадлежать частным лицам и быть предметом сделок, либо (в случае ограничения оборотоспособности) объект может находиться в гражданском обороте, но при соблюдении определенных условий (лицензия, согласие, дополнительные требования к субъекту и ряд других).

Можно предложить три режима неотчуждаемости объектов гражданских прав: абсолютная неотчуждаемость (любые сделки / распоряжения, направленные на передачу, недействительны; право не переходит ни по сделке, ни по наследству, что наиболее характерно для личных нематериальных благ); относительная неотчуждаемость (запрет адресован определенному кругу лиц или действует при определенных условиях, например, распоряжение возможно только с согласия собственника / залогодержателя / участников); квази-неотчуждаемость (право / доля не отчуждается отдельно, и следует судьбе другого объекта, например, доля в общем имуществе следует судьбе основного объекта и потому неотчуждаема сама по себе). Можно предложить ряд аргументов в пользу такой классификации, исходя из норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в котором исследуемый термин прямо используется.

Мы встречаем его в п. 2 ст. 2 ГК РФ (неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ); ст. 123.6 (членство в общественной организации неотчуждаемо); п. 4 ст. 129 (результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации не могут отчуждаться); п. 1 ст. 150 (применительно к нематериальным благам) и п. 2 ст. 259.2 (доле в праве общей собственности на общее имущество), п. 1, 4 ст. 298 (запрете на отчуждение имущества частными и казенными учреждениями) и п. 2 ст. 346 (предмета залога), п. 4 ст. 1140.1 (неотчуждаемости прав

и обязанностей по наследственному договору), п. 2 ст. 1228 (прав авторства и иных личных неимущественных прав автора) и др. Рассмотрим их более подробно.

1. Хотя ГК РФ чаще говорит о неотчуждаемости применительно к благам и отдельным правам, центральная цивилистическая идея – неотчуждаемость правоспособности и недопустимость ее произвольного ограничения сделкой. Практическое значение этого состоит в том, что любые соглашения типа «я отказываюсь от права быть предпринимателем навсегда», «я обязуюсь не вступать в брак», «я обязуюсь не обращаться в суд» и т. п. в части, где они посягают на права личности, должны оцениваться как ничтожные ввиду прямых указаний закона [3, с. 113]. Здесь неотчуждаемость проявляется через предел автономии воли. Наиболее ярко это заметно применительно к нематериальным благам и личным неимущественным правам.

2. В п. 1 ст. 150 ГК РФ закреплена классическая формула: нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом [6, с. 8]. Это является весьма важным потому, что вокруг этой нормы строится система способов защиты прав (признание права, компенсация морального вреда и др.), но одновременно и возникает практическая дилемма: оборот иногда требует согласий и разрешений (на использование изображения, имени, результатов творчества), тогда как личные права – это не товар. Отсюда типичная цивилистическая конструкция: не отчуждение права, а предоставление согласия / лицензии / разрешения в пределах, совместимых с личной природой блага. Отдельный дискуссионный вопрос – природа согласия на использование изображения: расположение ст. 152.1 ГК РФ в главе о нематериальных благах означает охрану изображения как нематериального блага, что требует проведения разграничения согласия и отчуждения [5, с. 18–20].

3. В обязательственном праве исследуемая категория чаще всего проявляется функционально – через запреты уступки. В основном – запрет уступки требований, неразрывно связанных с личностью кредитора (алиментные требования, требования о возмещении вреда жизни и здоровью и т. п.), а также в случаях, когда личность кредитора имеет существенное значение для должника. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» прямо говорится о запрете на уступку права требования без согласия должника, если личность кредитора имеет существенное значение, что вытекает из закона или существа обязательства (п. 10) [1]. Особое практическое значение имеет блок о договорных запретах уступки и последствиях их нарушения.

4. В свою очередь, в рамках процедуры наследования мы также видим прямое указание закона на неотчуждаемость: п. 4 ст. 1140.1 ГК РФ (наследственный договор) указывает на то, что права и обязанности по наследственному договору носят неотчуждаемый характер. Такую норму можно объяснить тем, что наследственный договор является инструментом согласования воли наследодателя и будущих приобретателей, предполагающий личное доверие и персональное распределение обязанностей и имущества [9, с. 383]. Соответственно, свободное отчуждение прав и обязанностей нарушает баланс интересов и предсказуемость исполнения.

5. В праве интеллектуальной собственности неотчуждаемость проявляет себя следующим образом: исключительное право (имущественное) по общему правилу оборотоспособно (хотя в некоторых случаях законом установлены ограничения, например, не могут быть переданы права на фирменные наименования, наименования места происхождения товара, коллективные товарные знаки и др.), тогда как личные неимущественные права автора (право авторства, право на имя и др.) неотчуждаемы [1, с. 51]. В общих положениях об авторе результата интеллектуальной деятельности ГК РФ прямо сказано о том, что право авторства, право на имя и иные личные неимущественные права являются неотчуждаемыми и непередаваемыми, и что отказ от них ничтожен. Это означает, что можно продать / передать права на использование текста, музыки, иллюстрации, но «продать авторство» нельзя. Указание в

договоре «я не автор / автором будет считаться заказчик» будет юридически ничтожным. В авторском праве категория «неотчуждаемость» проявляет себя и в форме контроля за содержанием произведения: нельзя без согласия автора вносить изменения / сокращения / дополнения, снабжать произведение комментариями и т. п.; после смерти автора изменения возможны только при соблюдении ряда условий (не искажать замысел, не нарушать целостность восприятия и не противоречить явно выраженной воле автора). Неотчуждаемость здесь проявляется в том, что даже если исключительное право перешло к другому правообладателю, личностная связь автора с произведением остается и защищается (ст. 1266 ГК РФ). Примечательно, что иногда законодатель делает неотчуждаемыми даже имущественные элементы, когда хочет, чтобы автор (его семья) не терял постоянную связь с ценным произведением.

6. В вещном праве типичным примером практического применения категории неотчуждаемость является следование доли в общем имуществе судьбе основного объекта недвижимости. Так, согласно п. 2 ст. 259.2 ГК РФ, доля в праве общей собственности на общее имущество следует судьбе права собственности на недвижимую вещь, не может быть выделена в натуре и не может быть отчуждена отдельно от права собственности на недвижимую вещь. Это классический пример квази-неотчуждаемости: такая доля не отчуждается отдельно, поскольку она функционально обслуживает использование основного объекта (например, имущества многоквартирного дома) и должна следовать его судьбе. В практическом плане это означает, что сделки, направленные на самостоятельную продажу этой доли, квалифицируются как противоречащие закону и природе общего имущества.

7. Еще один характерный пример – неотчуждаемость имущества частных и казенных учреждений (ст. 298 ГК РФ). Смысл такого режима не защита прав личности, а обеспечение функции целевого использования имущества, а также интересов собственника (публичного или частного), предоставившего это имущество учреждению. Это означает, что, во-первых, неотчуждаемость касается не субъективного права как такового, а предела правомочий распоряжения в рамках вещно-управленческой конструкции учреждения. Во-вторых, законодатель устанавливает баланс между потребностями учреждения и защитой собственника.

8. Последний пример действия рассматриваемой правовой категории – это залог (п. 2 ст. 346 ГК РФ устанавливает залогодателю запрет на отчуждение предмета залога без согласия залогодержателя). В данном случае мы видим модель не абсолютной неотчуждаемости, а режим согласия / контроля, где ключевым становится вопрос о последствиях нарушения. Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 23 «О применении судами правил о залоге вещей»[2] отмечается, что в случае отчуждения заложенного недвижимого имущества без согласия залогодержателя, последний вправе потребовать признания сделки по распоряжению заложенной вещью недействительной и применения соответствующих последствий ее недействительности. Признание указанной сделки недействительной не лишает ее приобретателя права требовать от залогодателя возмещения убытков при наличии соответствующих оснований в случаях, предусмотренных законом или договором. Если для распоряжения заложенной движимой вещью требовалось согласие залогодержателя, сделка залогодателя по распоряжению предметом залога, совершенная без согласия залогодержателя после заключения договора залога, не может быть оспорена последним, поскольку законом установлено иное последствие нарушения (п. 40). Это демонстрирует общий тренд судебной практики: даже когда закон использует терминологию «неотчуждаемость / ограничения отчуждения», последствия не всегда сводятся к «ничтожности». Гражданское право часто предпочитает сохранение обременения и перераспределение рисков как более «оборотоспособное» решение проблемы. В целом же судебная практика исходит из того, что оборотоспособность – это общее правило, а неотчуждаемость – исключение, требующее ясного основания (норма закона или очевидная природа права). Этот подход особенно заметен в делах об уступке права требования и о последствиях договорных запретов уступки: суды считают необходимым

выявлять, действительно ли запрет вытекает из закона / существа обязательства либо установлен договором, и какие последствия должны наступить. Такой подход вполне функционален: чрезмерное расширение неотчуждаемости разрушит предсказуемость оборота. Однако это порождает и риск нарушений прав личности в случаях, когда персональный характер права неочевиден (например, в смешанных требованиях о компенсации, где личный элемент трансформируется в имущественный). В этом смысле примечательно Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», формирующее одну из наиболее четких моделей «перехода границ» между личным и имущественным: право требовать компенсацию морального вреда носит личный характер и не может быть передано в порядке правопреемства, в частности уступки требования (п. 8); право на компенсацию морального вреда не входит в состав наследства, однако если денежная сумма уже была взыскана судом, право на ее получение переходит к наследникам как часть наследственной массы (п. 9)[3]. Эта конструкция крайне важна для теории неотчуждаемости: суд фактически фиксирует момент, когда личное требование (неотчуждаемое) превращается в имущественное (отчуждаемое / наследуемое). Межотраслевой характер рассматриваемой доктринальной категории весьма ярко проявляет себя и в правовой позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о переходе к наследникам обязанности компенсировать моральный вред, причиненный преступлением наследодателя.

Поводом для рассмотрения дела стала неоднозначная судебная практика по вопросу о том, подлежит ли возмещению моральный вред, причиненный преступлением, за счет наследственного имущества виновного лица, если последнее скончалось до принятия судебного акта о компенсации. Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что законодательство не содержит прямого запрета на переход обязанности по компенсации морального вреда к наследникам[4]. Такая обязанность входит в состав имущественных обязательств умершего, если вред был причинен преступлением, и она исполняется в пределах стоимости перешедшего наследства.

Для цивилистической доктрины все это важно по двум причинам: неотчуждаемость личного права потерпевшего на компенсацию морального вреда (в аспекте наследования) сосуществует с наличием денежной обязанности причинителя в пределах стоимости наследства, то есть личный элемент тут не исключает имущественной ответственности; конституционно-правовая аргументация (достоинство личности, эффективная защита) напрямую влияет на частноправовой вывод о составе наследства и о допустимости требований к наследникам.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что гражданское законодательство в части регулирования неотчуждаемости нуждается в изменениях и дополнениях. Начнем с того, что сегодня сохраняется терминологическая неопределенность: «неотчуждаемость», «непередаваемость», «личный характер» – это близкие конструкции, однако у них будут разные правовые последствия.

В настоящий момент отсутствует «общая часть» неотчуждаемости, то есть нет общей нормы, которая объясняла бы, что именно означает этот термин в ГК РФ, и как его следует применять. Для исправления ситуации в Общей части ГК РФ (например, в ст. 1 об основных началах гражданского законодательства) необходимо закрепить, что «неотчуждаемость» означает запрет перехода права (блага) к другому лицу по сделке и/или в результате правопреемства, если иное не предусмотрено законом; что последствия нарушения этого запрета определяются законом (при отсутствии специальных указаний – в виде ничтожности сделки, но с оговоркой о возможности иных специальных последствий). В обязательственном праве целесообразно либо расширить легальную формулировку о запрете уступки права требования, «неразрывно связанного с личностью», добавив ориентиры (незакрытый перечень критериев), либо сделать в тексте закона отсылку к модели «с учетом существа обязательства». Наряду с этим, необходимо законодательно зафиксировать модель «трансформации» личного требования в имущественное. Представленный выше подход Пленума Верховного Суда РФ в части компенсации морального вреда фактически универсален: пока требование не «крис-

таллизовалось» в денежную сумму (например, присужденную судом), оно личное и неотчуждаемое; после присуждения – имущественное и оборотоспособное.

Имеет смысл закрепить подобную модель в общих положениях о правопреемстве / наследовании прав требований (в виде общего правила с возможностью отдельных законодательных исключений). Это сделало бы практику более предсказуемой не только для компенсации морального вреда, но и для иных компенсационных требований смешанной природы. Отдельный вопрос состоит в последовательном регулировании «квази-неотчуждаемости» долей в общем имуществе (многоквартирного дома). Для долей, следующих судьбе объекта (ст. 259.2 ГК), полезно прямо зафиксировать, что любые сделки об отдельном отчуждении такой доли в общем имуществе ничтожны. Предлагаемые меры позволят определить оптимальное соотношение отчуждаемости и неотчуждаемости для равной защиты частных и публичных интересов, а также корректного применения этой конструкции на практике. Другими словами, суть предлагаемых мер – не расширить сферу действия «неотчуждаемости» в целом, а сделать ее более определенной (что именно неотчуждаемо); более предсказуемой (каковы последствия нарушения запретов); более согласованной с межотраслевыми подходами (достоинство личности, защита прав потерпевших, сохранение целевого имущества).

Выводы

Подводя итоги следует отметить, что категория «неотчуждаемость» в российском праве реально носит межотраслевой характер: она связывает конституционную идею правового статуса личности с гражданско-правовой регламентацией ограничений оборота. В гражданском праве неотчуждаемость проявляется в трех основных формах: 1) абсолютная неотчуждаемость нематериальных благ и личных неимущественных прав; 2) относительная неотчуждаемость как режим согласия / контроля (залог, имущество учреждений); 3) квазинеотчуждаемость как «следование судьбе» (доли в общем имуществе). Судебная практика в целом воспринимает неотчуждаемость как исключение и старается выдерживать баланс с потребностями гражданского оборота. Особенно показательно, что высшие суды закрепляют личный характер отдельных требований и недопустимость их уступки или наследования, но допускают оборотоспособность «присужденной суммы» (моральный вред); предпочитают специальные последствия вместо автоматической недействительности (при залоге); допускают наследование имущественной обязанности компенсировать моральный вред в пределах стоимости наследства, связывая это с конституционными гарантиями защиты потерпевших.

В целях повышения эффективности использования категории «неотчуждаемость» в гражданском праве целесообразны следующие изменения: закрепление легальной дефиниции «неотчуждаемость», ее четких критериев; унификация иной терминологии; уточнение оснований трансформации личных требований в имущественные, а также указание последствий нарушения запретов, вытекающих из категории «неотчуждаемость» в ключевых институтах гражданского права. Это позволит сохранить гибкость оборота и одновременно сделает защиту личных и публично значимых интересов более последовательной и эффективной.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 23 «О применении судами правил о залоге вещей». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». – Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.2025 № 24-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.Г. Байгускаровой и М.Г. Мухаметчина». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джалилиан, Ф. А. Исключительное право автора произведения : дис. … канд. юрид. наук / Фарзад Азиз Джалилиан. – Душанбе, 2015. – 177 с.

2. Ивановский, К. В. Неотчуждаемость прав и свобод как конституционный принцип / К. В. Ивановский // Права человека: история, теория, практика : сб. науч. ст. XI Всерос. науч.-практ. конф. – Курск : [б. и.], 2023. С. 171–174.

3. Миняйленко, Н. Н. Принцип неотчуждаемости основных прав м свобод человека в институте правовой защиты / Н. Н. Миняйленко // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2018. – № 3. – С. 110–115.

4. Никогосян, Е. Б. Проблемы правового регулирования личных неимущественных прав автора (сравнительно-правовой анализ) : автореф. дис. … канд. юрид. наук . Ереван, 2016. – 22 с.

5. Николаева, А. А. Изображение гражданина: проблемы правового регулирования, использования, охраны и защиты : дис. … канд. юрид. наук / Александра Александровна Николаева. – М., 2014. – 221 с.

6. Орлов, О. В. Нематериальные блага лиц, осужденных к лишению свободы, и их защита в гражданском праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Олег Владимирович Орлов. – Краснодар, 2012. – 23 с.

7. Панченко, В. Ю. К вопросу об ограничении и отчуждении прав человека / В. Ю. Панченко, И. В. Пикулева // Аграрное и земельное право. – 2014. – № 2. – С. 150.

8. Саурин, А. А. Право собственности в Российской Федерации: конституционно-правовые пределы реализации и ограничения : дис. … д-ра юрид. наук / Александр Анатольевич Саурин. – М., 2014. – 400 с.

9. Тарасова, Е. А. Наследственный договор – ожидания и реальность… / Е. А. Тарасова // Пермский юридический альманах. – 2020. – № 3. – С. 379–387.

REFERENCES

1. Dzhalilian F.A. *Isklyuchitelnoe pravo avtora proizvedeniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Exclusive Right of the Author of a Work. Cand. jurid. sci. diss.]. Dushanbe, 2015. 177 p.

2. Ivanovsky K. V. Neotchuzhdaemost prav i svobod kak konstitutsionny printsip [Inalienability of Rights and Freedoms as a Constitutional Principle]. *Prava cheloveka: istoriya, teoriya, praktika: sb. nauch. st. XI Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Human Rights: History, Theory, Practice. Collection of Scientific Articles of the 11th All-Russian Scientific and Practical Conference]. Kursk, s.n., 2023. pp. 171-174.

3. Minyaylenko N.N. Printsip neotchuzhdaemosti osnovnykh prav i svobod cheloveka v institute pravovoy zashchity [The Principle of Inalienability of Fundamental Human Rights and Freedoms in the Institute of Legal Protection]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta voysk natsionalnoy gvardii* [Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops], 2018, no. 3, pp. 110-115.

4. Nikogosyan E.B. *Problemy pravovogo regulirovaniya lichnykh neimushchestvennykh prav avtora (sravnitelno-pravovoy analiz): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of Legal Regulation of Author's Personal Non-Property Rights (Comparative Legal Analysis). Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Yerevan, 2016. 22 p.

5. Nikolaeva A.A. *Izobrazhenie grazhdanina: problemy pravovogo regulirovaniya, ispolzovaniya, okhrany i zashchity: dis. ... kand. yurid. nauk* [Image of a Citizen: Problems of Legal Regulation, Use, Protection and Defense. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2014. 221 p.

6. Orlov O.V. *Nematerialnye blaga lits, osuzhdennykh k lisheniyu svobody, i ikh zashchita v grazhdanskom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Non-Material Benefits of Persons Sentenced to Imprisonment and Their Protection in Civil Law. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Krasnodar, 2012. 23 p.

7. Panchenko V.Yu., Pikuleva I.V. K voprosu ob ogranichenii i otchuzhdenii prav cheloveka [On the Issue of Restriction and Alienation of Human Rights]. *Agrarnoe i zemelnoe pravo* [Agrarian and Land Law], 2014, no. 2, p. 150.

8. Saurin A.A. *Pravo sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovye predely realizatsii i ogranicheniya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Property Right in the Russian Federation: Constitutional and Legal Limits of Implementation and Restrictions. Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2014. 400 p.

9. Tarasova E.A. Nasledstvenny dogovor – ozhidaniya i realnost… [Inheritance Contract – Expectations and Reality…]. *Permsky yuridichesky almanakh* [Perm Legal Almanac], 2020, no. 3, pp. 379-387.

Information About the Author

Maxim N. Melnikov, Postgraduate Student, Department of Civil Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, Melnikovmaksim0201@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0009-9449-979X

Информация об авторе

Максим Николаевич Мельников, аспирант кафедры гражданского права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, Melnikovmaksim0201@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0009-9449-979X

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.11

UDC 347.1
LBC 67.404

Submitted: 20.04.2026
Accepted: 01.06.2026

MEETING OF MEMBERS OF A CIVIL-LAW COMMUNITY AS A DECISION-MAKING BODY

Ilya A. Politkin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
Moscow, Russian Federation

Introduction: the Civil Code of the Russian Federation operates with the concept of a "civil-law community" but does not disclose its content and does not define mechanisms for the internal organization of such an association. The legal recognition of the legal force of the decisions of meetings of community members inevitably raises the question of the legal nature of the meeting itself, its role, and its place in the structure of the community. In the absence of legal personality of the latter, it becomes necessary to substantiate the managerial essence of the meeting without coming into conflict with established civil law categories. The **purpose** is to substantiate the possibility and expediency of qualifying the meeting of members of a civil law community as a decision-making body, to identify its functional purpose, and to determine its relationship with traditional institutions of corporate law. **Methods:** the research uses the general scientific methods of analysis, synthesis, induction, and deduction, as well as the comparative-law and systemic methods. **Results:** the paper finds that a civil-law community, despite not having legal personality, nevertheless has internal organization and objectively needs management, which is implemented through the meeting of its members. The meeting performs all key managerial functions; however, in order to avoid contradiction with the legal category of "management body" assigned to legal entities, it is proposed to call it a decision-making body. This term accurately reflects the managerial function of the meeting and does not conflict with the current legislation and doctrine.

Key words: civil-law community, meeting, decision-making body, management, organization, legal personality.

Citation. Politkin I.A. Meeting of Members of a Civil-Law Community as a Decision-Making Body. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 81-88. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.11

УДК 347.1
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 20.04.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

СОБРАНИЕ ЧЛЕНОВ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СООБЩЕСТВА КАК ОРГАН ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Илья Александрович Политкин

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация

Введение: Гражданский кодекс Российской Федерации оперирует понятием «гражданско-правовое сообщество», однако не раскрывает его содержания и не определяет механизмов внутренней организации такого объединения. Легальное признание за решениями собраний членов сообщества юридической силы с неизбежностью ставит вопрос о правовой природе самого собрания, его роли и месте в структуре сообщества. В отсутствие у последнего правосубъектности возникает необходимость обосновать управленческую сущность собрания, не вступая в противоречие с устоявшимися цивилистическими категориями. **Цель** настоящей статьи заключается в необходимости обоснования возможности и целесообразности квалификации собрания членов гражданско-правового сообщества в качестве органа принятия решений, выявлении его функционального назначения и определении соотношения с традиционными институтами корпоративного права. В качестве основных **методов** исследования использовались общенаучные методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, сравнительно-правовой, системный. В **результате** было определено, что гражданско-

© Политкин И.А., 2026

правовое сообщество, не обладая правосубъектностью, тем не менее имеет внутреннюю организованность и объективно нуждается в управлении, которое реализуется через собрание его членов. Собрание выполняет все ключевые управленческие функции, однако во избежание противоречия с легальной категорией «орган управления», закрепленной за юридическими лицами, предлагается именовать его органом принятия решений. Данное понятие точно отражает управленческую функцию собрания и не вступает в конфликт с действующим законодательством и доктриной.

Ключевые слова: гражданско-правовое сообщество, собрание, орган принятия решений, управление, организованность, правосубъектность.

Цитирование. Политкин И. А. Собрание членов гражданско-правового сообщества как орган принятия решений // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 81–88. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.11

Введение

Из положений ст. 181.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) известно, что решения собраний порождают правовые последствия для всех лиц, имевших право принимать участие в данном собрании, а также для иных лиц, если это вытекает из норм закона или существа отношений. В этой же норме законодатель указывает некоторые группы лиц, на которые распространяются положения данной статьи, и отмечает, что подобные множественности следует именовать гражданско-правовыми сообществами.

Хотя понятие «гражданско-правовое сообщество» никак не раскрывается ни в одном нормативном правовом акте, исходя из анализа данной нормы можно сделать вывод, что подобного рода образования могут созывать собрания своих членов для принятия на них юридически значимых решений.

Сравнение гражданско-правового сообщества и юридического лица

Подобного рода вывод наводит на мысль о том, что гражданско-правовые сообщества обладают определенным уровнем организованности своей внутренней структуры. В этой связи имеет место быть сравнение гражданско-правового сообщества и юридического лица. Последнее, как известно, также обладает организованностью. Более того, любое юридическое лицо признается организацией (ст. 48 ГК РФ). Организационная самостоятельность юридического лица вытекает из наличия у него правосубъектности, которая предполагает возможность выступления в гражданском обороте от своего имени, способность приобретать права и нести обязанности, а также самостоятельную ответственность за свои действия.

Гражданско-правовое сообщество правосубъектностью не обладает [10], но отсутствие правосубъектности не является маркером отсутствия организованности. Тем не менее присутствие организованности предполагает наличие системы в структуре исследуемой категории, то есть взаимосвязанность составляющих ее элементов [14]. Данное обстоятельство требует решения вопроса о наличии или отсутствии структурных элементов в гражданско-правовом сообществе. Несмотря на фрагментарное регулирование вопроса функционирования гражданско-правовых сообществ, вышеуказанная ст. 181.1 ГК РФ свидетельствует о том, что в структуру любого гражданско-правового сообщества входят его члены и собрание. Подобная структура прослеживается и у корпоративного юридического лица, которое также имеет членов и орган управления – собрание (ст. 65.3 ГК РФ).

Членство в гражданско-правовом сообществе

Важно отметить, что нахождение в гражданско-правовом сообществе может быть квалифицировано именно как «членство». Хотя ГК РФ не проводит разграничение категорий «участие» и «членство», их сущности качественно отличаются. Членство предполагает участие в формировании воли объединения [6], а значит, требует документального оформления включения лица в его состав. Участие, в свою очередь, предполагает лишь поддержку деятельности объединения или от-

дельных его акций, то есть характеризуется меньшей степенью вовлеченности лица в деятельность объединения [1].

Нахождение в гражданско-правовом сообществе предполагает участие в деятельности собрания и, соответственно, участие в принятии решений, поэтому лиц, находящихся в гражданско-правовом сообществе, следует именовать именно как членов.

Соотношение правовой природы гражданско-правового сообщества и юридического лица

В этой связи некоторые ученые отождествляют гражданско-правовое сообщество и юридическое лицо [2; 12], опираясь в том числе на мнение Верховного суда РФ, который в п. 118 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» указал, что гражданско-правовое сообщество может являться юридическим лицом. Однако подобную позицию нельзя назвать верной хотя бы потому, что в ст. 181.1 ГК РФ законодатель назвал именно участников юридического лица в качестве гражданско-правового сообщества, а не само лицо. Кроме того, наличие правосубъектности у юридического лица качественно отличает его правовое положение от положения гражданско-правового сообщества.

В научной доктрине также имеет место быть дискуссия о соотношении гражданско-правового сообщества с коллегиальным органом управления юридического лица. Некоторые ученые утверждают, что именно коллегиальные органы управления юридических лиц представляют собой гражданско-правовые сообщества в силу того, что они образованы из участников юридического лица [11, с. 654]. Однако органы управления в юридических лицах нельзя назвать организационно самостоятельными, в то время как гражданско-правовое сообщество обладает определенной организованностью, как уже было указано ранее.

Наиболее верным видится соотношение собрания гражданско-правового сообщества с коллегиальными органами управления юридических лиц, которые зачастую также именуются как собрание. Более того, даже если такой орган не имеет наименование «собрание», его сущность раскрывается именно через это понятие, так как функционирование органа предполагает общее собрание членов юридического лица.

Несмотря на разницу в правовом положении, гражданско-правовое сообщество участников юридического лица и само юридическое лицо очевидно взаимосвязаны. Наиболее точно модель взаимосвязанности сообщества и юридического лица можно характеризовать через инструментарный подход к пониманию необходимости образования юридического лица. Его суть заключается в следующем: гражданско-правовое сообщество образуется не потому, что появилось юридическое лицо, а наоборот, юридическое лицо возникает ввиду того, что структурировалось и сформировалось гражданско-правовое сообщество. То есть группа лиц, заимев желание участвовать в гражданском обороте совместно, принимает решение о создании юридического лица, которое выступает своеобразным инструментом для участия данной группы лиц в обороте. Ввиду того, что группа лиц, образовавшая сообщество, не имеет правосубъектности, им необходим «оператор», который будет представлять их частные интересы [3] в гражданских правоотношениях. Таким оператором и будет являться юридическое лицо. Соответственно, гражданско-правовое сообщество в функциональной иерархии будет находиться над юридическим лицом, потому как все основные решения принимаются именно собранием членов сообщества, а после экстраполируются на юридическое лицо как правосубъектный инструмент участия группы лиц в гражданском обороте.

В этой связи становится актуальным вопрос о роли собрания в деятельности гражданско-правового сообщества ввиду того, что именно оно оказывается тем образованием внутри сообщества, которое формирует его волю, заключаемую в решения.

Гражданско-правовое сообщество в отношениях общей собственности и несостоятельности

Следует напомнить, что гражданско-правовое сообщество проявляется не только в корпоративных отношениях. Принимая установленную законодателем идею гражданско-правового сообщества, необходимо отметить,

что участники общей собственности и кредиторы при банкротстве также должны обладать возможностью созывать собрание для принятия юридически значимых решений. Очевидно, что корпоративные отношения качественно отличаются от отношений общей собственности и несостоятельности. Тем не менее общая концепция гражданско-правового сообщества для всех отношений должна быть схожей даже несмотря на то, что положения гл. 9.1 ГК РФ применяются в субсидиарном порядке (ст. 181.1 ГК РФ) [11].

Сособственники в целях владения, пользования и распоряжения общим имуществом, должны принимать общие решения в отношении данного имущества. Не вдаваясь в подробности взаимодействия сособственников, следует лишь заметить, что в гл. 16 ГК РФ законодатель указал, что участники права общей собственности на имущество владеют, пользуются и распоряжаются им «по соглашению» и «сообща». Подобные формулировки, очевидно, далеки от тех, которые установлены в гл. 9.1 ГК РФ. Представляется, что такие трактовки являются недостаточно корректной интерпретацией идеи гражданско-правового сообщества для отдельного вида отношений. Тем не менее очевидно, что сособственники при решении вопросов, связанных с общим имуществом, должны созывать общее собрание, что иногда отражается в специальном законодательстве (например, в ст. 44 ЖК РФ), однако в общем массиве законодательного регулирования отношений общей собственности не имеет системного характера.

Кредиторы в отношениях несостоятельности также могут созывать собрание для решения определенных вопросов, установленных ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Такая возможность напрямую установлена ст. 12 ФЗ вышеуказанного нормативного правового акта. Однако специфика процедуры несостоятельности требует особого внимания к гражданско-правовому сообществу кредиторов.

Представляется, что сообщество кредиторов может существовать исключительно в рамках процедуры банкротства, что вполне логично, потому как кредитор становится кредитором именно в рамках данной процедуры [5]. Однако главная причина состоятельности позиции о процедурном характере гражданско-правового сообщества кредиторов заключается в том, что момент его образования и окончания существования может возникнуть исключительно в рамках процедуры банкротства.

Если с моментом окончания существования сообщества кредиторов все понятно – сообщество прекращает существование тогда, когда отпадает необходимость совершать совместные действия для достижения общей цели, то есть тогда, когда требования кредиторов выполнены – то момент возникновения такого сообщества требует дополнительного анализа. Чтобы сообщество образовалось, необходимо, чтобы группа лиц объединилась и структуризировалась как обособленная единица. Представляется, что таким моментом следует считать закрытие реестра требований кредиторов. Так как данный реестр является «хранилищем» сведений о каждом кредиторе и его требованиях (ч. 7 ст. 16 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), нахождение в реестре объединяет требования кредиторов, легализует их правовую связь с должником и конкурсной массой. Момент закрытия реестра оформляет окончательный состав сообщества и становится отправной точкой его дальнейшего функционирования.

Тем не менее не каждый кредитор, попавший в реестр, становится членом соответствующего гражданско-правового сообщества. В ст. 12 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» указывается, что с правом голоса на собрании могут принимать участие исключительно конкурсные кредиторы и уполномоченные органы. Учитывая вышесказанное, следует заключить, что именно данные категории лиц могут быть признаны полноценными членами гражданско-правового сообщества кредиторов.

Остальные кредиторы, попавшие в реестр, но не ставшие членами гражданско-правового сообщества, не являются таковыми потому, что законодатель при определении очередности удовлетворения требований поставил их выше, а значит их требования будут удовлетворены раньше. И действительно, ст. 134 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» указывает, что требования конкурсных кредиторов и уполномоченных органов удовлетворяются в пос-

леднюю очередь. Данное обстоятельство позволяет сделать следующий вывод: законодатель сознательно наделил данные группы кредиторов дополнительной «защитной оболочкой» в виде гражданско-правового сообщества, так как указанные категории лиц в рамках процедуры несостоятельности являются самыми «незащищенными», их шанс не получить ничего является самым высоким.

В этой связи становится понятна логика законодателя, который наделил определенную группу лиц возможностью принимать решения, обязательные для всех участников процедуры банкротства. Этим выводом закрывается «кадровый вопрос» собрания гражданско-правового сообщества кредиторов и становится понятна его роль в данном объединении.

Собрание как орган гражданско-правового сообщества, осуществляющий управленческие функции

Анализ установленных законодателем в качестве гражданско-правовых сообществ групп лиц позволяет сделать вывод о том, что собрание во всех случаях проявления гражданско-правового сообщества является порождаемым этим сообществом органом, который и реализует в действительности все задачи, для которых гражданско-правовое сообщество создавалось. То есть, по сути, собрание в гражданско-правовом сообществе выполняет управленческие функции.

Ранее уже было установлено, что гражданско-правовое сообщество имеет определенную степень организованности, хотя и не такую высокую, как в юридическом лице. С.Д. Могилевский отмечает, что «там, где есть управление, всегда имеется ввиду организация» [8]. Подобной позиции придерживается Ю.С. Поваров, который утверждает, что «непреложным компонентом всякой организованной системы... обеспечивающим ее стабильность и целенаправленное развитие, является управление» [9]. В приведенных суждениях четко раскрывается подлинная сущность управления, которое возможно лишь в пространстве порядка, структурированности и целесообразности, где действие каждого элемента подчинено логике целого. Следует заметить, что приведенные рассуждения можно развернуть и в обратном направлении: если там, где есть управление, всегда подразумевается организация, то и любая организованная сущность не может существовать без управления.

Данный вывод подтверждает тезис о том, что гражданско-правовое сообщество как системное, структурированное, организованное объединение должно быть управляемо. Представляется, что управление гражданско-правовым сообществом происходит именно через собрание.

Однако собрание в гражданско-правовом сообществе нельзя в полной мере назвать органом управления по аналогии с юридическим лицом. Сама категория «орган управления» в гражданском праве применима исключительно к органам юридических лиц. Данная позиция поддерживается в научной доктрине. В.К. Михайлов подчеркивает, что орган должен относиться к той или иной организации, а его формирование необходимо для реализации правосубъектности этой организации [7]. И действительно, юридическое лицо через действия своих органов реализует правосубъектность (ст. 53 ГК РФ). Однако отсутствие правосубъектности, как было указано ранее, вовсе не свидетельствует об отсутствии организации. Организованная система может существовать и без формальных конструкций, а значит, она объективно нуждается во внутреннем саморегулировании, согласовании воль, распределении функций и поддержании порядка.

Все указанные нужды в гражданско-правовом сообществе покрываются посредством принятия решений на собрании. Именно так рождаются правила, обязательные для исполнения всеми членами сообщества. Такие решения подлежат документальному оформлению и по своей природе являются локальными актами, действие которых распространяется на строго определенный круг лиц.

Разумеется, данные акты нельзя отождествлять с законами или иными нормативными правовыми актами, которые обладают общеобязательной силой – им не присуще свойство нормативности в публично-правовом смысле. Они являются своего рода «микронормами», которые регулируют определенные отношения между определенным кругом лиц [4].

Тем не менее гражданское право, будучи частным правом, предоставляет участникам правоотношений широкую автономию в саморегулировании. Законодатель позволяет участникам гражданско-правовых отношений самостоятельно устанавливать правила взаимного поведения посредством частно-правовых актов.

В этой связи заслуживает внимания позиция Л.А. Чеговадзе, которая, исследуя правовую природу договора, предлагает именовать его нормоустановительным актом [13]. Данная характеристика удачно охватывает их двойственную природу: с одной стороны, они не являются нормативными правовыми актами в строгом смысле слова, с другой – они действительно устанавливают обязательные правила поведения для определенного круга лиц. Представляется, что нормоустановительными можно назвать и решения собраний в гражданско-правовых сообществах. В этой связи решения собраний можно характеризовать в качестве локальных нормоустановительных актов гражданско-правового сообщества, которые, не поднимаясь до уровня закона, тем не менее создают внутренний порядок сообщества, обеспечивая его организованность.

Выводы

Из всего вышеизложенного следует, что собрание в гражданско-правовом сообществе является тем ключевым узлом управления, который реально осуществляет управленческие функции в рамках сообщества. Именно собрание принимает обязательные для всех членов сообщества решения, посредством которых происходит координация действий, разрешаются противоречия и поддерживается целенаправленное развитие организованной системы.

Вместе с тем, чтобы не вступать в противоречие с действующим законодательством и научной доктриной, где категория «орган управления» прочно привязана к юридическим лицам, представляется целесообразным и концептуально правильным именовать собрание в гражданско-правовом сообществе не органом управления, а органом принятия решений.

Подобное наименование, во-первых, недвусмысленно свидетельствует о том, что собрание является структурным органом гражданско-правового сообщества. Во-вторых, оно расставляет акценты именно на управленческой природе деятельности собрания, поскольку принятие решений является главной задачей собрания, для которой оно и образуется. В-третьих, подобный подход не отождествляет собрание гражданско-правового сообщества с легальной категорией «орган управления», которая применяется исключительно к юридическим лицам и тем самым позволяет корректно описывать реалии управления в гражданско-правовых сообществах, не нарушая при этом границ установленных законом категорий. Таким образом, понятие «орган принятия решений» становится той самой точно сформулированной категорией, которая фиксирует управленческую сущность собрания и не вступает в конфликт с буквой и духом закона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аюшеева, И. З. Гражданско-правовой статус общественных движений / И. З. Аюшеева // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, № 9 (154). – С. 95–102.

2. Груздев, В. В. Акты автономного гражданско-правового регулирования / В. В. Груздев // Юрист. – 2017. – № 22. – С. 4–8.

3. Дерюгина, Т. В. Применение категории «публичный интерес» в регулировании частноправовых отношений / Т. В. Дерюгина, Н. В. Квициния // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 79–87. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.11

4. Кашанина, Т. В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере / Т. В. Кашанина // Государство и право. – 1992. – № 1. – С. 125–128.

5. Кондэ, П. В. Особенности правового статуса конкурсных кредиторов при проведении процедуры конкурсного производства / П. В. Кондэ, К. Б. Кораев, А. Б. Хвостов // Ленинградский юридический журнал. – 2019. – № 2 (56). – С. 85–90.

6. Крашенинников, Е. А. Право членства / Е. А. Крашенинников, Ю. В. Байгушева // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 12. – С. 71–77.

7. Михайлов, В. К. Статус общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме в свете решений Конституционного Суда РФ / В. К. Михайлов // Жилищное право. – 2009. – № 9. – С. 39–48.

8. Могилевский, С. Д. Органы управления хозяйственными обществами: Правовой аспект : монография / С. Д. Могилевский. – М., 2001. – 358 с.

9. Поваров, Ю. С. Товарищество собственников жилья (ТСЖ) как способ управления многоквартирным домом / Ю. С. Поваров. – М., 2017. – 152 с.

10. Политкин, И. А. К вопросу о правосубъектности гражданско-правового сообщества / И. А. Политкин // Цивилист. – 2024. – № 4 (50). – С. 38–43.

11. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М., 2018. – 942 с.

12. Филиппова, С. Ю. Гражданско-правовое сообщество: понятие, структура, виды, динамика правовой связи (опыт инструментального исследования) / С. Ю. Филиппова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2014. – № 6 (317). – С. 128–142.

13. Чеговадзе, Л. А. Договор как нормоустановительный источник частного права / Л. А. Чеговадзе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – Вып. 2 (60). – С. 330–348.

14. Чеговадзе, Л. А. Система и состояние гражданского правоотношения : дис. ... д-ра юрид. наук / Чеговадзе Людмила Алексеевна. – М., 2005. – 585 с.

REFERENCES

1. Ayusheeva I.Z. Grazhdansko-pravovoy status obshchestvennykh dvizheniy [Civil Law Status of Public Movements]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2023, vol. 18, no. 9 (154), pp. 95-102.

2. Gruzdev V.V. Akty avtonomnogo grazhdansko-pravovogo regulirovaniya [Acts of Autonomous Civil Law Regulation]. *Yurist* [Lawyer], 2017, no. 22, pp. 4-8.

3. Deryugina T.V., Kvitsinia N.V. Primeneniye kategorii «publichnyy interes» v regulirovanii chastnopravovykh otnosheniy [The Application of the Category "Public Interest" in the Regulation of Private Law Relations]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 3, pp. 79-87. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.11

4. Kashanina T.V. Individualnoe regulirovanie v pravovoy sfere [Individual Regulation in the Legal Sphere]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 1992, no. 1, pp. 125-128.

5. Konde P.V., Koraev K.B., Khvostov A.B. Osobennosti pravovogo statusa konkursnykh kreditorov pri provedenii protsedury konkursnogo proizvodstva [Features of the Legal Status of Bankruptcy Creditors in the Bankruptcy Proceedings]. *Leningradsky yuridichesky zhurnal* [Leningrad Legal Journal], 2019, no. 2 (56), pp. 85-90.

6. Krasheninnikov E.A., Baygusheva Yu.V. Pravo chlenstva [The Right of Membership]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 2013, no. 12, pp. 71-77.

7. Mikhaylov V.K. Status obshchego sobraniya sobstvennikov pomeshcheniy v mnogokvartirnom dome v svete resheniy Konstitutsionnogo Suda RF [The Status of the General Meeting of Premises Owners in an Apartment Building in the Light of the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhilishchnoe pravo* [Housing Law], 2009, no. 9, pp. 39-48.

8. Mogilevsky S.D. *Organy upravleniya khozyaystvennymi obshchestvami: Pravovoy aspekt: monografiya* [Management Bodies of Business Companies: Legal Aspect. Monograph]. Moscow, 2001. 358 p.

9. Povarov Yu.S. *Tovarishchestvo sobstvennikov zhil'ya (TSZh) kak sposob upravleniya mnogokvartirnym* domom [Homeowners' Association as a Way to Manage an Apartment Building]. Moscow, 2017. 152 p.

10. Politkin I.A. K voprosu o pravosubektnosti grazhdansko-pravovogo soobshchestva [On the Issue of Legal Personality of a Civil Law Community]. *Civilist*, 2024, no. 4 (50), pp. 38-43.

11. Karapetov A.G., ed. *Sdelki, predstavitelstvo, iskovaya davnost: postateynyy kommentariy k statyam 153–208 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Transactions, Representation, Limitation of Actions: Article-by-Article Commentary to Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, 2018. 942 p.

12. Filippova S.Yu. Grazhdansko-pravovoe soobshchestvo: ponyatie, struktura, vidy, dinamika pravovoy svyazi (opyt instrumentalnogo issledovaniya) [Civil Law Community: Concept, Structure, Types, Dynamics of Legal Connection (An Instrumental Study)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 2014, no. 6 (317), pp. 128-142.

13. Chegovadze L.A. Dogovor kak normoustanovitelnyy istochnik chastnogo prava [Contract as a Norm Establishing Source of Private Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences], 2023, iss. 2 (60), pp. 330-348.

14. Chegovadze L.A. *Sistema i sostoyanie grazhdanskogo pravootnosheniya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [System and State of Civil Legal Relationship. Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2005. 585 p.

Information About the Author

Ilya A. Politkin, Adjunct, Faculty for Training of Research and Teaching Staff, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Akademika Volgina St, 12, 117437 Moscow, Russian Federation, ilya.politkin@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0000-1737-0137

Информация об авторе

Илья Александрович Политкин, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, ул. Академика Волгина, 12, 117437 г. Москва, Российская Федерация, ilya.politkin@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0000-1737-0137

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.12

UDC 343.13:355.469.34
LBC 67.410.212

Submitted: 25.03.2026
Accepted: 01.06.2026

ON THE USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES IN THE CONDUCT OF THE OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY "OBSERVATION"

Vladimir B. Batoev

Special Equipment and Telecoms of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

Introduction: in the context of total digitalization of virtually all spheres of social processes, the use of modern systems and means of unmanned aviation opens up new horizons in the activities of subjects of operational-search activity. It has become possible to increase the level of information support for law enforcement agencies in solving crime control tasks through the use of unmanned aerial vehicles in the conduct of the operational search activity "Observation." **Purpose:** to analyze the possibilities and limitations of using unmanned aerial vehicles in operational search activities and to substantiate the directions for improving the statutory regulation, technical equipment, and training of personnel for their use. To achieve the stated goals, the tasks are solved by sequentially examining theoretical approaches to improving information support for operational search activities through the use of modern information technologies, analyzing the current regulatory and law enforcement framework, summarizing advanced foreign experience, and formulating proposals for improving the process of applying technical solutions in operational-search theory and practice. **Methods:** the research employs the dialectical, comparative law and logical methods of cognition, as well as the formal-legal method. **Results:** the paper studies the organizational and legal foundations of the use of UAVs in operational search activities; examines the procedure for judicial and departmental authorization of flights for the purpose of conducting operational search activities; studies the specifics of recording operationally significant data obtained and their further use in criminal proceedings; and carries out the monitoring of foreign experience in order to identify best practices for the subsequent formation of a balanced domestic approach to resolving issues of using unmanned aerial vehicles in solving operational-search tasks, taking into account positive and negative factors. **Conclusion:** the paper substantiates the necessity of developing special regulatory measures for this sphere of public relations.

Key words: operational investigative activities, operational investigative measures, surveillance, unmanned aerial vehicle, foreign experience.

Citation. Batoev V.B. On the Use of Unmanned Aerial Vehicles in the Conduct of the Operational-Search Activity "Observation". *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 89-100. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.12

© Батоев В.Б., 2026

УДК 343.13:355.469.34
ББК 67.410.212

Дата поступления статьи: 25.03.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «НАБЛЮДЕНИЕ»

Владимир Батоевич Батоев

Научно-производственное объединение «Специальная техника и связь»
Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в условиях тотальной цифровизации практически всех сфер организации общественных процессов использование современных систем и средств беспилотной авиации открывает новые горизонты в деятельности субъектов оперативно-разыскной деятельности. Появилась возможность повышения уровня информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов при решении задач борьбы с преступностью посредством применения беспилотных летательных аппаратов при осуществлении оперативно-разыскного мероприятия «Наблюдение». **Цель:** проанализировать возможности и ограничения использования беспилотных летательных аппаратов в оперативно-разыскной деятельности и обосновать направления совершенствования нормативного регулирования, технического оснащения и подготовки сотрудников по их применению. Для достижения поставленных целей решены соответствующие **задачи:** последовательно рассмотрены теоретические подходы в деле совершенствования информационного обеспечения оперативно-разыскной деятельности с помощью применения современных информационных технологий, проанализирована действующая нормативная и правоприменительная база, обобщен передовой зарубежный опыт, а также сформулированы предложения по совершенствованию процесса применения технических решений в оперативно-разыскной теории и практике. **Методология:** диалектический, сравнительно-правовой и логический методы познания, формально-юридический метода. **Результат:** изучены организационно-правовые основы применения БПЛА в оперативно-разыскной деятельности, рассмотрена процедура судебного и ведомственного санкционирования полетов в целях проведения оперативно-разыскных мероприятий, изучены особенности фиксации полученных оперативно значимых данных и их дальнейшего использования в уголовном процессе; осуществлен мониторинг зарубежного опыта в целях выявления передовых практик для последующего формирования отечественного сбалансированного подхода в решении вопросов использования беспилотных летательных аппаратов при решении оперативно-разыскных задач с учетом положительных и отрицательных факторов. **Вывод:** обоснована необходимость разработки мер специального нормативного регулирования указанной сферы общественных отношений.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскное мероприятие, наблюдение, беспилотный летательный аппарат, зарубежный опыт.

Цитирование. Батоев В. Б. Об использовании беспилотных летательных аппаратов при проведении оперативно-разыскного мероприятия «Наблюдение» // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 89–100. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.12

Введение

В современных условиях цифровизации практически всех сфер организации общественных процессов технологический прогресс коренным образом трансформирует используемый правоохранительными органами инструментарий. К числу технических инноваций следует отнести беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА), ставшие доступными для широкого круга пользователей. БПЛА обладают свойствами, благодаря которым востребованность в их использовании при решении оперативно-разыскных задач будет исключительно нарастать, что обозначено в основных руководящих документах государства [1]. К числу таких свойств следует отнести следующее: мобильность применения; способность к использованию при организации и проведении законспирированных мероприятий; возможность осуществления видеонаблюдения в труднодоступных районах без непосредственного присутствия сотрудников оперативных подразделений и др. Иными словами, правоохранительная деятельность в целом адаптируется к

высокотехнологичным условиям обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств [3, с. 26; 13, с. 38–39].

Вместе с тем, несмотря на явную эффективность и пользу, практика применения БПЛА в оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) сталкивается с фактами системной правовой неопределенности [6, с. 305–306; 12, с. 324–326]. В том числе суть такой неурегулированности заключается в том, что ни нормы Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»), ни положения Воздушного кодекса Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ не содержат упоминания о каком-либо специальном регулировании, учитывающего специфику использования БПЛА при осуществлении оперативно-разыскного мероприятия (далее – ОРМ) «Наблюдение». Отсюда подобная неопределенность создает причины для возникновения проблем для субъектов ОРД, как на стадии санкционирования соответствующих полетов, так и на стадии процессуальной легализации полученных результатов [7, с. 44; 9, с. 39–40; 11, с. 53–55].

Как следствие, в теории и практике назрела потребность разрешения проблемных вопросов посредством проведения научных исследований, комплексного анализа действующих норм законодательства, изучения зарубежного опыта и выявления передовых практик в целях формирования системных представлений об институте использования БПЛА при проведении ОРМ.

Соотношение ОРМ «Наблюдение» с функционалом БПЛА: организационные и тактические преимущества

Суть «Наблюдения» как оперативно-разыскного мероприятия заключается в преднамеренном, систематическом и непосредственном восприятии сотрудником оперативного подразделения, в том числе с применением технических средств, действий, поведения и связей объектов оперативной заинтересованности. Важно отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих определений [2] квалифицировал наблюдение как визуальное, электронное или комплексное слежение и контроль за поведением (действиями) лица, направленные на получение информации о признаках его преступной деятельности.

В оперативно-разыскной доктрине принято выделять три разновидности наблюдения, каждая из которых имеет самостоятельное правовое значение:

– физическое (визуальное) наблюдение, осуществляемое лично сотрудниками оперативных подразделений без использования специальных технических устройств и средств;

– электронное наблюдение, осуществляемое с применением технических средств аудио-, фото- и видеофиксации;

– комплексное наблюдение, сочетающее физическое и электронное наблюдение.

Значение использования БПЛА в вопросах организации и проведения ОРМ «Наблюдение» следует рассматривать сквозь призму его применения в качестве технического средства обеспечения эффективности проведения электронного наблюдения, иными словами в качестве носителя фото- и видеоаппаратуры, что собственно не позволяет обозначить его как самостоятельный вид ОРМ.

При этом функционал БПЛА обеспечивает решение оперативно-разыскных задач на качественно ином уровне. В настоящее время технический прогресс способен обеспечить расширения перечня оперативно-разыскного инструментария, и соответственно спектра оперативно-разыскных возможностей в сравнении с используемыми наземными средствами фотовидеофиксации. Особое значение применение БПЛА в рамках проведения электронного наблюдения приобретает на фоне развития технологий искусственного интеллекта, больших данных, компьютерного зрения, биометрического распознавания и др.

Безусловно, неоспоримый положительный потенциал применения БПЛА при осуществлении ОРМ «Наблюдение» обладает и тактическими преимуществами, такими как: обеспечение сотрудников оперативных подразделений возможностью получать информацию об объекте приложения усилий в режиме реального времени в условиях нахождения на значительном удалении от наблюдаемого объекта; маневренность и широкий ох-

ват фото- и видеокомпозиции; сведение к минимуму возможности деконспирации субъекта наблюдения; возможность применения БПЛА в труднодоступных, удаленных или опасных для физического присутствия сотрудников оперативных подразделений местах; оснащение БПЛА тепловизорными камерами, обеспечивающими возможность ведения наблюдения в условиях ночного времени и др.

Проблематика правового регулирования использования БПЛА в оперативно-разыскной деятельности

Изучение положений действующего законодательства указывает на отсутствие специального нормативного акта, регулирующего использование БПЛА в рамках какого-либо оперативно-разыскного мероприятия.

Практика показывает, что правовую основу в этой сфере формирует система актов нескольких уровней, к числу которых следует отнести:

1. Оперативно-разыскное законодательство. Положениями ст. 6 ФЗ «Об ОРД» предусмотрено право субъектов ОРД использовать «технические и иные средства» при осуществлении ОРМ при условии, что это их применение не наносит ущерба жизни и здоровью людей, не причиняет вреда окружающей среде. Вместе с тем в нормах ст. 13 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» предусмотрено право полиции использовать беспилотные аппараты, видео- и аудиотехнику, кино- и фотоаппаратуру, а также другие технические и специальные средства, не причиняющие вреда жизни и здоровью граждан, а также окружающей среде.

2. Воздушное законодательство. В положениях Воздушного кодекса РФ БПЛА квалифицируются как воздушные суда, и на их использование соответственно распространяются требования воздушного права. При этом Федеральными правилами использования воздушного пространства, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 11.03.2010 № 138, установлен разрешительный порядок использования воздушного пространства беспилотными воздушными судами независимо от класса воздушного пространства. Фактически это означает, что любой полет БПЛА, в том числе в оперативно-разыскных целях, требует соответствующего разрешения от органов единой системы организации воздушного движения (ФГУП «Госкорпорация по ОрВД»).

3. Ведомственные нормативные акты. Приказом МВД России от 16 ноября 2023 г. № 865 утвержден Порядок принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве, в том числе при проведении оперативно-разыскных мероприятий. Несмотря на то что данный нормативный акт направлен в основном на решение вопросов борьбы с несанкционированными полетами БПЛА над местами проведения ОРМ, вместо вопросов правового регулирования применения БПЛА субъектами ОРД, его положения косвенно указывают на актуальность и значимость использования БПЛА в ходе решения оперативно-разыскных задач. Аналогичный подход прослеживается в Порядке принятия решения о пресечении нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве в целях обеспечения проведения неотложных следственных действий, оперативно-разыскных и антитеррористических мероприятий, утвержденных Приказом ФСБ России от 25.06.2020 № 251.

Обращает на себя внимание подход Правительства РФ [3], по решению которого с 1 марта 2025 г. вступило в законную силу требование об обязательной установке систем удаленной идентификации для всех БПЛА с максимальной взлетной массой от 250 г до 30 кг. Помимо этого, введена обязанность передавать в режиме реального времени идентификационные данные, координаты, высоту и маршрут полета. С точки зрения обеспечения мер конспирации при проведении оперативно-разыскных мероприятий подобное нововведение непосредственно затрагивает вопросы конфиденциальности. Иными словами, в обычном режиме применение системы удаленной идентификации БПЛА при проведении негласного ОРМ «Наблюдение», в том числе передача данных о маршруте полета БПЛА как минимум раскрывает сам факт использования БПЛА. Как показывает практика, порядок предоставления исключений из этого требования для субъектов ОРД в настоящее время в правовом плане не урегулирован.

Существенная часть сложностей правового характера напрямую связана с вопросом относительно того, следует ли признавать БПЛА, принадлежащее субъектам ОРД, гражданским или государственным воздушным судном.

В данном случае положения ст. 33 Воздушного кодекса РФ устанавливают упрощенный режим для государственных воздушных судов, в том числе в части регистрации. Речь идет о том, что БПЛА с максимальной взлетной массой до 30 кг не подлежат государственной регистрации – федеральное агентство воздушного транспорта должно осуществлять их государственный учет.

Вместе с тем ни положения Воздушного кодекса РФ, ни нормы действующего ФЗ «Об ОРД» не содержат каких-либо правил, аналогичных положениям о государственной авиации в части освобождения БПЛА субъектов ОРД от разрешительного порядка использования воздушного пространства. Подобная ситуация совершенно очевидно вызывает ряд затруднений у субъектов ОРД при решении задач борьбы с преступностью, в частности в вопросах оперативности реагирования, своевременности и др. Сложившаяся ситуация сигнализирует о необходимости ее разрешения в ближайшей перспективе.

Одновременно с этим одним из основных дискуссионных вопросов является необходимость получения судебного решения для использования БПЛА при проведении ОРМ «Наблюдение». Речь идет о том, что в соответствии с ч. 2 ст. 8 ФЗ «Об ОРД» наличие судебного решения обязательно для ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, и на неприкосновенность жилища. Казалось бы, ОРМ «Наблюдение» в традиционном исполнении подразумевает осуществление физического наблюдения на открытой местности и организация его проведения не относилась ОРМ, требующим получения судебного решения.

Однако в условиях научно-технического прогресса применение БПЛА в корне изменило организационно-тактические и правовые основы подготовки и проведения ОРМ «Наблюдение». Это обусловлено следующими обстоятельствами: БПЛА способен фиксировать происходящие события, факты и явления в пространствах, где человек сохраняет разумные ожидания неприкосновенности частной жизни (частное подворье, огороженная территория загородного дома и др.); возможность осуществления продолжительного по времени воздушного наблюдения с применением БПЛА обеспечивают накопление «мозаики» данных либо паттернов поведения человека, способных раскрыть уклад частной жизни в большем объеме, чем через осуществление разового наблюдения с применением БПЛА. По этим основаниям в доктрине все настойчивее высказывается позиция о том, что применение БПЛА для наблюдения в жилом секторе или за огороженными территориями требует судебного разрешения как ОРМ, ограничивающего конституционное право на неприкосновенность частной жизни [1, с. 371–373; 4, с. 76–77; 8, с. 65–67; 10, с. 99].

Одновременно с этим в оперативно-разыскной теории и практике остается не до конца разрешенным вопрос ведомственного согласования полетов БПЛА с органами управления воздушным движением. В п. 52 Федеральных правил использования воздушного пространства отмечены требования о необходимости подачи плана полета и получения разрешения на использование воздушного пространства для любого типа БПЛА независимо от его масштаба и принадлежности. Исполнение подобного требования в рамках проведения негласного ОРМ «Наблюдение» в стандартном режиме представляется невозможным, поскольку подача плана полета в открытом формате деконспирирует замысел мероприятия. С учетом этого приходится констатировать, что в положениях ФЗ «Об ОРД», а также нормах воздушного законодательства РФ фактически не урегулированы вопросы обеспечения соответствующей конфиденциальности самой процедуре согласования полетов БПЛА в оперативно-разыскных целях. Отсюда напрашивается вывод о необходимости разрешения такой неблагоприятной для оперативно-разыскной практики ситуации.

Отдельно обращают на себя внимание положения Указа Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской

Федерации от 19 октября 2022 г. № 756». В соответствии с ним в ряде субъектов РФ в условиях действия режима базовой готовности введены ограничения на осуществление полетов БПЛА. Применение оперативными подразделениями БПЛА в таких субъектах РФ требует специального согласования с региональными оперативными штабами, что дополнительно усложняет практику использования БПЛА при проведении ОРМ. Одновременно с этим нарушение порядка использования воздушного пространства РФ влечет соответствующую административную ответственность (ч. 1 ст. 11.4 КоАП РФ). Очевидно, что такая ответственность не может быть применена к специальным субъектам – правоохранительным органам, которые выполняют возложенные на них обязанности в пределах своих полномочий. Однако при этом неразрешенность ситуации дополнительно подчеркивает системный характер сложившейся правовой неопределенности.

Важно рассмотреть вопросы допустимости доказательств, полученных с применением БПЛА, и в целом аспектов процессуальной легализации результатов проведения ОРМ «Наблюдение» с использованием БПЛА.

В соответствии с нормами оперативно-разыскного закона результаты ОРМ, включая наблюдение с использованием БПЛА, могут быть введены в уголовный процесс посредством механизма, закрепленного в ст. 11 действующего ФЗ «Об ОРД». Вместе с тем в ст. 89 УПК РФ отмечено, что результаты ОРД не являются доказательствами сами по себе и они могут быть использованы в доказывании по уголовным делам в случаях их соответствия требованиям, предъявляемым к доказательствам.

По общим правилам для введения результатов, полученных при проведении ОРМ «Наблюдение» с использованием БПЛА, в уголовный процесс необходимо соблюдение следующих условий: правомерность проведения ОРМ; документальное оформление результатов ОРМ; надлежащая передача результатов ОРМ; официальное введение в дело.

Отдельно следует обратить внимание и на наличие специфических проблем относительно соответствия результатов проведенного исследования с использованием БПЛА ОРМ «Наблюдение» требованиям закона по источнику, субъекту и процедуре собирания – допустимости.

Речь идет о том, что применение БПЛА при проведении ОРМ «Наблюдение» создает предпосылки для появления специфических вопросов, которые не урегулированы действующим законодательством. К их числу следует отнести:

– аутентичность видеозаписи. Здесь суды вправе поставить под сомнение вопрос неизменности видеоматериала, полученного с применением БПЛА, так как это прямо обусловлено наличием современных технических возможностей по его постредактированию. Действующее законодательство не предусматривает обязательности в вопросах обеспечения криптографической сертификации фото- и видеозаписей, получаемых в результате проведения ОРМ «Наблюдение» с применением БПЛА;

– данные о полете, когда сам факт нахождения БПЛА в определенном месте в определенное время, зафиксированный системой удаленной идентификации, может служить средством верификации полученной в результате проведения ОРМ видеозаписи. В данном случае зарубежная практика показывает, что подобные сведения не включаются в состав передаваемых результатов ОРД в каком-либо нормативно установленном порядке;

– метаданные геолокации, где любая видеозапись, полученная с применением БПЛА, как правило, содержит встроенные данные о координатах и высоте полета. Отсюда фактическое отсутствие правового регулирования в этом вопросе и соответственно неурегулированность статуса таких метаданных в системе уголовно-процессуального доказывания дополнительно создает ситуацию неопределенности в части определения степени их самостоятельного доказательственного значения.

Передовая зарубежная практика как основа формирования сбалансированного подхода

По этому поводу обращают на себя внимание передовые зарубежные практики, положительный и отрицательный опыт которых нельзя не принимать во внимание [2; 5; и др.].

Так, вызывает интерес судебная практика США, где действует Четвертая поправка к Конституции США. Исторически доктрина в отношении воздушного наблюдения формировалась в США с 1980-х гг. изначально в своих решениях Верховный суд США [4] пришел к выводу, что наблюдение с воздуха из навигационного пространства в принципе не нарушает положения Четвертой поправки к Конституции США. Такая позиция обосновывалась тем, что гражданин не вправе рассчитывать на конфиденциальность того, что видно с высоты правомерного полета. Тем не менее в связи с развитием информационных технологий в целом более поздние решения [5] внесли существенные коррективы, согласно которым применение технических устройств, позволяющих «заглянуть» туда, куда не проникает невооруженный взгляд, признается «обыском» по смыслу Четвертой поправки к Конституции США и требует наличия соответствующего ордера.

Такой же подход прослеживается и у апелляционного суда штата Мичиган, который в одном из своих решений [6] отметил, что применение БПЛА для осуществления слежения за частной собственностью без соответствующего на то ордера прямо нарушает нормы Четвертой поправки к Конституции США, поскольку граждане сохраняют «разумное ожидание приватности» в отношении своего имущества применительно к беспилотному наблюдению.

Логика судов здесь заключается в том, что в отличие от периодического полета обычного воздушного судна БПЛА способен продолжительное время зависать и осуществлять наблюдение за объектом. Это в их понимании и порождает качественно иное по своей интенсивности осуществление фактической «слежки». Как следствие, большая часть штатов разработала и приняла соответствующее специальное законодательство о полицейских БПЛА, в соответствии с которым требуется получение ордера для использования БПЛА в правоохранительных целях. Это свидетельствует о том, что такая модель постепенно движется к обязательности судебного санкционирования применения БПЛА в правоохранительных целях.

В продолжение темы рассмотрим опыт Франции, который демонстрирует исторически последовательное нормативное становление режима использования полицейских БПЛА. В соответствующих нормах законодательства [7] прямо закреплено право полиции, жандармерии, военнослужащих и таможенных органов применять БПЛА с камерами видеонаблюдения, а также порядок реализации этого права. Разработанная во Франции правовая основа обеспечивает надлежащую защиту персональных данных и неприкосновенность частной жизни, посредством соблюдения следующих основных гарантий: исчерпывающий перечень целей применения БПЛА (предотвращение атак, охрана публичных мероприятий, поддержание общественного порядка, борьба с терроризмом, пограничный контроль, спасательные операции); разрешительный порядок на уровне префекта; условие субсидиарности, когда применение возможно лишь при отсутствии иных, менее ограничительных средств; запрет на захват звука и автоматическое распознавание лиц; ограниченные сроки хранения записей; соразмерность применения по времени и пространству.

С учетом изложенного, а как показывает практика, французская модель является одним из наиболее разработанных в странах Европы правовых режимов применения полицейских БПЛА, что предписывает более детальное его изучение в целях перенятия передовых практик в части правового регулирования использования БПЛА в ходе осуществления ОРД в частности и противодействия преступности в целом.

В Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии использование БПЛА полицией регулируется в рамках общего законодательства [8]. Отличительной особенностью британской модели принято считать акцент не на детализированном законодательном регулировании, а на системе профессиональных стандартов, принципа соразмерности и независимого надзора в сочетании с положениями прецедентного права, корректирующего правоприменительную практику.

В Китайской Народной Республике полицейские подразделения должны соблюдать те же правила регистрации, лицензирования и эксплуатационных ограничений, что и гражданские операторы [9]. Здесь интересен опыт правового регулирования использования БПЛА для фиксации нарушений правил

дорожного движения и сбора доказательств. Вместе с тем при необходимости выполнения специальных задач в виде проведения скрытого наблюдения, осуществления работы в контролируемом воздушном пространстве полиция обязана получать отдельное разрешение от администрации гражданской авиации Китайской Народной Республики или местных органов управления воздушным движением, а также обеспечивать соответствие требованиям по защите персональных данных.

Важно отметить проблемные вопросы, возникающие при соотношении проведения ОРМ «Наблюдение» с применением БПЛА с соблюдением требований режима воздушного пространства. Здесь налицо конфликт интересов авиационной безопасности и ОРД. В данном случае применение БПЛА подразумевает обеспечение конфиденциальности факта негласного проведения ОРМ с одной стороны и необходимость соблюдения требований воздушного законодательства РФ в части раскрытия сведений о полете в системе организации воздушного движения – с другой. В данное время действующий в разрешительный порядок [10] использования воздушного пространства не предусматривает существование каких-либо конфиденциальных каналов согласования для субъектов ОРД. Более того, недавно введенные требования об обязательной удаленной идентификации БПЛА еще больше обострили сложившуюся ситуацию, так как системы удаленной идентификации транслируют данные о полете БПЛА в публично доступном формате [3]. Речь идет о том, что такие системы передают координаты, высоту, скорость, идентификационный индекс, сведения об операторе и владельце в государственную автоматизированную информационную систему «ЭРАГЛОНАСС», интегрированную с цифровой платформой Росавиации и коммерческими сервисами («Небосвод», «Юпитер», «Флайдрон»). Вместе с тем нарушение правил использования воздушного пространства РФ при запуске БПЛА в приграничной зоне или без разрешения единой системы организации воздушного движения влечет административную ответственность (ч. 2 ст. 11.4 КоАП РФ) вплоть до наступления уголовной (ст. 271.1 УК РФ) [2].

Выводы

Анализ действующего законодательства и практики его применения позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию правового регулирования проведения ОРМ «Наблюдение» с использованием БПЛА:

– проработать вопрос о внесении дополнений в положения действующего оперативно-разыскного законодательства, прямо закрепляющих право субъектов ОРД использовать БПЛА при проведении ОРМ «Наблюдение» с указанием их категорий БПЛА, допустимых технических характеристик (разрешение камеры, дальность полета, звукозапись и др.), а также обязательных требований к документированию их применения;

– изучить вопрос установления дифференцированного режима судебного санкционирования применения БПЛА по аналогии с передовыми зарубежными практиками, где наблюдение в публичных общественных местах без приближения к жилищу разрешается без судебного решения, а наблюдение над огороженными участками, дворовыми территориями и иными пространствами, где гражданин вправе рассчитывать на обеспечение конфиденциальности – уже по решению суда;

– проработать на федеральном уровне возможность введения специального порядка конфиденциального согласования полетов БПЛА, используемых субъектами ОРД, с органами управления воздушным движением. Здесь важно предусмотреть возможность ограничения раскрытия информации, в том числе только уполномоченному должностному лицу единой системы организации воздушного движения, также исключения фактов публичного доступа к ней;

– изучить вопрос введения специального перечня технических требований к БПЛА, применяемых при проведении ОРМ, включив в него требования к криптографической защите фотоизображений, видеозаписей и систематической фиксации полетных данных для обеспечения допустимости использования в уголовном процессе собранных доказательств;

– решить вопрос о создании специализированной межведомственной координационной группы (по аналогии с передовыми зарубежными практиками) в целях научно-методического обеспечения, правового мониторинга и регулирования, а также надзора за применением БПЛА в ОРД и уголовном судопроизводстве.

Заключение

Таким образом, использование БПЛА объективно вытесняет традиционные методы и средства, применяемые в ходе осуществления ОРД. В целях повышения уровня информационного обеспечения деятельности оперативных подразделений крайне важно разрешить вопрос введения определенного специального правового режима применения БПЛА при проведении оперативно-разыскных действий, что подразумевает внесение изменений и дополнений в действующее законодательство о порядке воздушного согласования полетов, о судебном санкционировании и допустимости использования полученных результатов в уголовном судопроизводстве.

Одновременно с этим, думается, что передовой зарубежный опыт, убедительно демонстрирует востребованность и практическую реализуемость специального регулирования, подразумевающего принятие специального законодательного акта, введения системы административного санкционирования и принятия исчерпывающего перечня допустимых целей применения БПЛА в ОРД.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. подробнее: Стратегия развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 июня 2023 г. № 1630-р. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2008 г. № 862-О-О «По жалобе гражданина Камалиева Марата Дамировича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» . – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82052/.

[3] См. подробнее: Постановление Правительства Российской Федерации от 30.11.2024 № 1701 «Об утверждении требований к оснащению пилотируемых воздушных судов и беспилотных авиационных систем оборудованием связи, навигации, наблюдения, автоматического предотвращения столкновений, к оснащению беспилотных авиационных систем оборудованием удаленной идентификации и оборудованием линий управления беспилотными авиационными системами и контроля беспилотных авиационных систем, средствами криптографической защиты информации, сертифицированными в соответствии с требованиями федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности, и Правил оснащения пилотируемых воздушных судов и беспилотных авиационных систем оборудованием, предусмотренным пунктом 1 статьи 78.3 Воздушного кодекса Российской Федерации» – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] California v. Ciraolo: дело Верховного суда США. – 1986. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/476/207/; Florida v. Riley: дело Верховного суда США. – 1989. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/488/445/.

[5] Kyllo v. United States: дело Верховного суда США // Supreme.justia. – 2001. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/533/27/.

[6] Long Lake Township v. Todd Maxon, № 349230: решение Апелляционного суда штата Мичиган // Официальный сайт судов штата Мичиган. – 2021. – 18 марта. – URL: https://www.courts.michigan.gov/siteassets/case-documents/uploads/opinions/final/coa/20210318_c349230_47_349230.opn.pdf.

[7] Закон об уголовной ответственности и национальной безопасности / Loi n° 202252 du 24 janvier 2022 relative à la responsabilité pénale et à la sécurité intérieure // Journal officiel de la République française. – 2022. – № 20 (25 janв.). – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000045067923; Кодекс внутренней безопасности Франции / Code de la sécurité intérieure // Légifrance. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000025503132; Декрет № 2023-283 от 19 апреля 2023 г. об осуществлении обработки изображений посредством устройств захвата, установленных на воздушных судах, для выполнения задач административной полиции // Journal officiel de la République française. – 2023. – № 0093 (20 апреля). – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000047464659.

[8] Регулирование следственных полномочий 2000 г. (Regulation of Investigatory Powers Act 2000, c. 23) // Legislation.gov.uk. – 2000. – 27 июля. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/23.

[9] Гражданский авиационный закон Китайской Народной Республики (с изменениями и дополнениями, принятыми 27 декабря 2025 г.) // Официальный сайт Администрации гражданской авиации Китая (CAAC). – URL: https://www.caac.gov.cn/English/News/202512/t20251230_229615.html.

[10] Федеральные правила использования воздушного пространства Российской Федерации: утв. Постановлением Правительства РФ от 11 марта 2010 г. №/138. – Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Губайдуллина, Л. Т. Защита прав граждан при использовании беспилотных летательных аппаратов / Л. Т. Губайдуллина // Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. участием. – Ногинск, 2021. – С. 371–375.

2. Ильин, Ю. И. Использование беспилотных летательных аппаратов для обеспечения охраны общественного порядка в зоне СВО / Ю. И. Ильин // Юридическая наука. – 2024. – № 11. – С. 350–357.

3. Косовский, В. Б. Актуальные вопросы практического применения беспилотной техники в органах внутренних дел Российской Федерации / В. Б. Косовский, С. Н. Мартынюк // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 3 (80). – С. 25–29.

4. Курысев, К. Н. Некоторые правовые ограничения применения квадрокоптеров на частных территориях / К. Н. Курысев, А. А. Гофман, О. К. Курысева // Вестник Владимирского юридического института. – 2020. – № 4 (57). – С. 75–78.

5. Лапшина, И. Е. Международно-правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) / И. Е. Лапшина, Е. А. Трунова // Закон и власть. – 2024. – № 3. – С. 96–103.

6. Мерщий, О. И. Проблемы уголовно-правового регулирования неправомерного использования беспилотных летательных аппаратов / О. И. Мерщий // Современные проблемы правотворчества и правоприменения : материалы Всерос. студ. науч.-практ. конф. в рамках проведения Байкал. студ. юрид. форума-2023. – Иркутск, 2023. – С. 305–309.

7. Митюшин, Д. А. Использование беспилотных летательных аппаратов в ОРМ «Наблюдение»: модель угроз безопасности информации / Д. А. Митюшин // Вестник РГГУ. Серия: Информатика. Информационная безопасность. Математика. – 2022. – № 3. – С. 43–65.

8. Минбалеев, А. В. Проблемы правового регулирования использования беспилотных летательных аппаратов / А. В. Минбалеев // Правовые аспекты цифровизации международного транспорта и логистики : материалы Второго Междунар. транспортно-правового форума. Юридический институт Российского университета транспорта (МИИТ). – М., 2020. – С. 64–69.

9. Молдавский, М. В. Возможности и проблемы использования беспилотных летательных аппаратов при проведении оперативно-розыскных мероприятий / М. В. Молдавский // Тенденции развития оперативно-розыскной деятельности : сб. материалов межведомств. круглого стола, посвящ. памяти д-ра юрид. наук А.М. Ефремова. – Иркутск, 2025. – С. 38–41.

10. Мотасова, Д. Д. О перспективных направлениях развития гражданско-правового регулирования использования беспилотных летательных аппаратов / Д. Д. Мотасова // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 10 (178). – С. 98–100.

11. Попов, Б. И. Об использовании беспилотных летательных аппаратов в качестве средств оперативно-розыскной деятельности / Б. И. Попов, О. Б. Максименко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Е: Юридические науки. – 2019. – № 1. – С. 52–63.

12. Устинова, И. Г. Актуальные вопросы уголовно-правовой регламентации противоправного использования беспилотных транспортных средств / И. Г. Устинова // Образование и право. – 2020. – № 12. – С. 324–328.

13. Холопова, Е. Н. Методика оперативно-розыскного противодействия преступлениям экстремистской направленности оперативными подразделениями органов внутренних дел / Е. Н. Холопова, Ю. О. Копченкова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 35–42. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.2.5

REFERENCES

1. Gubaydullina L.T. Zashchita prav grazhdan pri ispolzovanii bespilotnykh letatelnykh apparatov [Protection of Citizens' Rights When Using Unmanned Aerial Vehicles]. *Gryadushchim pokoleniyam zaveshchayem: tvorit' dobro v zashchitu prava: materialy vseros. nauch.-prakt. konf. s Mezhdunar. uchastiyem* [To Future Generations We Bequeath: Doing Good in Defence of Law. Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation]. Noginsk, 2021, pp. 371-375.

2. Il'in Yu.I. Ispolzovanie bespilotnykh letatelnykh apparatov dlya obespecheniya okhrany obshchestvennogo poryadka v zone SVO [Use of Unmanned Aerial Vehicles to Ensure Public Order in the SVO Zone]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2024, no. 11, pp. 350-357.

3. Kosovskiy V.B., Martynyuk S.N. Aktualnye voprosy prakticheskogo primeneniya bespilotnoy tekhniki v organakh vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii [Topical Issues of Practical Application of Unmanned Equipment

in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economy, Law], 2020, no. 3 (80), pp. 25-29.

4. Kurysev K.N., Hofmann A.A., Kuryseva O.K. Nekotorye pravovye ogranicheniya primeneniya kvadrokopterov na chastnykh territoriyakh [Some Legal Restrictions on the Use of Quadcopters on Private Territories]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta* [Herald of the Vladimir Law Institute], 2020, no. 4 (57), pp. 75-78.

5. Lapshina I.E., Trunova E.A. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie ispolzovaniya bespilotnykh letatelnykh apparatov (BPLA) [International Legal Regulation of the Use of Unmanned Aerial Vehicles (UAV)]. *Zakon i vlast* [Law and Power], 2024, no. 3, pp. 96-103.

6. Mershchy O.I. Problemy ugolovno-pravovogo regulirovaniya nepravomernogo ispolzovaniya bespilotnykh letatelnykh apparatov [Problems of Criminal-Legal Regulation of Unlawful Use of Unmanned Aerial Vehicles]. *Sovremennyye problemy pravotvorchestva i pravoprimeneniya: materialy Vseros. stud. nauch.-prakt. konf. v ramkakh provedeniya Baykal. stud. yurid. foruma-2023* [Contemporary Problems of Law-Making and Law Enforcement. Proceedings of the All-Russian Student Scientific-Practical Conference Within the Baikal Student Legal Forum-2023]. Irkutsk, 2023, pp. 305-309.

7. Mityushin D.A. Ispolzovanie bespilotnykh letatelnykh apparatov v ORM «Nablyudenie»: model ugroz bezopasnosti informatsii [Use of Unmanned Aerial Vehicles in ORM "Observation": Model of Information Security Threats]. *Vestnik RGGU. Seriya: Informatika. Informatsionnaya bezopasnost. Matematika* [Herald of the Russian State Humanitarian University. Series: Informatics. Information security. Mathematics], 2022, no. 3, pp. 43-65.

8. Minbaleev A.V. Problemy pravovogo regulirovaniya ispolzovaniya bespilotnykh letatelnykh apparatov [Problems of Legal Regulation of the Use of Unmanned Aerial Vehicles]. *Pravovyye aspekty tsifrovizatsii mezhdunarodnogo transporta i logistiki: materialy Vtorogo Mezhdunar. transportno-pravovogo foruma. Yuridicheskiy institut Rossiyskogo universiteta transporta (MIIT)* [Legal Aspects of Digitalization of International Transport and Logistics. Proceedings of the Second International Transport-Legal Forum. Juridical Institute of Russian University of Transport (MIIT)]. Moscow, 2020, pp. 64-69.

9. Moldavsky M.V. Vozmozhnosti i problemy ispolzovaniya bespilotnykh letatelnykh apparatov pri provedenii operativno-rozysknykh meropriyatiy [Opportunities and Problems of the Use of Unmanned Aerial Vehicles in the Conduct of Operational-Search Activity]. *Tendentsii razvitiya operativno-rozysknoy deyatelnosti: sb. materialov mezhvedomstv. kruglogo stola, posvyashch. pamyati d-ra yurid. nauk A.M. Yefremova* [Trends in the Development of Operational-Search Activity. Proceedings of the Interdepartmental Round Table Dedicated to the Memory of Doctor of Juridical Sciences A.M. Efremov]. Irkutsk, 2025. pp. 38-41.

10. Motasova D.D. O perspektivnykh napravleniyakh razvitiya grazhdansko-pravovogo regulirovaniya ispolzovaniya bespilotnykh letatelnykh apparatov [On prospective Directions of Development of Civil-Legal Regulation of the Use of Unmanned Aerial Vehicles]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 2019, no. 10 (178), pp. 98-100.

11. Popov B.I., Maksimenko O.B. Ob ispolzovanii bespilotnykh letatelnykh apparatov v kachestve sredstv operativno-rozysknoy deyatelnosti [On the Use of Unmanned Aerial Vehicles as Means of Operational-Search Activity]. *Vestnik Donetskogo natsionalnogo universiteta. Seriya Ye: Yuridicheskiye nauki* [Herald of Donetsk National University. Series E: Juridical Sciences], 2019, no. 1, pp. 52-63.

12. Ustinova I.G. Aktualnye voprosy ugolovno-pravovoy reglamentatsii protivopravnogo ispolzovaniya bespilotnykh transportnykh sredstv [Topical Issues of Criminal-Legal Regulation of Unlawful Use of Unmanned Transport Means]. *Obrazovaniye i pravo* [Education and Law], 2020, no. 12, pp. 324-328.

13. Kholopova E.N., Kopchenkova Yu.O. Metodika operativno-rozysknogo protivodeystviya prestupleniyam ekstremistskoy napravlennosti operativnymi podrazdeleniyami organov vnutrennikh del [The Techniques of Operational and Investigative Countering Actions Against Extremist Crimes by the Operational Units of the Internal Affairs Bodies]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2020, vol. 19, no. 2, pp. 35-42. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.2.5

Information About the Author

Vladimir B. Batoev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Senior Researcher, Special Equipment and Telecoms of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation, Prud-Klyuchiki St, 2, 111024 Moscow, Russian Federation, vbatoev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8526-4923

Информация об авторе

Владимир Батоевич Батоев, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник, Научно-производственное объединение «Специальная техника и связь» Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Пруд-Ключики, 2, 111024 г. Москва, Российская Федерация, vbatoev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8526-4923

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.13

UDC 343.711
LBC 67.408.121

Submitted: 26.01.2026
Accepted: 01.06.2026

ON THE QUALIFICATION OF THEFT WITH INDEFINITE INTENT

Olga A. Yakovleva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: a key feature of committing a crime with indefinite intent is the perpetrator's awareness of the general direction of the act, while the subject does not clearly imagine the quantitative or qualitative parameters of the damage. The objective side of theft includes the infliction of property damage, which is assessed, inter alia, in monetary terms. Indefinite intent manifests itself here especially clearly, since the value of the stolen property is a key factor for qualification with qualifying features and sentencing. The main conflict with indefinite intent lies in the clash between subjective and objective criteria – in other words, between the direction of intent and the actual consequences that have occurred. Criminal law in Russia attempts to balance, giving priority to subjective intent, but with a proviso: if the large amount was a consciously foreseeable probability for the perpetrator, liability arises according to the actual consequences. In practice, this leads to significant judicial discretion and makes this category of cases one of the most difficult to qualify. **Methods:** the methodological framework includes a set of methods of scientific cognition, among which the methods of system analysis and synthesis are of fundamental importance. **Results:** this paper presents an analysis of the specifics of qualifying attempted theft with indefinite intent in respect of the object of the encroachment. **Conclusions:** the analysis of theory and practice allows concluding that indefinite intent does not protect from criminal liability for theft on a large and especially large scale if such damage was actually caused. The key factor in qualification is proving the direction of intent based on all the circumstances of the case. The absence in the charge of an indication of the value and type of property that the perpetrator intended to steal is not an obstacle to its consideration by the court.

Key words: criminal law, corpus delicti, theft, intent, stage of committing a crime.

Citation. Yakovleva O.A. On the Qualification of Theft with Indefinite Intent. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 101-105. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.13

УДК 343.711
ББК 67.408.121

Дата поступления статьи: 26.01.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ УМЫСЛОМ

Ольга Алексеевна Яковлева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: ключевой чертой совершения преступления с неопределенным умыслом является осознание виновным общей направленности деяния, при этом субъект не представляет себе четко количественных или качественных параметров ущерба. Объективная сторона кражи включает причинение имущественного ущерба, который оценивается в том числе в стоимостном выражении. Неопределенный умысел проявляется здесь особенно ярко, поскольку стоимость похищенного – ключевой фактор для квалификации с наличием квалифицирующих признаков и назначения наказания. Основная коллизия при наличии неопределенного умысла заключается в конфликте между субъективными и объективными критериями. Иными словами, между направленностью умысла и фактически наступившими последствиями. Уголовное право в России пытается балансировать между объективными и субъективными признаками, отдавая приоритет субъективному умыслу, но с оговоркой: если крупный размер был осознаваемой виновным вероятностью, ответственность наступает по фактическим последствиям. На практике это приводит к значительной судебной усмотрительности и делает данную категорию дел одной из самых сложных для квалификации. **Методы:**

© Яковлева О.А., 2026

в методологическую основу данного исследования входит целый комплекс методов научного познания, среди которых основополагающее значение занимают методы системного анализа, синтеза. **Результаты:** в работе представлена характеристика особенностей квалификации покушений на кражу с неопределенным умыслом на предмет посягательства. **Выводы:** анализ теории и практики позволяет сделать вывод, что неопределенный умысел не защищает от уголовной ответственности за хищение в крупном и особо крупном размере, если такой ущерб был причинен фактически. Ключевое значение при квалификации имеет доказывание направленности умысла на основе всех обстоятельств дела. Отсутствие в обвинении по рассматриваемой категории уголовных дел указания на стоимость и вид имущества, которое намеревался похитить субъект преступления, не является препятствием для его рассмотрения судом.

Ключевые слова: уголовное право, состав преступления, хищение, умысел, стадия совершения преступления.

Цитирование. Яковлева О. А. К вопросу о квалификации хищений с неопределенным умыслом // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 101–105. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.13

Значение для квалификации деяния качественно неопределнного умысла и количественно неопределенного умысла

В отечественном уголовном праве «неопределенный умысел» означает ситуацию, когда лицо осознает общественную опасность совершаемого деяния и предвидит наступление общественно опасных последствий, но точно не представляет их характер или размер [1, с. 535].

Как известно, по степени предвидения последствий выделяют два основных вида, важных для квалификации хищений: качественно неопределенный умысел и количественно неопределенный умысел. В первом случае лицо предвидит наступление вредных последствий, но не предвидит их точный характер. При количественно неопределенном умысле имеется направленность на хищение имущества, но его точная стоимость или объем неизвестны виновному на момент начала действия.

В данных случаях квалификация зависит от того, было преступление окончено или нет. Если хищение окончено, то ответственность наступает за фактически причиненные последствия, которые охватывались умыслом виновного. При неоконченном хищении возникают сложности квалификации содеянного. Покушение с качественно неопределенным умыслом по своей сути невозможно, так как направленность умысла слишком размыта. С количественно неопределенным умыслом покушение возможно. Если преступление не доведено до конца, квалификация основывается на минимуме последствий, на который был направлен умысел. Например, лицо с целью хищения имущества проникло в помещение. В момент проникновения преступник был задержан. При анализе обстоятельств дела, фактов, было установлено, что в помещении находились ценности, стоимость которых составляла особо крупный размер. Суд квалифицировал действия лица как покушение на кражу в особо крупном размере [6, с. 268]. Вызывает сомнение правильность подобной квалификации, так как объективный факт нахождения в помещении указанных ценностей не свидетельствует о знании этого факта преступником и его намерении совершить кражу в особо крупном размере. Следовательно, при квалификации правоприменитель не учел субъективную сторону деяния, что повлекло объективное вменение в противоречие основополагающего принципа в уголовном праве – принципа вины [7, ст. 5]. Кроме нарушения предписаний закона судом, в рассмотренной ситуации проигнорированы положения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В документе разъяснено, что при оценке общественной опасности содеянного необходимо учитывать все обстоятельства, при которых совершено преступление: вид умысла, мотивы и цель, способ, обстановка и стадия совершения преступления [3, п. 21].

Таким образом, при условии установления неопределенного умысла субъекта преступления относительно имущества и ценностей, находившихся в жилище, не следует квалифицировать деяние как покушение на кражу в особо крупном размере и исключить из обвинения стоимость и вид имущества, о ко-

тором виновный не знал в момент проникновения в жилище.

Как покушение на кражу следует квалифицировать содеянное, если виновный не реализовал свой преступный замысел, опасаясь, что его действия будут обнаружены. Так, З., имея преступный умысел, направленный на совершение кражи с незаконным проникновением в жилище, находясь с тыльной стороны дома, выбрал наиболее удобное для проникновения окно квартиры, расположенной на первом этаже. В квартире проживала ранее не знакомая ему гражданка. Реализуя свое преступное намерение, З., воспользовавшись отсутствием поблизости посторонних лиц, применяя в качестве опоры найденную поблизости деревянную дверь, достиг окна вышеуказанной квартиры. После чего открыл одну из створок окна, дотянувшись своей рукой через открытую форточку до запирающего механизма, и незаконно проник в квартиру, откуда намеревался тайно похитить ценности. Однако довести свой преступный умысел до конца не смог по независящим от него обстоятельствам, поскольку в соседней комнате обнаружил спящую гражданку. После этого З., опасаясь привлечь внимание потерпевшей и во избежание предусмотренной законом ответственности за содеянное, с места совершения преступления скрылся через окно вышеуказанной квартиры [2].

Направленность умысла виновного в определении стоимости предмета хищения влияет на разграничение преступления и непреступного действия в силу его малозначительности. Субъект изымает предмет хищения, полагая, что он представляет исключительную ценность, например, ценное произведение искусства или изделие из драгоценных камней и драгоценного металла. А в действительности это оказывается качественной подделкой. В таких случаях содеянное следует квалифицировать по правилам фактической ошибки – как покушение на преступление.

Квалификации деяния – это процесс, включающий уголовно-правовой и уголовно-процессуальные аспекты. Он начинается с момента возбуждения уголовного дела и заканчивается его разрешением в суде. Фактический этап квалификации устанавливает наличие общественно опасного деяния. На этой стадии не все данные имеют обязательное значение. На стадии юридической оценки содеянного, когда происходит выбор конкретной уголовно-правовой нормы или принимается решение о прекращении уголовного дела, важно правильно определить направленность умысла совершаемого преступления [5, с. 19]. Факт прекращения уголовных дел рассматриваемой категории обусловлен наличием неопределенного умысла на предмет посягательства и как следствие – отсутствие состава преступления. Например, при наличии неопределенного умысла, имея свободный доступ к предмету хищения, субъект не смог реализовать задуманное. Лицо было застигнуто в момент проникновения в жилище. Следует ли в данном случае квалифицировать деяния субъекта как покушение на кражу с незаконным проникновением в жилище или, беря во внимание тот факт, что ущерб как признак хищения определяется стоимостью имущества, на которое направлены умышленные действия похитителя, в данной ситуации были не определены субъектом? И, исходя из этого обстоятельства, описанные действия лица не образуют состава преступления [8]. Думается, что необходимость указания конкретного вида имущества и его стоимости при покушении на кражу с неопределенным умыслом основывается на неоправданно широком толковании процессуальных норм, касающихся доказательств.

Важным с практической точки зрения является уголовно-правовая оценка кражи с банковского счета. Данная ситуация является частным случаем количественно неопределенного умысла. Банковская карта считается средством совершения преступления, а не предметом хищения. С уголовно-правовой точки зрения кража карты расценивается как приготовление к хищению средств со счета владельца. Кража с банковского счета как квалифицирующий признак применяется независимо от способа снятия денег. И, если умысел на хищение денег со счета возник после кражи самой карты (например, ее обнаружили в похищенной сумке), это требует вменения квалифицирующих признаков при признании увеличения степени общественной опасности.

Покушением на кражу следует признать преступные действия, совершаемые субъектом при попытке введения случайного кода найденной банковской карты, с намерением снять фиксированную преступником сумму денег. Так, гражданин К. нашел банковскую карту и с целью совершения хищения денежных средств, находящихся на банковском счете, пришел в продуктовый магазин, где, неоднократно прикладывая указанную банковскую карту к терминалу оплаты, совершил покупки выбранных им товаров на общую сумму 650 руб., которые оплатил денежными средствами, находящимися на банковском счете. В дальнейшем К. с целью совершения хищения денежных средств, находящихся на банковском счете, пришел в помещение отделения Сбербанка, где, неоднократно прикладывая указанную банковскую карту к банкомату и набирая случайно выбранный им код, пытался снять денежные средства в сумме 18 700 руб., однако довести свой преступный умысел до конца не смог, поскольку был набран неверный код банковской карты. Суд признал К. виновным в совершении кражи с банковского счета и покушении на кражу с банковского счета [4]. Полагаем, данная квалификация обоснована, так как в первом случае преступное деяние окончено. Виновный в полной мере оплатил выбранные товары. Во втором случае завладеть имуществом не удалось по независящим от лица обстоятельствам. Не удалось подобрать код банковской карты. Каждое действие носит самостоятельный характер.

Выводы

Анализ теории и практики позволяет сделать вывод, что неопределенный умысел не защищает от уголовной ответственности за хищение в крупном и особо крупном размере, если такой ущерб был причинен фактически. Ключевое значение при квалификации имеет доказывание направленности умысла на основе всех обстоятельств дела [9, с. 137].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. – М. : Проспект, 2011. – 704 с.

2. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/1ac974c3-c84d-4b16-b30d-bc844d9348b0

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Прокуратура разъясняет (май). – URL: https://pavlovo.nobl.ru/presscenter/news/38741/

5. Толкаченко, А. А. Теоретические основы квалификации преступлений / А. А. Толкаченко // Закон и право. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2004. – 128 с.

6. Уголовный закон в практике мирового судьи : науч.-практ. пособие / под ред. А. В. Галаховой. – М. : Норма, 2005. – 576 с.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Шарапов, Р. Д. Малозначительность хищения чужого имущества / Р. Д. Шарапов // Уголовное право. – 2020. – № 6. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Яковлева, О. А. Принципы уголовно-правовой политики и ее соотношение с уголовным правом / О. А. Яковлева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2015. – № 3 (28). – С. 137–143.

REFERENCES

1. Malko A.V., ed. *Bolshoy yuridichesky slovar* [A Large Legal Dictionary]. Moscow, Prospect Publ., 2011. 704 p.

2. *Ofitsialny portal sudov obshchey yurisdiktsii goroda Moskvy* [The Official Portal of the Courts of General Jurisdiction of the City of Moscow]. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/1ac974c3-c84d-4b16-b30d-bc844d9348b0

3. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 12.03.2002 № 5 (red. ot 11.06.2019) «O sudebnoy praktike po delam o khishchenii, vymogatelstve i nezakonnom oborote oruzhiya, boepripasov, vzryvchatykh veshchestv i vzryvnykh

ustroystv» [On Judicial Practice in Cases of Theft, Extortion and Illegal Trafficking of Weapons, Ammunition, Explosives and Explosive Devices]. *Access from Reference Legal System "ConsultantPlus"*.

4. *Prokuratura raz'yasnyaet (may)* [The Prosecutor's Office Explains (May)]. URL: https://pavlovo.nobl.ru/presscenter/news/38741/

5. Tolkachenko A.A. Teoreticheskiye osnovy kvalifikatsii prestupleniy [Theoretical Foundations of Crime Qualification]. *Zakon i pravo* [Law and Right]. Moscow, YuNITI-DANA Publ., Zakon i pravo Publ., 2004. 128 p.

6. Galakhova A.V., ed. *Ugolovny zakon v praktike mirovogo sud'i: nauch.-prakt. posobie* [Criminal Law in the Practice of a Justice of the Peace. Scientific and Practical Guide]. Moscow, Norma Publ., 2005. 576 p.

7. Ugolovny kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 29.12.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 20.01.2026) [The Criminal Code of the Russian Federation of June 13,1996 No. 63-FZ (As Amended of December 29, 2025)]. *Access from Reference Legal System "ConsultantPlus"*.

8. Sharapov R.D. Maloznachitelnost khishcheniya chuzhogo imushchestva [Insignificance of Theft of Other People's Property]. *Ugolovnoe pravo*, 2020, no. 6. *Access from Reference Legal System "ConsultantPlus"*.

9. Yakovleva O.A. Printsipy ugolovno-pravovoy politiki i yeye sootnosheniye s ugolovnym pravom [The Principles of Criminal Legal Policy and Its Correlation with the Criminal Law]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudentsiya* [Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence], 2015, no. 3 (28), pp. 137-143.

Information About the Author

Olga A. Yakovleva, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, olgayakovlev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6833-5005

Информация об авторе

Ольга Алексеевна Яковлева, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, olgayakovlev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6833-5005

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.14

UDC 343.346
LBC 67.408.134.2

Submitted: 31.03.2026
Accepted: 01.06.2026

THE EXPERIENCE OF LEGISLATIVE PENALIZATION OF TRAFFIC-RELATED OFFENSES IN THE STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Igor V. Goncharov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: penalization, representing the process of establishing punishability by the legislator and the imposition of punishment in judicial practice, is a key element of criminal law policy. The aspects of penalization of traffic offenses remain relevant for several reasons: difficulties in achieving the objectives of punishment, problems in the assessment by courts of the subjective side of the act, certain criteria of the objective side, and the nature of consequences. The solution to this problem is seen in the study of foreign experience of the EAEU states, whose criminal law systems are related to the Russian one. **Purpose:** based on the example of legislative penalization of traffic-related offences in the EAEU states, to identify optimal directions for improving Russia's punitive policy. **Methods:** the comparative analysis of foreign criminal legislation relied primarily on dialectics, contributing to the understanding of the processes and phenomena under consideration in their variability and development. The general scientific methods (analysis and synthesis, generalization, analogy, induction, and deduction) and specific scientific methods (content analysis and comparison) were used to cognize the essential content, which contributed to the study of the subject area and the formulation of conclusions. **Results:** the paper establishes the signs and elements of legislative penalization of traffic-related offences and defines the specific features that, with reasonable borrowing, will produce a positive effect. **Conclusions:** the penalization of traffic-related offences in the EAEU states exhibits both similarities in terms of differentiation of the amount of punishment and differences in the application of criminal law measures and in the criteria for compensation for damage to victims.

Key words: penalization, crime, sanctions, punishment, responsibility, traffic-related offenses, punitive policy.

Citation. Goncharov I.V. The Experience of Legislative Penalization of Traffic-Related Offenses in the States of the Eurasian Economic Union. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 106-112. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.14

УДК 343.346
ББК 67.408.134.2

Дата поступления статьи: 31.03.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

ОПЫТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ПЕНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, В ГОСУДАРСТВАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Игорь Владимирович Гончаров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федеарция

Введение: пенализация, представляя процесс установления законодателем наказуемости и назначения наказания в судебной практике, является ключевым элементом уголовно-правовой политики. Аспекты пенализации дорожно-транспортных преступлений не теряют своей актуальности по ряду причин: сложности достижения целей наказания, трудностей с оценкой судами субъективной стороны содеянного, отдельных критериев объективной стороны и характера последствий. Решение данной проблематики видится в изучении зарубежного опыта государств ЕАЭС, уголовно-правовая система которых родственна российской. **Цель:** на основе примера законодательной пенализации деяний, связанных с нарушением правил дорожного движения в государствах ЕАЭС, выявить оптимальные направления совершенствования наказательной политики России. **Методология:** сравнительный анализ зарубежного уголовного законодательства преимущественно

© Гончаров И.В., 2026

опирался на диалектику, способствующую пониманию рассматриваемых процессов и явлений в их изменчивости и развитии. Для познания сущностного содержания применялись общенаучные методы (анализ и синтез, обобщение, аналогия, индукция и дедукция) и частнонаучные (контент-анализ, сравнительный) способствовавшие изучению предметной области, формированию выводов. **В результате** проведенного анализа установлены признаки и элементы законодательной пенализации деяний, связанных с нарушением ПДД, конкретизированы специфические особенности, которые при разумном заимствовании дадут положительный эффект. **Выводы:** пенализация деяний в государствах ЕАЭС, связанных с нарушением ПДД имеет как сходства в части дифференциации размера наказания, так и различия в сфере применения мер уголовно-правового характера и критериев компенсации ущерба жертвам.

Ключевые слова: пенализация, преступление, санкции, наказание, ответственность, нарушения правил дорожного движения, наказательная политика.

Цитирование. Гончаров И. В. Опыт законодательной пенализации деяний, связанных с нарушением правил дорожного движения, в государствах Евразийского экономического союза // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 106–112. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.14

Введение

Модернизация уголовно-правовой политики России в контексте проблемных аспектов назначения и индивидуализации наказания за дорожно-транспортные преступления, невозможно без изучения зарубежного опыта. Отдельные аспекты пенализации других стран носят позитивный характер, который можно заимствовать и применять для повышения эффективности наказательной политики, как на законодательном уровне, так и судебном [8, с. 537].

Дорожно-транспортное преступление это происшествие с участием транспорта или иных участников дорожного движения, которое повлекло гибель / ранение людей, как следствие нарушение Правил дорожного движения. Для возникновения оснований уголовной ответственности необходимы четыре важных условия: дорога, транспортное средство, иные участники движения, дорожно-транспортное происшествие, которые при наличии последствий, упоминаемых в уголовном законе становятся, дорожно-транспортным преступлением.

Анализ, предлагается осуществлять исходя из научной позиции согласно которой государства могут быть объединены общеисторической совокупностью законодательства, юридической практикой, господствующей правовой идеологией и доктриной [9, с. 125; 11, с. 143]. При наличии множества критериев, позволяющих объединять уголовно-правовые системы, наиболее удачным, видится выбор подхода, интегрирующий политику пенализации по признаку культурно-исторической и нормативно-правовой общности [3, с. 40; 4, с. 21–24]. Типологию подходов к пенализации возможно формировать с учетом истории и культурного наследия, объективного познания социально-политических процессов путем погружения в историческую, культурологическую, религиозно-традиционную сферу [6, с. 39–42].

Признавая авторитет компаративистов, стоит обратить внимание на работу В.Н. Синюкова, предложившего выделять среди существующих типов правовых семей российскую (славянскую) и обычно-традиционную [10, с. 69]. Данную позицию поддержали О.Н. Ведерникова, С. Боронбеков отразившие в своих работах наличие англоамериканской, западноевропейской (континентальной), социалистической, российской, мусульманской, дальневосточной, смешанной типологии [1; 2, с. 529–532]. Фактически общность источников права, научных школ, исторического пути развития может являться основанием и оправданием выделения отдельных правовых (законодательных) подсистем. Такой подход позволит детализировать основные правовые системы (общего, романо-германского, религиозного, социалистического и иные) с учетом базовых культурно-исторических, религиозно-этнических, специально-юридических традиций. Соответственно, уголовно-правовые подсистемы большинства бывших республик СССР, сохранивших коммуникативные отношения научно-теоретического характера, могут находиться в диалектическом соотношении общего и особенного с российской (славянской).

Результаты

Анализ основных аспектов пенализации деяний, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных

средств (далее – ПДД), преимущественно будет учитывать вариативность видов наказания в санкциях соответствующих статей и временной интервал лишения свободы. Это объясняется подходами государств ЕАЭС к минимальному размеру штрафа, продолжительности уголовного наказания не связанного с изоляцией от общества, а также тем, что лишение свободы можно определить как наиболее суровую меру, предполагающую не только максимальные моральные страдания и материальные лишения для осужденного, но и высокую вероятность его исправления [7, с. 111–117; 17, с. 151–152].

Дифференциация криминальных деяний в государствах ЕАЭС осуществляется в зависимости от их тяжести. Преступления, совершаемые по неосторожности, в республиках Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, относятся к категориям: не представляющие большой общественной опасности (небольшой тяжести) и менее тяжкие (средней тяжести). Дорожно-транспортные преступления в Уголовных кодексах ЕАЭС традиционно для российской (славянской) системы находятся в главе, объединяющей данные статьи по объекту посягательства – общественные отношения и интересы, обусловленные обеспечением безопасности дорожного движения и установленного порядка эксплуатации транспортных средств.

В уголовном законодательстве государств ЕАЭС (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан) дорожно-транспортные преступления присутствуют, и по признакам объективной стороны они в целом схожи с составами, присутствующими в гл. 27 Уголовного кодекса Российской Федерации. В части последствий, отграничивающих криминальное деяние от административного деликта, кардинальных различий нет, за исключением наличия в уголовных кодексах республик Армения (далее – УК РА), Казахстан (далее – УК РК), Кыргызстан (далее – УК РКр) основания – причинение вреда здоровью средней тяжести (менее тяжкого) [12; 14; 15]. Стоит отметить вариативность видов наказания в санкциях: штраф, общественные работы, ограничение и лишение свободы, запрет занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Верхний предел лишения свободы в санкциях преступлений изменяется в зависимости от тяжести последствия и психосоматического состояния водителя. Смерть жертвы по неосторожности в государствах ЕАЭС преимущественно предусматривает лишение свободы на срок от 2–3 до 5–7 лет. Гибель двух или более лиц предусматривает от 4 до 8–10 лет лишения свободы. Для водителя, нарушившего ПДД, находившегося в состоянии алкогольного, наркотического и иного опьянения, и причинившего по неосторожности смерть одному или более лицам предусмотрено лишение свободы на срок от 5 до 10 лет. В зависимости от тяжести последствий, увеличивается срок ограничения свободы и лишения свободы, а лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью переходит в разряд дополнительного наказания. Стоит отметить интересную особенность санкций дорожно-транспортных преступлений – это верхний предел лишения свободы не превышающий 10 лет.

Схожая позиция в государствах ЕАЭС по вопросу уголовной ответственности лиц, злостно нарушающих ПДД в части передачи транспорта лицу: 1) находящемуся в состоянии опьянения; 2) не достигшему 16-летнего возраста; 3) лишенному права управлять; 4) не имеющему права управлять данным транспортным средством. Пенализация неисправимости отдельных участников дорожного движения, предусматривает: 1) управление транспортным средством индивидом, не имеющим права им управлять; 2) управление транспортным средством лицом в состоянии опьянения и уже имеющим административное взыскание за аналогичное деяние; 3) отказ от проверки или уклонение от проверки на трезвость. Таким образом, передача транспортного средства лицам, не имеющим прав на управление и не способным им управлять, наказуемы при условии наступления последствий в виде причинения вреда здоровью или смерти по неосторожности. В зависимости от последствия она наказывается штрафом, общественными работами, лишением свободы, срок которого может разниться от 1 дня до 7 лет. Пенализация в отношении лиц в части повторного управления транспортным средством в состоянии опьянения в целом не превышает 3 лет лишения свободы.

Важной особенностью наказательной политики республик Беларусь, Казахстан и Кыргызстан является то, что транспортные средства, совершивших преступления в состоянии опьянения могут быть конфискованы, запрет управлять транспортом устанавливается до 8–10 лет. В уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК РБ) предусмотрено принудительное лечение от хронического алкоголизма, наркомании или токсикомании для соответствующей категории участников дорожного движения [13]. В Республике Казахстан для тех, кто был лишен права управлять транспортным средством и повторно находился в состоянии опьянения, предусмотрено пожизненное лишение права управлять транспортным средством.

Цели уголовного наказания во всех государствах ЕАЭС созвучны – восстановление социальной справедливости, исправление, предупреждение (ч. 2 ст. 39 УК РК). Республики Армения и Кыргызстан в целеполагании указали ресоциализацию (ч. 2 ст. 55 УК РА, ч. 2 ст. 59 УК РКр). Уголовное законодательство Республики Беларусь не содержит упоминания о целях наказания, ориентируя аспекты пенализации ч. 2 ст. 44 УК РБ «Уголовная ответственность и ее цели» на исправление и предупреждение новых преступлений.

Рассматривая основные аспекты пенализации УК РА применительно к дорожно-транспортным преступлениям, можно выделить следующие моменты: 1) дополнительные наказания могут присоединяться к основному по усмотрению суда (ч. 4 ст. 57 УК РА); 2) к иностранцам применяется выдворение с установлением полного или на 5–10 лет запрета находиться на территории страны (ст. 62 УК РА); 3) среди видов наказания присутствует краткосрочное лишение свободы (от 15 суток до 2 месяцев); 4) для назначения лишения свободы, суд должен аргументировать, почему более мягкие меры не смогут обеспечить целей наказания (ч. 3 ст. 69 УК РА); 5) уголовное преследование по ч. 1 ст. 342 УК РА может быть инициировано только при наличии заявления со стороны самого пострадавшего, либо его законных представителей.

Освобождение от уголовной ответственности зависит от усмотрения суда, при наличии свободного волеизъявления потерпевшей стороны и взаимного соглашения о примирении (ч. 1 ст. 82 УК РА). Нельзя обойти стороной интересный аспект уголовного законодательства Армении, который обязует суд при принятии решения об условном применении наказания учитывать отсутствие требования о возмещении или заглаживания причиненного вреда (п. 4 ч. 4. ст. 84 УК РА), что важно в случае совершения дорожно-транспортного преступления. Существенной особенностью УК РА является наличие положения о мерах безопасности, цель которого состоит в профилактике новых преступлений (ст. 111 УК РА), в частности лицами, совершившими дорожно-транспортное преступление в нетрезвом виде: 1) принудительные меры медицинского характера; 2) обязанность получения психологической помощи.

Республика Беларусь в ч. 2 ст. 57 УК РБ оговаривает условие согласно которого за неосторожные преступления срок лишения свободы не может превышать 10 лет. Отмечается, что уголовное преследование по ч. 1 и 2 ст. 317 УК РБ и ч. 1 ст. 321 УК РБ возможно только при наличии заявления от пострадавшего или его законных представителей, если виновные близкие потерпевшего. В случае назначения лишения свободы за преступления, предусмотренные ст. 317–317^2 УК РБ, осужденные отбывают его в исправительных колониях в условиях поселений. У данной категории лиц судимость погашается по отбытии основного и дополнительного наказаний (п. 1 ч. 1 ст. 97 УК РБ). Анализ научных работ по данной тематике показывает, что в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности в Республике Беларусь за совершение дорожно-транспортных преступлений, наиболее чаще применяются институты осуждения с отсрочкой исполнения наказания (ст. 77 УК РБ) и осуждения с условным неприменением наказания (ст. 78 УК РБ) [5].

В Республике Казахстан подход к наказанию лиц, совершивших дорожно-транспортные проявляется: 1) в активном применении института условного осуждения (ст. 63 УК РК); 2) в том, что лишение свободы, назначенное за совершение дорожно-транспортных преступлений, отбывается в учреждениях уголовно-исполнительной системы минимальной безопасности (ч. 5 ст. 46 УК РК). Надо отметить,

что в случае примирения виновного с потерпевшим (за исключением причинения по неосторожности смерти одному человеку или нескольким) предусматривается освобождение от уголовной ответственности (ст. 68 УК РК). Освобождают от наказания и в связи с установлением поручительства, если санкцией предусмотрен штраф в качестве основного вида наказания (ч. 1 ст. 69 УК РК).

В Республике Кыргызстан освобождение от уголовной ответственности для лиц, совершивших дорожно-транспортные преступления, возможно при условии достижения согласия с потерпевшим, за исключением ч. 4 ст. 312 УК РКр. Важно подчеркнуть наличие основания, отсутствующее в уголовных кодексах государств ЕАЭС, освобождающее от уголовного наказания – применение пробационного надзора (ст. 82 УК РКр). Интересной мерой уголовно-правового воздействия является возмещение материального ущерба и компенсация морального вреда (ст. 71 УК РКр), которая предусматривает обязательное установление денежной компенсации в зависимости от тяжести вреда, а также принудительный платеж в Фонд компенсации потерпевшим (ст. 98-1, 98-2 УК РК) [16, с. 120–121].

Выводы

Проведя сравнительный анализ основных аспектов законодательной пенализации деяний, связанных с нарушением правил дорожного движения, государств ЕАЭС стоит отметить следующие особенности: 1) категориальный и доктринальный подход к данным преступлениям в государствах ЕАЭС един, отличие российского состоит в том, что ч. 4 и ч. 6 ст. 264 УК РФ включены к категорию тяжких, предполагая соответствующее отношение к назначению и исполнению наказания; 2) интенсивность пенализации дорожно-транспортных преступлений в части пределов лишения свободы в России значительно выше, как для простого субъекта, так и для специального (лица, находящегося в состоянии опьянения); 3) в России больше альтернатив среди видов наказаний за дорожно-транспортные преступления; 4) срок лишения права заниматься определенной деятельность (управлять транспортным средством) в отдельных государствах ЕАЭС выше и может бессрочным; 5) в российском уголовном законодательстве отсутствуют институты, способствующие защите интересов потерпевших (обязательная компенсация материального и морального вреда).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боронбеков, С. Современные уголовно-правовые системы и школы / С. Боронбеков. – Рязань : Ряз. ВШ МВД РФ, 1994. – 111 с.

2. Ведерникова, О. Н. Основные криминологические системы современности / О. Н. Ведерникова // Закономерности преступности, стратегии борьбы и закон. – М. : Рос. криминолог. ассоц., 2001. – 567 с.

3. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид ; пер. с фр. В. А. Туманова. – М. : Прогресс, 1988. – 496 с.

4. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози ; пер. с фр. В. А. Туманова. – М. : Междунар. отношения, 1999. – 440 с.

5. Иванькович, Д. В. Сравнительно-правовой анализ составов преступлений, предусмотренных ст. 264 УК Российской Федерации и ст. 317 УК Республики Беларусь / Д. В. Иванькович // Криминологический журнал. – 2024. – № 1. – С. 67–70.

6. Клейменов, И. М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации : дис. … д-ра. юрид. наук / Иван Михайлович Клейменов. – Омск, 2015. – 486 с.

7. Лобанова, Л. В. Обеспечение справедливости наказания при рецидиве преступлений и наличии смягчающих обстоятельств / Л. В. Лобанова, М. А. Малимонова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 111–117. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.14

8. Марченко, М. Н. Проблемы теории государства и права : учебник / М. Н. Марченко. – М. : Проспект, 2001. – 636 с.

9. Саидов, А. Х. Сравнительное правоведение : учебник / А. Х. Саидов. – М. : Юристъ, 2000. – 441 с.

10. Синюков, В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В. Н. Синюков. – 2-е изд. – М. : Норма, 2010. – 672 с.

11. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – 2-е изд. – М. : Юристъ, 2001. – 776 с.

12. Уголовный кодекс Республики Армения : принят 05.05.2021 № ЗР-199 (с изм. и доп. на 01.01.2026). – URL: http://parliament.am/law_docs_8/27052021HO199_rus.pdf

13. Уголовный кодекс Республики Беларусь № 275-З от 09.07.1999 (в ред. 21.10.2025) // Национальный правовой портал Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900275

14. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V (изм. и доп. на 01.01.2026). – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&ysclid=mjl8a6v7x2704076039&pos=5753;10#pos=5753;10

15. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 127 (ред. 14.11.2025). – URL: https://cbd.minjust.gov.kg/3-38/edition/40773/ru?ysclid=mjl8jxnu6y216790159

16. Шаяхметова, Ж. Б. Актуальные вопросы возмещения ущерба имуществу, причиненного дорожно-транспортными происшествиями / Ж. Б. Шаяхметова, А. Т. Муханова, Ж. И. Ердешова // Вестник Карагандинского университета. Серия Право. – 2021. – Т. 104, № 4. – С. 115–121.

17. Якушин, В. А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия : монография / В. А. Якушин. – Тольятти : Изд-во ВУиТ, 2018. – 337 с.

REFERENCES

1. Boronbekov S. *Sovremennyye ugolovno-pravovyye sistemy i shkoly* [Modern Criminal-Legal Systems and Schools]. Ryazan, Ryaz. VSh MVD RF, 1994. 111 p.

2. Vedernikova O.N. Osnovnyye kriminologicheskiye sistemy sovremennosti [The Main Criminological Systems of Our Time]. *Zakonomernosti prestupnosti, strategii bor'by i zakon* [Patterns of Crime, Strategies of Control, and the Law]. Moscow, Ros. kriminolog. assots., 2001. 567 p.

3. David R. *Osnovnyye pravovyye sistemy sovremennosti* [The Main Legal Systems of Our Time]. Moscow, Progress Publ., 1988. 496 p.

4. David R., Geoffrey-Spinosi K. *Osnovnyye pravovyye sistemy sovremennosti* [The Main Legal Systems of Our Time]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1999. 440 p.

5. Ivankovich D.V. Sravnitelno-pravovoy analiz sostavov prestupleniy, predusmotrennykh st. 264 UK Rossiyskoy Federatsii i st. 317 UK Respubliki Belarus [Comparative Legal Analysis of the Elements of Crimes Provided for by Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation and Art. 317 of the Criminal Code of the Republic of Belarus]. *Kriminologicheskiy zhurnal* [Criminological Journal], 2024, no. 1, pp. 67-70.

6. Kleymenov I.M. *Sravnitelnaya kriminologiya: kriminalizatsiya, prestupnost, ugolovnaya politika v usloviyakh globalizatsii: dis. ... d-ra. yurid. nauk* [Comparative Criminology: Criminalization, Crime, Criminal Policy in the Context of Globalization. Dr. jurid. sci. diss.]. Omsk, 2015. 486 p.

7. Lobanova L.V., Malimonova M.A. Obespecheniye spravedlivosti nakazaniya pri retsidive prestupleniy i nalichii smyagchayushchikh obstoyatelstv [Ensuring Sentencing Fairness in Cases of Recidivism with Mitigating Circumstances]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 111-117. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.14

8. Marchenko M.N. *Problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnik* [Problems of the Theory of State and Law. Textbook]. Moscow, Prospect Publ., 2001. 636 p.

9. Saidov A.Kh. *Sravnitelnoye pravovedeniye: uchebnik* [Comparative Law. Textbook]. Moscow, Yurist Publ., 2000. 441 p.

10. Sinyukov V.N. *Rossiyskaya pravovaya sistema. Vvedeniye v obshchuyu teoriyu* [Russian Legal System. Introduction to the General Theory]. Moscow, Norma Publ., 2010. 672 p.

11. Matuzov N.I., Malko A.V., ed. *Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsiy* [Theory of State and Law. Lecture Course]. Moscow, Yurist Publ., 2001. 776 p.

12. *Ugolovnyy kodeks Respubliki Armeniya: prinyat 05.05.2021 № ZR-199 (s izm. i dop. na 01.01.2026)* [Criminal Code of the Republic of Armenia, Adopted on 05.05.2021 No. 3P-199 (As Amended on 01.01.2026)]. URL: http://parliament.am/law_docs_8/27052021HO199_rus.pdf

13. Ugolovnyy kodeks Respubliki Belarus № 275-3 ot 09.07.1999 (v red. 21.10.2025) [Criminal Code of the Republic of Belarus No. 275-3 of 09.07.1999 (As Amended on 21.10.2025)]. *Natsionalnyy pravovoy portal Internet-portal Respubliki Belarus* [National Legal Portal Internet Portal of the Republic of Belarus]. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900275

14. *Ugolovnyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 03.07.2014 № 226-V (izm. i dop. na 01.01.2026)* [Criminal Code of the Republic of Kazakhstan Dated 03.07.2014 No. 226-V (Amended and Supplemented as of 01.01.2026)]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&ysclid= mjl8a6v7x2704076039 &pos=5753;10#pos= 5753;10

15. *Ugolovnyy kodeks Kyrgyzskoy Respubliki ot 28.10.2021 № 127 (red. 14.11.2025)* [Criminal Code of the Kyrgyz Republic of 28.10.2021 No. 127 (As Amended on 14.11.2025)]. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/3-38/edition/40773/ru?ysclid=mjl8jxnu6y216790159

16. Shayakhmetova Zh.B., Mukhanova A.T., Erdeshova Zh.I. Aktualnyye voprosy vozmeshcheniya ushcherba imushchestvu, prichinennogo dorozhno-transportnymi proisshestviyami [Current Issues of Compensation for Property Damage Caused by Road Accidents]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Pravo* [Bulletin of Karaganda University. Law Series], 2021, vol. 104, no. 4, pp. 115-121.

17. Yakushin V.A. *Nakazaniye i inyye mery ugolovno-pravovogo vozdeystviya: monografiya* [Punishment and Other Measures of Criminal-Legal Influence: Monograph]. Tolyatti, Izd-vo VUiT, 2018. 337 p.

Information About the Author

Igor V. Goncharov, Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, goncharov_iv@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-6494-1029

Информация об авторе

Игорь Владимирович Гончаров, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, goncharov_iv@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-6494-1029

www.volsu.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

CC BY

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.15

UDC 343.14
LBC 67.410.2

Submitted: 19.03.2026
Accepted: 01.06.2026

PROSPECTS OF THE STAGE OF INITIATING CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CRIMINAL PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION: PRESERVATION, FUNCTIONAL TRANSFORMATION AND POSSIBLE WAYS OF REFORM

Svyatoslav Yu. Biryukov
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the article assesses the future of the stage of initiating a criminal case in the criminal procedure of the Russian Federation as one of the most conflict-prone elements of pre-trial proceedings. The reasons for the stage's persistence, its internal contradictions (including the "blurring" of the boundary between the verification of a report and the investigation), and the impact of the chosen model for initiating a preliminary investigation on access to justice, the admissibility of evidence, and the limits of criminal-law intervention in people's lives and the activities of organizations are examined. In this regard, the author aims to determine the prospects for the continued existence of the stage in modern conditions, identify the reasons for its persistence, and propose reform pathways that balance individual access to justice, protection from unjustified criminal-legal interference, procedural economy, and stability of law enforcement. **Methods:** the study's methodological basis consists of the provisions of materialist dialectics regarding the cognition of social reality, alongside analysis and synthesis, induction and deduction, and system-structural, sociological, linguistic, and formal-logical approaches. The **results** show that the "preserve or abolish" debate is methodologically flawed: the content of reforms is determined by the architecture of pretrial proceedings and the redistribution of guarantees between the pre-investigation check and the preliminary investigation. Key problematic aspects of the current model are identified: "double collection" of significant information and the degradation of the quality of evidentiary information; the spread of quasi-procedural schemes; and unjustified refusals to initiate criminal cases alongside protracted procedural checks, which restrict access to justice. Several options for reforming the stage in question are proposed. **Conclusions:** the prospects for the initiation stage of criminal proceedings in our country lie not in its formal preservation or elimination, but in its functional transformation, taking into account resource constraints and the management environment. The stage performs simultaneously filtering, guaranteeing, and stabilizing functions; therefore, the most appropriate approach is to "reconfigure" the mechanisms of control and guarantees of individual rights, rather than abolishing the stage outright. The optimal reform must be comprehensive: it should reduce quasi-procedural methods of obtaining significant information and the duplication of actions; ensure minimum guarantees for the protection of an individual when a suspicion actually arises; guarantee the effectiveness of prosecutorial oversight and judicial control; and increase the transparency of the procedures through the digitalization of the recording and movement of investigation materials.

Key words: initiating criminal proceedings, pre-investigation check, crime report, access to justice, prosecutorial supervision, judicial control, pre-trial proceedings.

Citation. Biryukov S.V. Prospects of the Stage of Initiating Criminal Proceedings in the Criminal Process of the Russian Federation: Preservation, Functional Transformation and Possible Ways of Reform. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 113-121. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.15

© Бирюков С.Ю., 2026

УДК 343.14
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 19.03.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

ПЕРСПЕКТИВЫ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОХРАНЕНИЕ, ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Святослав Юрьевич Бирюков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: статья посвящена оценке будущего стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе Российской Федерации как одного из наиболее конфликтных элементов досудебного производства. Рассматриваются причины устойчивости стадии, ее внутренние противоречия (в том числе «размывание» границы между проверкой сообщения и расследованием) и влияние выбранной модели начала предварительного расследования на доступ к правосудию, допустимость доказательств и пределы уголовно-правового вмешательства в жизнь людей и деятельность организаций. В связи с этим, автором поставлена цель определить перспективы дальнейшего существования стадии возбуждения уголовного дела в современных условиях, выявить причины ее сохранения и предложить пути реформирования, позволяющие совместить: доступ личности к правосудию, защиту от необоснованного уголовно-правового вмешательства, процессуальную экономию и устойчивость правоприменения. **Методы:** методологическую основу исследования составляют положения материалистической диалектики относительно познания социальной действительности, а также анализ и синтез, индукция и дедукция, системно-структурный, социологический, лингвистический, формально-логический методы. **Результаты:** показано, что дискуссия «сохранить или упразднить» методологически ущербна: содержание реформ определяется архитектурой досудебного производства и перераспределением гарантий между доследственной проверкой и предварительным расследованием. Выявлены ключевые проблемные аспекты действующей модели: «двойное собирание» значимых сведений и деградация качества доказательственной информации; распространение квазипроцессуальных схем; необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел и затягивание процессуальных проверок, ограничивающие доступ лиц к правосудию. Предложено несколько вариантов реформирования рассматриваемой стадии. **Выводы:** перспективы стадии возбуждения уголовного дела в нашей стране сводятся не к формальному сохранению или ликвидации, а к функциональной трансформации с учетом ресурсных ограничений и управленческой среды. Стадия выполняет одновременно фильтрующую, гарантийную и стабилизирующую функции; поэтому наиболее целесообразен путь «перенастройки» механизмов контроля и гарантий прав личности, а не одномоментной ее отмены. Оптимальная реформа должна быть комплексной: снижать квазипроцессуальные способы получения значимых сведений и дублирование действий, обеспечивать минимальные гарантии защиты личности при фактическом возникновении подозрения, обеспечивать эффективность прокурорского надзора и судебного контроля, а также повышать прозрачность осуществляемых процедур через цифровизацию учета и движения материалов проверки.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, доследственная проверка, сообщение о преступлении, доступ к правосудию, прокурорский надзор, судебный контроль, досудебное производство.

Цитирование. Бирюков Н. С. Перспективы стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе Российской Федерации: сохранение, функциональная трансформация и возможные пути реформирования // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 113–121. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.15

Введение

Стадия возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе традиционно рассматривается как начальный, самостоятельный и обязательный этап, обеспечивающий переход от факта сообщения о преступлении к полноценному предварительному расследованию. В то же время именно эта стадия досудебного производства остается одной из наиболее конфликтных – как в плане юридической техники и нормативной конструкции, так и в части правоприменения. Длительная научная дискуссия обоснованно фокусируется

на вопросе: должна ли эта стадия быть сохранена либо упразднена. Однако такая постановка вопроса («да или нет») часто скрывает более существенное: какие функции фактически выполняет стадия возбуждения дела и куда они будут перенесены в случае трансформации стадий уголовного процесса [1, с. 12].

Правоприменительная практика показывает, что формальное сохранение стадии может сопровождаться ее «размыванием» за счет расширения допустимых действий на этапе проверки сообщения о преступлении. Это ведет к превращению доследственной проверки в «квазирасследование», что порождает соответствующие риски для процессуальной формы, допустимости получаемых доказательств и соблюдения прав участников уголовно-процессуальной деятельности [10, с. 135; 11, с. 69]. Одновременно зарубежные реформы (в частности, так называемая реестровая модель начала расследования) демонстрируют, что упразднение вышеназванной стадии как формального института не означает исчезновения функции фильтрации – она возвращается в иных формах, включая «проверку до регистрации» или ускоренное прекращение после регистрации [2, с. 81; 4, с. 69].

Цель настоящей статьи – определить перспективы дальнейшего существования стадии возбуждения уголовного дела именно в российской правовой действительности, выявить устойчивые причины ее сохранения и предложить модели трансформации, способные одновременно обеспечить: доступ личности к правосудию; защиту личности от необоснованного уголовно-правового вмешательства; процессуальную экономию; устойчивость правоприменения и допустимость доказательств.

Стадия возбуждения уголовного дела: сохранение или трансформация

В отечественной уголовно-процессуальной доктрине термин «возбуждение уголовного дела» употребляется в разных значениях: как стадия уголовного процесса; как институт норм; как деятельность по приему, регистрации, проверке и разрешению сообщений; как итоговый правоприменительный акт (постановление) [6, с. 236]. В прикладном смысле решающим является то, что действующий уголовно-процессуальный закон связывает начало предварительного расследования с вынесением постановления о возбуждении уголовного дела (и принятием его к производству), что формирует нормативный водораздел между «до» и «после» [9, с. 128; 10, с. 133].

Данный водораздел имеет двоякую природу. С одной стороны, он обеспечивает юридический барьер перед полномасштабным применением процессуального принуждения и перед превращением первоначальной информации в доказательства в строгом смысле (через следственные действия и процессуальную форму) [10, с. 136]. С другой – жесткость водораздела порождает дефект, известный как «двойное собирание» сведений: сначала – в непроцессуальном или квазипроцессуальном виде (объяснения, досмотры, «добровольные выдачи» и т. п.), затем – в форме доказательств (допрос, обыск, выемка) [10, с. 136].

Парадокс состоит в том, что законодатель, отвечая на запрос практики, постепенно расширяет инструментарий доследственной проверки (в том числе за счет отдельных процессуальных действий). Тем самым стадия сохраняется, но по содержанию приближается к расследованию [3, с. 55; 9, с. 130]. Динамика реформ последних десятилетий подтверждает: закон стремится компенсировать невозможность оперативно действовать «до возбуждения» путем частичного допуска процессуальных средств на этапе проверки, что постепенно изменяет саму концепцию данной стадии [9, с. 130].

Сторонники отмены стадии указывают, что запрет на осуществление многих следственных действий до возбуждения уголовного дела вынуждает правоприменителя использовать суррогатные формы получения необходимых сведений, снижая качество доказывания и создавая риски признания получаемых доказательств недопустимыми [10, с. 136]. Проблема особенно очевидна в ситуациях, когда сведения не подлежат повторному восприятию: изъятое при досмотре невозможно «заново обнаружить» при обыске без правовых фикций; результаты оперативного обследования помещений трудно легально «перевести» в доказательства без дублирования или нарушения формы [10, с. 136].

Отсюда возникает предложение: считать началом расследования сам факт поступления сообщения о преступлении или его регистрации; отказаться от «предпроцессуальной» зоны; обеспечить немедленное включение процессуальных гарантий и инструментов расследования [10, с. 137; 14].

Противоположная позиция отдельной части научного сообщества исходит из того, что стадия возбуждения уголовного дела выполняет функцию фильтрации – отсеивает сообщения, не содержащие признаков преступления, и предотвращает вовлечение существенного количества лиц в орбиту уголовного преследования при отсутствии достаточных данных [4, с. 82; 6, с. 236]. Сохранение фильтра особенно значимо при массовости обращений граждан и организаций: уголовное судопроизводство не способно и не должно «автоматически» превращать каждое сообщение в расследуемое уголовное дело.

Дополнительный аргумент заключается в гарантийной природе стадии: именно формализованное решение о возбуждении дела является основанием для полноценного применения процессуального принуждения, а следовательно – механизмом сдерживания произвольного вмешательства в жизнь людей и деятельность организаций [6, с. 238; 10, с. 136]. Правовые позиции Конституционного Суда РФ также подчеркивали самостоятельность стадии и необходимость установления поводов и оснований как обязательного условия начала уголовного преследования [8].

Наиболее методологически конструктивной представляется позиция, согласно которой вопрос о судьбе стадии возбуждения уголовного дела нельзя решить вне общего выбора модели досудебного производства [16]. Причины возникновения стадии связываются с особенностями отечественной системы, где функции «полиции» и «юстиции» исторически интегрированы, а силовые ведомства наделены полномочиями по собиранию и депонированию доказательств для суда. Стадия возбуждения дела выступает своего рода «амортизирующим механизмом», отделяющим свободный режим первичной проверки от процессуальной формы [10, с. 138]. Из этого следует, что простое копирование зарубежных решений той или иной проблемы уголовно-процессуального характера без изменения системных предпосылок способно породить новые дисфункции вместо устранения имеющихся.

Таких ключевых так называемых «узлов напряжения» не мало. Так, повторяемость действий в разных формах (объяснения – затем допрос; досмотр – затем обыск и т. д.) не только увеличивает нагрузку на уполномоченных должностных лиц правоохранительных органов, но и снижает познавательную ценность получаемой информации. В частности, общеизвестно, что очевидцы наиболее полно сообщают сведения «по горячим следам», однако в формально непроцессуальной форме; позже, в рамках допроса, объем и детализация показаний уменьшаются. Это обстоятельство отчасти порождает встречающиеся на практике попытки «переписать» объяснения в протокол допроса, однако это, в свою очередь, противоречит смыслу процессуального доказывания [10, с. 137].

Ограниченный перечень допустимых действий до возбуждения уголовного дела подталкивает правоприменителя к обходным схемам: оформлению выемки как осмотра места происшествия, фиксации «обнаружения» предметов в служебных кабинетах и т. п. Подобная практика становится достаточно устойчивой именно потому, что система пытается совместить необходимость оперативного реагирования с формальным запретом на осуществление ряда действий [3, с. 56].

Еще одной существенной проблемой правоприменительной практики остается вынесение необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, а также явления «волокиты» и многократных проверок. Прокурорский надзор и судебный контроль фиксируют значительный массив нарушений на этом этапе (в том числе формальность проверок, неполнота установления обстоятельств) [5; 9, с. 130]. Именно эта практика подпитывает аргументацию сторонников упразднения стадии: если отказ превращается в инструмент «администрирования потока», гражданин фактически теряет доступ к правосудию [9, с. 130; 10, с. 136].

Кроме того, отдельного внимания требует институциональная среда, в которой действует должностное лицо органа предварительного расследования. Ориентация на коли-

чественные показатели и негативная оценка прекращенных уголовных дел стимулируют завышение требований к «судебной перспективе» и повышают склонность к отказу в возбуждении уголовного дела на раннем этапе. В этих условиях стадия возбуждения уголовного дела может использоваться не как юридический фильтр законности, а как механизм управления ведомственными рисками [3, с. 56]. Следовательно, реформа стадии без реформы критериев оценки эффективности неизбежно будет ограниченной.

Сравнительно-правовой аргумент часто используется отдельными исследователями как основание для предложения ликвидации стадии возбуждения уголовного дела: в ряде государств постсоветского пространства начало досудебного производства связывается с регистрацией сообщения в едином реестре (Казахстан, Украина и др.) [2, с. 68; 3, с. 56; 4, с. 81; 12–14].

Однако анализ показывает, что даже при формальной отмене стадии возникают альтернативные способы предварительной проверки. Так, украинская модель, связав начало расследования с внесением сведений в Единый реестр досудебных расследований (ЕРДР), столкнулась с проблемой объема сообщений и фактической невозможностью проводить полноценное расследование по каждому из них. В результате на уровне подзаконного регулирования появлялись механизмы краткосрочной проверки для установления достаточности информации, а при неподтверждении – закрытие производства [4, с. 81]. То есть фильтр трансформировался, но не исчез.

Казахстанская модель также демонстрирует сочетание обязательности регистрации при наличии признаков правонарушения и возможности короткой проверки «уголовно-правовой природы» сообщения при недостаточности данных, после чего только принимается решение о регистрации либо о направлении по подведомственности [2, с. 69]. Это подтверждает общий вывод: массовый поток обращений и ограниченность процессуальных ресурсов объективно требуют фильтрации, вопрос состоит лишь в том, где она расположена и какими гарантиями сопровождается.

Предложения об автоматическом начале расследования по каждому зарегистрированному сообщению, которые встречаются в юридической литературе, не учитывают финансового и кадрового аспектов. Приводимые расчеты «себестоимости» расследования (на примере данных о расходах и количестве оконченных дел) используются для обоснования того, что при безусловной трансформации каждого сообщения в уголовное дело государственные расходы могут стать несоразмерными бюджетным возможностям [4, с. 82].

Хотя конкретные цифры зависят от методики расчета и состава включаемых затрат, сама логика аргумента имеет принципиальное значение: реформирование начальной стадии неизбежно влияет на объем возбуждаемых производств, нагрузку на следственные органы и, как следствие, на качество расследования. Игнорирование этого фактора способно привести к компенсаторным практикам – уклонению от приема заявлений, сокрытию их от учета, формализации проверок [4, с. 82]. Следовательно, любая трансформация уголовного досудебного производства должна быть сопряжена с изменением ресурсного обеспечения, цифровизации учета и пересмотром управленческих показателей.

С учетом выявленных проблем и результатов сравнительно-правового анализа перспективы стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации целесообразно рассматривать через призму функциональной трансформации, а не только формального статуса в уголовно-процессуальном законе [15].

Представляется несколько возможных путей реформирования.

1. Интеграционный: включение доследственной проверки в предварительное расследование. Суть состоит в том, что деятельность по проверке сообщения о преступлении признается первоначальным этапом предварительного расследования. При этом сохраняется фильтрация, но она осуществляется уже в рамках расследования с возможностью процессуальных решений (например, прекращение по реабилитирующим основаниям в ускоренном порядке), а не через отказ в возбуждении как самостоятельный финал «предпроцессуального» этапа [3, с. 57]. Преимущества данного варианта реформирования заключаются в сокращении квазипроцессуальности, снижение дублирования действий, повышение качества дока-

зательственной информации, усиление процессуальных гарантий уже на начальном этапе. Однако у него есть и определенные «слабые» места: рост количества прекращенных дел и статистическое давление; необходимость менять критерии оценки работы; потребность в четкой регламентации сроков и пределов принуждения на начальном этапе.

2. Реестровый (умеренный): регистрация как старт + «быстрое закрытие» при отсутствии достаточности оснований. Этот путь предполагает, что уголовно-процессуальная деятельность начинается с регистрации сообщения (по типу реестровых моделей), но одновременно вводится ясный механизм краткосрочного установления достаточности данных и быстрого прекращения производства при отсутствии признаков преступления. То есть фильтр переносится «внутрь» зарегистрационного производства, но с жесткими сроками и усиленными гарантиями обжалования. Принципиальным условием реализации рассматриваемого пути является недопущение размывания статуса лица, в отношении которого проводятся процессуальные действия, и обеспечение минимальных гарантий защиты при фактическом возникновении подозрения (доступ к услугам защитника, уведомление о процессуальном статусе и пр.).

3. Гарантийно-усилительный: сохранение стадии при устранении ключевых недостатков. Данный путь предполагает сохранение стадии возбуждения уголовного дела как юридического барьера, но реформирование процедуры проверки сообщения о преступлении. Основные направления: более четкое определение достаточности данных как основания к возбуждению уголовного дела; устранение неопределенности статуса участников данной стадии; сокращение квазипроцессуальных мероприятий путем точного закрепления допустимых действий и порядка их документирования; усиление обязательности исполнения требований прокурора по материалам проверок и устранение «пинг-понга» между правоохранительными органами [2, с. 70]; цифровизация регистрации сообщений и прозрачность движения материала проверки. Этот путь более реалистичен в условиях, когда законодатель и правоприменитель ориентированы на умеренный консерватизм и постепенную корректировку модели без резкой перестройки системы [10, с. 138].

Здесь же представляется целесообразным коснуться роли прокурорского надзора и судебного контроля в будущей уголовно-процессуальной модели. Независимо от выбора одного из предложенных путей реформирования, устойчивость начальной стадии определяется не только процессуальными полномочиями следователя или дознавателя, но и системой контроля. В действующей модели прокурор обладает полномочиями отменять незаконные решения об отказе и направлять материалы для решения вопроса об уголовном преследовании, однако отсутствие жесткого механизма исполнения может порождать повторяемость и затягивание процесса [7, с. 22].

В перспективной модели необходимо обеспечить: ясное распределение ответственности за итоговое решение на начальном этапе; эффективный механизм обязательности указаний прокурора в пределах его компетенции; доступность судебного контроля по жалобам на бездействие / формальность проверки; цифровую отслеживаемость сроков и действий по материалу проверки.

Именно перераспределение контрольных полномочий способно компенсировать риски, связанные как с сохранением стадии (злоупотребления отказами), так и с ее упразднением (чрезмерное расширение процессуального вмешательства без достаточной фильтрации).

Заключение

Перспективы дальнейшего существования стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе нашей страны не могут быть корректно сведены к выбору между формальным сохранением либо формальной ликвидацией. Стадия возбуждения уголовного дела в российской модели выполняет одновременно три ключевые функции: фильтрацию сообщений о преступлениях в условиях массового потока обращений и ограниченности процессуальных ресурсов; юридическое разграничение зон допустимого государственного вмешательства до и после начала полноценного расследования; институциональную стабилизацию интегрированной си-

стемы досудебного производства, в которой одни и те же органы сочетают элементы «полиции» и «юстиции».

Поэтому наиболее вероятной траекторией развития является не одномоментное упразднение, а функциональная трансформация стадии: она либо будет постепенно «встроена» в предварительное расследование, либо сохранится как формальный барьер, но фактически станет более процессуализированной и «гарантированной». При этом простое копирование реестровых моделей без учета российских организационно-финансовых ограничений и без реформы критериев ведомственной эффективности способно породить компенсаторные механизмы уклонения от регистрации и формализации решений, то есть воспроизвести недостатки в иной форме.

Оптимальная реформа должна быть построена как комплексная: она обязана одновременно устранить квазипроцессуальные способы собирания значимых сведений, снизить дублирование действий, обеспечить необходимый доступ к защите при фактическом возникновении подозрения, усилить исполнимость прокурорских решений и прозрачность процедур через цифровую среду. В этой логике «судьба» стадии возбуждения уголовного дела – это не вопрос терминологии, а вопрос архитектуры гарантий и контроля на входе в уголовное судопроизводство и вопрос процессуальной экономики государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимамедов, Э. Н. Значение стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе / Э. Н. Алимамедов, Е. А. Дидковская // Вестник экономической безопасности. – 2024. – № 3. – С. 11–14.

2. Башинская, И. Г. Доследственная проверка и ее место в уголовном процессе / И. Г. Башинская // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2024. – № 4 (66). – С. 67–71.

3. Вастьянова, О. Д. Стадия возбуждения уголовного дела: полемика и направления реформирования; анализ опыта Республики Казахстан / О. Д. Вастьянова, Т. Н. Михайлова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2025. – № 1 (58). – С. 53–59.

4. Волеводз, А. Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса / А. Г. Волеводз // Уголовный процесс. – 2014. – № 1. – С. 80–83.

5. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о деятельности за 2025 год. – URL: https://rg.ru/documents/2026/01/28/doklad-ombudsmen-za-2025-god-site-dok.html?ysclid=mmnvid2u7w175670005

6. Конин, В. В. Использование стандартов доказывания на стадии возбуждения уголовного дела / В. В. Конин, А. В. Кудрявцева, А. В. Петров // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2025. – № 1 (102). – С. 234–243.

7. Кругликов, А. П. Прокурор – координатор правоохранительной деятельности по борьбе с преступностью / А. П. Кругликов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 21–25. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.2.3

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации"». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Рамазанов, Р. А. Перспективы совершенствования стадии возбуждения уголовного дела / Р. А. Рамазанов // Журнал правовых и экономических исследований. – 2024. – № 2. – С. 128–132.

10. Россинский, С. Б. Стадия возбуждения уголовного дела: безоговорочно упразднить либо попытаться понять подлинные причины ее возникновения? / С. Б. Россинский // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 6 (127). – С. 133–139.

11. Стародубова, Г. В. Стадия возбуждения уголовного дела: упразднить нельзя реформировать / Г. В. Стародубова // Судебная власть и уголовный процесс. – 2013. – № 2. – С. 69–73.

12. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 129 (с изм. по состоянию на 2026 г.). – URL: https://prg.kz/document/?doc_id=36639004

13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V (с изм. и доп. по состоянию на 2026 г.). – URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575852&pos=5;357

14. Уголовно-процессуальный кодекс Украины (ред. по состоянию на 2026 г.). – URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31197178

15. Федеральный закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Харитонов, А. Н. Возбуждение уголовного дела как стадия уголовного судопроизводства / А. Н. Харитонов, И. А. Даниленко, С. Н. Максимов // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 118–121.

REFERENCES

1. Alimamedov E.N., Didkovskaya E.A. Znachenie stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela v ugolovnom processe [The Importance of the Stage of Initiation of a Criminal Case in the Criminal Process]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security], 2024, no. 3, pp. 11-14.

2. Bashinskaya I.G. Dosledstvennaya proverka i ee mesto v ugolovnom processe [Pre-Investigation Check and Its Place in Criminal Proceedings]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 2024, no. 4 (66), pp. 67-71.

3. Vastyanova O.D., Mikhaylova T.N. Stadiya vozbuzhdeniya ugolovnogo dela: polemika i napravleniya reformirovaniya; analiz opyta Respubliki Kazahstan [The Stage of Initiation of a Criminal Case: Controversy and Directions of Reform; Analysis of the Experience of the Republic of Kazakhstan]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia], 2025, no. 1 (58), pp. 54-58.

4. Volevodz A.G. Uprazdnenie stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela: tsena voprosa [Abolition of the Stage of Initiation of Criminal Proceedings: The Price of the Issue]. *Ugolovny process*, 2014, no. 1, pp. 80-83.

5. *Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii o deyatelnosti za 2025 god* [Report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation on Activities for 2025]. URL: https://rg.ru/documents/2026/01/28/doklad-ombudsmen-za-2025-god-site-dok.html?ysclid=mmnvid2u7w175670005

6. Konin V.V., Kudryavceva A.V., Petrov A.V. Ispolzovanie standartov dokazyvaniya na stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela [Use of Standards of Proof at the Stage of Initiation of Criminal Case]. *Nauchny vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova* [Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov], 2025, no. 1 (102), pp. 234-243.

7. Kruglikov A.P. Prokuror – koordinator pravoohranitelnoy deyatelnosti po borbe s prestupnost'yu [The Prosecutor as a Coordinator of the Law Enforcement Activities in the Fight Against Crime]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 21-25. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.2.3

8. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 14.01.2000 № 1-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti otdelnykh polozheniy UPK RSFSR Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 14.01.2000 № 1-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti otdelnykh polozheniy Ugolovno-protsessualnogo kodeksa RSFSR, reguliruyushchikh polnomochiya suda po vozbuzhdeniyu ugolovnogo dela, v svyazi s zhaloboy grazhdanki I.P. Smirnovoy i zaprosom Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii"» [In the Case of the Review of the Constitutionality of Certain Provisions of the Criminal Procedure Code of the RSFSR, Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated January 14, 2000 No. 1-P "In the Case of the Review of the Constitutionality of Certain Provisions of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR Regulating the Powers of the Court to Institute Criminal Proceedings in Connection with the Complaint of Citizen I.P. Smirnova and the Request of the Supreme Court of the Russian Federation]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

9. Ramazanov R.A. Perspektivy sovershenstvovaniya stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela [Prospects for Improving the Stage of Initiation of Criminal Proceedings]. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovany* [Journal of Legal and Economic Studies], 2024, no. 2, pp. 128-132.

10. Rossinsky S.B. Stadiya vozbuzhdeniya ugolovnogo dela: bezogovorochno uprazdnit libo popytatsya ponyat podlinnye prichiny ee vozniknoveniya? [The Stage of Initiating a Criminal Case: Should it Be Unconditionally Abolished or Should We Try to Understand the True Causes of Its Occurrence?]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2021, vol. 16, no. 6 (127), pp. 133-139.

11. Starodubova G.V. Stadiya vozbuzhdeniya ugolovnogo dela: uprazdnit nelzya reformirovat [Stage of Criminal Case Initiation: It Cannot Be Abolished or Reformed]. *Sudebnaya vlast i ugolovny process*, 2013, no. 2, pp. 69-73.

12. *Ugolovno-processualny kodeks Kyrgyzskoy Respubliki ot 28.10.2021 № 129 (s izm. po sostoyaniyu na 2026 g.)* [The Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic]. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=36639004

13. *Ugolovno-processualny kodeks Respubliki Kazakhstan ot 04.07.2014 № 231-V (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 2026 g.)* [The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan]. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575852&pos=5;357

14. *Ugolovno-protsessualny kodeks Ukrainy (red. po sostoyaniyu na 2026 g.)* [The Criminal Procedure Code of Ukraine]. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31197178

15. Federalny zakon ot 02.12.2008 № 226-FZ «O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-processualny kodeks Rossiyskoy Federatsii» [On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

16. Kharitonov A.N., Danilenko I.A., Maksimov S.N. Vozbuzhdenie ugolovnogo dela kak stadiya ugolovnogo sudoproizvodstva [Initiation of a Criminal Case as a Stage of Criminal Proceedings]. *Vestnik VIPK MVD Rossii* [Vestnik of Advanced Training Institute of the MIA of Russia], 2024, no. 1 (69), pp. 118-121.

Information About the Author

Svyatoslav Yu. Biryukov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Institute of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, bir.slav@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7277-1926

Информация об авторе

Святослав Юрьевич Бирюков, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса института права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, bir.slav@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7277-1926

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.16

UDC 343.1
LBC 67.410.2

Submitted: 10.02.2026
Accepted: 01.06.2026

LIMITS OF THE PERFORMANCE OF INQUIRY BODY FUNCTIONS BY SEA CAPTAINS ON LONG-DISTANCE VOYAGES

Irina V. Shelehova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Introduction: the paper examines the need to strengthen the regulation of actions of sea captains on long-distance voyages when they perform the functions of an inquiry body, as well as the need to improve this institution with provisions enhancing the observance of the suspect's rights during detention. **Methods:** the historical-legal and comparative-law analyses allow for conducting the study of both currently effective documents in this legal area and those that have lost force, from the perspective of the quality of regulating the actions of sea captains performing the functions of inquiry bodies, compliance with the requirements of modern criminal-procedure legislation, and observance of the suspect's rights. **Purpose:** to identify shortcomings in the studied normative documents related to ensuring the suspect's rights and the inconsistencies with modern Russian criminal-procedure legislation and to formulate proposals for improving the current legislation in the area under study. **Conclusions:** in modern conditions, there is an objective need to create a single normative document, adapted to Russian criminal-procedure legislation, regulating the actions of a sea captain on a long-distance voyage performing the inquiry body function. In addition to detailed instructions for conducting urgent investigative actions, this document should also establish requirements for the conditions of detention of the suspect in case of need for his isolation, as well as the procedure and conditions for engaging a defense counsel.

Key words: sea captain, inquiry bodies, preliminary investigation, urgent investigative actions, suspect, right to defense, defense counsel.

Citation. Shelehova I.V. Limits of the Performance of Inquiry Body Functions by Sea Captains on Long-Distance Voyages. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 122-127. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.16

УДК 343.1
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 10.02.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

ПРЕДЕЛЫ ВЫПОЛНЕНИЯ ФУНКЦИЙ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ КАПИТАНАМИ МОРСКИХ СУДОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ДАЛЬНЕМ ПЛАВАНИИ

Ирина Владимировна Шелехова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Введение: в настоящей статье рассматривается вопрос о необходимости усиления регламентации действий капитанов морских судов, находящихся в дальнем плавании, при осуществлении ими функций органа дознания, а также доработки данного института положениями, улучшающими соблюдение прав подозреваемого при его задержании. **Методология:** историко-правовой и сравнительно-правовой анализ позволяют провести исследование как действующих в настоящее время документов в данной правовой сфере, так и утративших силу с точки зрения качества регламентации действий капитанов морских судов, осуществляющих функции органов дознания, соблюдения требований современного уголовно-процессуального законодательства и прав подозреваемого. **Цель:** выявление в изучаемых нормативных документах недостатков, связанных с обеспечением прав подозреваемого, несоответствий российскому уголовно-процессуальному законодательству и внесение предложений по совершенствованию действующего законодательства в исследуемой сфере. **Выводы:** в современных условиях существует объективная необходимость создания единого, адаптированного под российское уголовно-процессуальное законодательство нормативного документа,

© Шелехова И.В., 2026

регламентирующего действия капитана морского судна в условиях дальнего плавания, выполняющего функцию органа дознания. В данном документе, помимо подробной инструкции проведения неотложных следственных действий, должны быть закреплены требования к условиям содержания подозреваемого в случае необходимости его изоляции, а также порядок и условия привлечения защитника.

Ключевые слова: капитан морского судна, органы дознания, предварительное расследование, неотложные следственные действия, подозреваемый, право на защиту, защитник.

Цитирование. Шелехова И. В. Пределы выполнения функций органа дознания капитанами морских судов, находящихся в дальнем плавании // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 122–127. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.16

Введение

Пространственный принцип действия Уголовно-процессуального закона Российской Федерации (далее – УПК РФ) достаточно полно определен законодателем. Непосредственно в тексте ст. 2 УПК РФ содержатся положения, регламентирующие применение его норм «при производстве по уголовному делу на территории Российской Федерации независимо от места совершения преступления», «при производстве по уголовному делу о преступлении, совершенном на воздушном, морском судне, находящемся за пределами территории Российской Федерации под флагом Российской Федерации, если указанное судно приписано к порту Российской Федерации», а также порядок и случаи производства отдельных процессуальных действий в соответствии с нормами УПК РФ за пределами территории Российской Федерации.

Следует отметить, что производство по уголовному делу о преступлении, совершенном на морском судне, находящемся за пределами территории РФ в дальнем плавании, сопряжено с рядом трудностей, в настоящее время не урегулированных российским законодательством.

Ввиду явной труднодоступности указанных объектов для органов предварительного расследования законодатель в ст. 40 УПК РФ наделил полномочиями органов дознания капитанов морских судов, находящихся в дальнем плавании, наравне с руководителями геолого-разведочных партий и зимовок, начальниками российских антарктических станций и сезонных полевых баз, удаленных от мест расположения органов дознания, что представляется очевидным и необходимым решением.

«Существование такого уголовно-процессуального правила обусловлено необходимостью производства неотложных следственных действий в обстановке полного временного отсутствия физической возможности у правоохранительных органов осуществить свою юрисдикцию в данном месте и в данное время» [1, с. 37].

Регламентация действий капитана при обнаружении признаков преступления, совершенного на судне

Как справедливо отмечают В.Н. Гуцуляк и В.Ю. Стельмах, капитан судна не является в прямом смысле органом дознания, он лишь исполняет его функции в рамках своих полномочий ввиду невозможности привлечения к расследованию компетентных органов дознания [2, с. 194; 6, с. 128], вследствие существенной отдаленности и изолированности места совершения преступления. Помимо этого, ни капитан, ни другие члены экипажа, которым капитан может делегировать исполнение функции органа дознания, в случаях если, например, сам капитан является потерпевшим, в рамках подготовки и аккредитации на соответствующую должность не проходят правовой подготовки и не получают какого-либо юридического образования [4, с. 231]. В связи с этим выполнение возложенных на них функций может вызывать затруднения.

Кроме отсутствия необходимой правовой подготовки ситуацию усугубляет отсутствие действующей инструкции, в которой законодатель четко регламентировал бы действия лиц, исполняющих функции органа дознания в условиях дальнего плавания. В настоящее время полномочия капитана в случае обнаружения признаков совершения преступления на судне, помимо норм УПК РФ, регламентируются Кодексом торгового мореплавания РФ, Кодексом внутреннего водного транспорта РФ, приказом Минтранса России от 23.11.2012

№ 407 «Об утверждении Порядка и особенностей выполнения капитаном судна действий, не относящихся к процессуальным, в случае возбуждения уголовного дела публичного обвинения».

Вместе с тем непосредственно порядок действий капитана судна регламентируется «Руководством по обеспечению сохранности и сбору доказательств после заявления о серьезном преступлении, совершенном на судне, или после сообщения о пропавшем без вести лице с судна, а также оказание моральной поддержки и медицинской помощи потерпевшим» (резолюция Международной морской организации A.1091(28) от 04.12.2013, далее – Руководство). Однако стоит сказать, что данное Руководство носит исключительно рекомендательный характер и содержит крайне обобщенные действия, поскольку рассчитано на широкий спектр пользователей.

Ранее существовала подробная «Инструкция о выполнении функций органов дознания на морских судах, находящихся в плавании», принятая Генеральным прокурором СССР 07.08.1974 (далее – Инструкция), которая в настоящее время признана недействующей. В ней содержались положения, сходные с описанными в Руководстве, однако в связи с тем, что Инструкция была разработана исключительно на базе УПК РСФСР и для советского правоприменителя, содержащиеся в ней положения были максимально адаптированы под правовую практику СССР.

Помимо того, что в Инструкции подробнейшим образом были описаны действия, которые необходимо предпринять капитану для обеспечения сохранности доказательств до момента их передачи компетентным органам, порядок осуществления следственных действий и привлечения необходимых для их проведения лиц из числа присутствующих на судне, процессуальных действий с подозреваемым лицом, в ней был прописан порядок обращения к компетентным органам, в том числе при необходимости и к соответствующим консулам СССР и прокурору по месту приписки судна, а также порядок передачи материалов дознания по подследственности.

Отсутствие же в настоящее время подобного документа представляет собой существенную проблему, поскольку, исходя из действующих в данной сфере норм, капитану в случае обнаружения признаков совершения на судне преступления предлагается следовать исключительно инструкциям компетентных органов. Однако представляется, что наличие четких, заранее известных капитану шагов, закрепленных Инструкцией, гораздо предпочтительнее, чем консультирование с компетентными органами «в режиме реального времени». Безусловно, такие консультации могут быть крайне полезны, но не в качестве основного источника руководства, а в качестве дополнительного, в случае возникновения у лица, осуществляющего функции органа дознания, каких-либо затруднений.

Стоит особо отметить, что ни в Руководстве, ни в Инструкции не содержится положений относительно порядка содержания подозреваемого в случае необходимости его полной изоляции. При этом задержание подозреваемого в рассматриваемых условиях по объективным причинам не может ограничиваться 48-часовым сроком. Одно из наиболее рациональных решений данной проблемы предлагает в своей работе В.Ю. Стельмах, который считает, что в данном случае задержание должно «продолжаться до передачи задержанного компетентным органам. В качестве определенной компенсации целесообразно предусмотреть зачет этого времени в полном объеме в срок содержания под стражей и наказания, а также распространение на данные случаи правил реабилитации, т. е. возмещение понесенных расходов за весь срок содержания в случае неподтверждения подозрения. В этом случае конституционные права гражданина останутся защищенными» [6, с. 133].

Данный аспект также представляется важным, поскольку некорректные условия и сроки содержания лица ведут к непосредственному нарушению его прав.

Обеспечение подозреваемому права на защиту при проведении предварительного расследования на судне

Помимо сложностей, обусловленных недостаточной регламентацией лица, осуществляющего дознание, при производстве предварительного следствия на судне, находящемся в условиях дальнего плавания, также представляет проблему обеспечение права подозреваемого на защиту.

Следует отметить, что по своей правовой природе полномочия капитана судна, безусловно, ближе к полномочиям командира военного корабля или командира военной базы за рубежом, нежели к полномочиям правоохранительных органов в пределах территории государства, поскольку в условиях ограниченного пространства на капитане лежит обязанность по обеспечению безопасности членов экипажа, пассажиров, самого судна и имущества судовладельца [5, с. 90], в связи с чем авторитет капитана судна должен быть непререкаем, особенно в экстренных ситуациях, к которым следует отнести и совершение преступления на территории судна.

В отличие от командира военного корабля или командира военной базы за рубежом, в подчинении которых находятся исключительно военнослужащие, связанные более строгими правовыми обязательствами, члены экипажа, иной персонал и пассажиры корабля являются гражданскими лицами, что также необходимо помнить при проведении неотложных следственных действий.

Инструкция крайне подробно описывала все действия, которые надлежит выполнить лицу, осуществляющему функции органов дознания, однако нигде в ее тексте не была упомянута необходимость привлечения защитника. Хотя участие других участников уголовного процесса, будь то переводчик или незаинтересованные понятые, а в случае производства личного обыска – обыскивающего лица и понятых одного пола с обыскиваемым лицом, было предусмотрено законодателем.

Обеспечение права подозреваемого на защиту, особенно в условиях возрастающей гуманизации уголовного судопроизводства, безусловно, необходимо, в том числе и в случаях производства предварительного расследования на настолько территориально удаленных объектах, как судна, осуществляющие дальнее плавание.

При действующем в настоящее время порядке предварительного расследования лицо, исполняющее функцию органа дознания, уполномочено существенно ограничивать права и свободы подозреваемого лица, выполняя достаточно широкий спектр неотложных действий по установлению и закреплению следов преступления, к числу которых относятся: осмотр, обыск, выемка, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей, целью которых является обнаружение и фиксация следов преступления, доказательств, требующих незамедлительного закрепления и изъятия и исследования [3, с. 52]. Данный перечень не является исчерпывающим: лицом, исполняющим функции органа дознания, также могут выполняться другие действия, которые в условиях дальнего плавания судна могут иметь значение неотложных.

При таких достаточно обширных полномочиях, явно ограничивающих права и свободы подозреваемого, отсутствие защитника представляется абсолютно невозможным.

Отсутствие возможности обеспечить право на защиту по большому счету влечет за собой нарушение конституционных прав гражданина, таким образом, все действия, которые проводит капитан, осуществляя функции органа дознания, могут быть оспорены в суде по этому основанию. Тем не менее полностью изъять у капитана функции органа дознания нельзя, поскольку он является единственным гарантом обеспечения возможности сохранения и фиксации вещественных доказательств, обстоятельств, важных для проведения дальнейшего расследования компетентными органами, а также обеспечения безопасности всем лицам, находящимся на судне, в том числе и посредством задержания подозреваемого.

Осуществление привлечения защитника в условиях изолированности места нахождения подозреваемого по понятным причинам сопряжено с определенными трудностями.

Безусловно, в период, когда была создана Инструкция, не могло идти и речи о стабильной, постоянной связи с сушей, в связи с этим законодатель на тот момент ограничился самым необходимым взаимодействием капитана с уполномоченными лицами (прокурором и консулом, при необходимости). Однако уровень развития технологий в настоящее время позволяет посредством спутниковой связи обеспечить стабильное интернет-соединение даже на кораблях, находящихся на существенном удалении от береговой линии.

В связи с этим, а также тем обстоятельством, что с февраля 2025 г. законодатель внес изменения в ст. 18 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стра-

жей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в ч. 4.1, ст. 49 и в п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ, в которых официально закрепил возможность проведения свиданий подозреваемого и защитника с использованием видео-конференц-связи, представляется целесообразным применить такое решение и для ситуации, когда необходимо обеспечить право на защиту подозреваемого, находящегося на судне.

Обеспечение возможности ознакомления защитника с материалами и ходом предварительного расследования в современных условиях развития технологий также не представляет собой проблемы.

Заключение

Таким образом, порядок предварительного расследования на морских суднах, а также регламентация действий лица, выполняющего функции органа дознания, в условиях дальнего плавания нуждаются в существенной доработке со стороны законодателя.

Представляется необходимым создание новой Инструкции для капитанов морских судов, находящихся в дальнем плавании, которая бы наиболее полно соответствовала действующему уголовно-процессуальному законодательству. В том числе современная Инструкция должна наравне с предыдущей подробно регламентировать порядок действий капитана при выполнении им функции органа дознания. Помимо этого, в текст Инструкции необходимо включить положения об условии содержания подозреваемого в случае необходимости его изоляции, а также порядок обеспечения участия защитника при проведении предварительного расследования преступления, совершенного на морском судне, находящемся в дальнем плавании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безлепкин, Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Б. Т. Безлепкин. – 14-е изд. – М. : Проспект, 2018. – 607 с.

2. Гуцуляк, В. Н. Уголовно-процессуальные полномочия капитана российского морского судна: национальное и международно-правовое регулирование / В. Н. Гуцуляк // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – № 4. – С. 190–208.

3. Кабельков, С. Н. Корреляция этимологического содержания понятия «неотложности» как персонификации оценочной категории с юридической природой института неотложных следственных действий / С. Н. Кабельков, Г. Л. Григолия // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 49–54. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.7

4. Кузора, С. А. Проблемы расследования преступлений, совершенных на борту морского судна / С. А. Кузора // Закон и право. – 2025. – № 10. – С. 229–232. – DOI: 10.24412/2073-3313-2025-10-229-232

5. Пыленко, И. П. Капитан судна как орган дознания по уголовным делам и его полномочия / И. П. Пыленко, Е. А. Федорова // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. – 2019. – № 3 (10). – С. 85–95.

6. Стельмах, В. Ю. Особенности уголовно-процессуальной деятельности в дальнем плавании, на территории экспедиций и зимовок, в Антарктике, на территории дипломатических и консульских представительств Российской Федерации // Журнал российского права. – 2017. – № 6 (246). – С. 125–133. – DOI: 10.12737/article_59240ca9b171e6.84005490

REFERENCES

1. Bezlepkin B.T. *Kommentariy k Ugolovno-processualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 607 p.

2. Gutsulyak V.N. Ugolovno-protsessualnye polnomochiya kapitana rossiyskogo morskogo sudna: natsionalnoe i mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie [Criminal Procedural Powers of the Captain of a Russian Naval Vessel: National and International Legal Regulation]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2018, no. 4, pp. 190-208.

3. Kabelkov S.N., Grigoliya G.L. Korrelyatsiya etimologicheskogo soderzhaniya ponyatiya «neotlozhnosti» kak personifikatsii otsenochnoy kategorii s yuridicheskoy prirodoy instituta neotlozhnykh sledstvennykh deystviy

[Correlation of Etymological Meaning of the Concept of "Urgency" as the Personification of the Evaluative Category, with the Legal Nature of the Institution of Urgent Investigative Actions]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma,* 2019, vol. 18, no. 2, pp. 49-54. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.7

4. Kuzora S.A. Problemy rassledovaniya prestupleniy, sovershennykh na bortu morskogo sudna [Problems of Investigation of Crimes Committed on Board a Marine Vessel]. *Zakon i pravo* [Justice and Law], 2025, no. 10, pp. 229-232. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-10-229-232

5. Pylenko I.P., Fedorova E.A. Kapitan sudna kak organ doznaniya po ugolovnym delam i ego polnomochiya [The Captain of the Vessel as a Body of Inquiry in Criminal Matters and His Powers]. *Kubanskoe agentstvo sudebnoy informatsii PRO-SUD-123.RU: Yuridicheskiy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Kuban Judicial Information Agency PRO-SUD-123.RU: Legal Online Electronic Scientific Journal], 2019, no. 3 (10), pp. 85-95.

6. Stelmakh V.Yu. Osobennosti ugolovno-protsessualnoy deyatelnosti v dalnem plavanii, na territorii ekspeditsiy i zimovok, v Antarktike, na territorii diplomaticheskikh i konsulskikh predstavitelstv Rossiyskoy Federatsii [Features of Criminal Procedural Activity in Long-Distance Navigation, on the Territory of Expeditions and Wintering Grounds, in Antarctica, on the Territory of Diplomatic and Consular Missions of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2017, no. 6, pp. 125-133. DOI: 10.12737/article_59240ca9b171e6.84005490

Information About the Author

Irina V. Shelehova, Postgraduate Student, Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination, South Ural State University, Prosp. Lenina, 76, 454080 Chelyabinsk, Russian Federation, shelehova.iv01@gmail.com, https://orcid.org/0009-0004-8808-1382

Информация об авторе

Ирина Владимировна Шелехова, аспирант кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы, Южно-Уральский государственный университет, просп. Ленина, 76, 454080 г. Челябинск, Российская Федерация, shelehova.iv01@gmail.com, https://orcid.org/0009-0004-8808-1382

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.17

UDC 340.11
LBC 67.0

Submitted: 31.03.2026
Accepted: 01.06.2026

DEBATABLE ISSUES OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE BY COURTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Julia A. Gavrilova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the topic of using artificial intelligence in judicial activity is extremely relevant due to its direct connection with the processes of digitalization of the socio-economic and legal spheres of society. The transformation of methods and technologies of judicial work under the conditions of the formation and development of the digital society appears inevitable and entails both advantages and risks. The digital environment imposes new demands on humans and forces a rethinking of the procedural functions of the court and the participants in legal proceedings. The **purpose** is to formulate a general approach to a comprehensive study of the use of artificial intelligence in the administration of justice. The **tasks** are to analyze the correlation between human and artificial intelligence, to determine the principles of their operation, and to search for models of legislative regulation of the use of artificial intelligence by courts. **Methods:** the paper uses the formal-legal, concrete-sociological, modeling, logical and heuristic search, and forecasting methods. **Results:** the author believes that artificial intelligence copes well with routine tasks of processing and analyzing legally significant information, creating automated document forms, and setting up web services. The paper analyzes ethical, philosophical, and legal risks of replacing a human judge with artificial intelligence systems and proposes amendments to the legislation, as well as solutions to the problems of authorship of machine-created results of intellectual activity, taking into account judicial approaches and liability for harm caused to people. **Conclusions:** the use of artificial intelligence in judicial activity should be associated with resolving technical and procedural issues of justice, rather than the fundamental core problems of dispute resolution and sentencing. The main role in these processes belongs to humans, since legality, fairness, and humanism are the foundation of justice, and without the embodiment of these symbolic attributes in judicial practice, justice cannot be realized.

Key words: judicial activity, artificial intelligence, human intelligence, automation, language processing, copyright, liability.

Citation. Gavrilova Ju.A. Debatable Issues of the Use of Artificial Intelligence by Courts in the Russian Federation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 128-136. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.17

УДК 340.11
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 31.03.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА СУДАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Юлия Александровна Гаврилова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

© Гаврилова Ю.А., 2026

Введение: тема использования искусственного интеллекта в судебной деятельности является чрезвычайно актуальной ввиду ее непосредственной связи с процессами цифровизации социально-экономической и правовой сферы жизни общества. Трансформация методов и технологий судебной работы в условиях становления и развития цифрового общества представляется неизбежной, влечет преимущества и риски. Цифровая среда предъявляет человеку новые требования, заставляет переосмысливать процессуальные функции суда и участников судопроизводства. **Цель исследования** – формулирование общего подхода к всестороннему изучению применения искусственного интеллекта при осуществлении правосудия. **Задачи**

исследования – анализ соотношения человеческого и искусственного интеллекта, определение принципов их работы, поиск моделей законодательного регулирования применения искусственного интеллекта судами. **Методы:** в статье используются методы формально-юридический, конкретно-социологический, моделирование, логического и эвристического поиска, прогнозирование. **Результаты:** автор считает, что искусственный интеллект хорошо справляется с рутинными задачами обработки и анализа юридически значимой информации, создания автоматизированных форм документов, налаживанием работы веб-сервисов. Анализируются этические, философские и правовые риски подмены судьи-человека системами искусственного интеллекта, предлагаются изменения в законодательство, решение проблем авторства на созданные машиной результаты интеллектуальной деятельности с учетом судебных подходов и ответственности за причиненный людям вред. **Выводы:** использование искусственного интеллекта в судебной деятельности должно связываться с решением технико-процедурных вопросов правосудия, а не существенных коренных проблем разрешения споров и назначения наказания. Главную роль в данных процессах играет человек, поскольку законность, справедливость и гуманизм – это основа правосудия, и без воплощения в судебной практике этих символических атрибутов правосудие не может состояться.

Ключевые слова: судебная деятельность, искусственный интеллект, человеческий интеллект, автоматизация, обработка языка, авторское право, ответственность.

Цитирование. Гаврилова Ю. А. Дискуссионные вопросы применения искусственного интеллекта судами в Российской Федерации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 128–136. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.17

Введение

Человеческое общество находится на цифровом этапе развития цивилизации, где общественные отношения стремительно изменяют состав участников, конфигурацию и масштабы протекания. Темпы развития общества увеличиваются благодаря применению цифровых технологий, среди которых учеными и практиками выделяется искусственный интеллект (далее – ИИ). Правовая сфера общественных отношений – это одна из сфер жизни общества, где ИИ имеет огромный потенциал: возможность обработки больших массивов данных быстро, интенсивно, качественно, с экономией значительных временных и физических, материальных и психологических ресурсов юристов. Автоматизированная обработка юридически значимой информации позволит перевести юридическую профессию на качественно новый уровень, связанный с максимальным проявлением творческих и профессиональных способностей юриста.

Традиционно считается, что ИИ используется в судах при поиске нормативного материала для разрешения судебного дела, оказании справочной и консультационной помощи судьям, практическим работникам, но сфера его применения неуклонно расширяется. В контексте современной цифровизации данная проблема имеет существенное теоретическое и практическое значение в судебной практике и деятельности всех юристов. Вследствие этого обращение к этой неоднозначной и сложной теме представляется весьма актуальным.

Понятие ИИ и его соотношение с человеческим интеллектом

ИИ постоянно сравнивается с естественным человеческим интеллектом. Человеческий интеллект – это интегральная характеристика масштаба интеллектуальных способностей и потенций человеческого мозга к запоминанию и обработке информации, освоению и закреплению навыков и умений выживать в максимально непредсказуемых, сложных и разнообразных условиях, сохраняя при этом способность к самосохранению и эволюции. Интеллект является психическим феноменом в жизни человека, который может быть измерен (всемирно известный тест IQ) и смоделирован. Философ моделирует его как «приспосабливающийся» к среде интеллект (эмпирическая проверка, рассуждение, рефлексия), социолог и культуролог видят в нем новую понятийно-символическую коммуникацию, математик – компьютерную базу данных знаний, представлений и т. д.

Многогранность человеческого интеллекта предопределила его классификацию на виды в зависимости от доминирующего фактора в умственной деятельности человека: 1) вербальный (уровень владения языком и культуры речи); 2) сенсомоторный интеллект (перевод

отдельных телесных ощущений в когнитивные функции без языка); 3) когнитивный (шаблонно-процедурное знание, интегрирующее все психические функции в жизни человека).

Большинство ученых считают, что характер человеческого интеллекта во многом определяется как его личностно-психологическими качествами (потребности, эмоции, цели и т. д.), так и социальным окружением: положительное воздействие развивает интеллектуальные способности, а негативное – замедляет интеллект в развитии, ограничивает умственные возможности человека. Объем интеллекта в известной мере зависит от размера мозга человека, хотя данное соотношение исторически изменчиво и между этими величинами нет строгой прямой зависимости [6, с. 77].

Анализ универсальной синтетической способности человека к познанию, пониманию и освоению окружающей действительности (человеческого интеллекта) позволяет оценить всю сложность и необычность такого явления, как ИИ. Диапазон представлений об ИИ в нашей стране существенно эволюционировал. Думается, что при всей близости к человеческому интеллекту ИИ пока не обладает всеми признаками универсального интеллекта, что характеризует недостаточную сформированность теории ИИ и ее практическую неопределенность.

Сегодня в Российской Федерации используется три подхода к регулированию ИИ: 1) дозволительный – использование традиционных понятий для существующих технологий ИИ; 2) пониженный разрешительный – классификация систем ИИ по областям применения и потенциально вредному воздействию на человека и общество; 3) основной разрешительный – лицензирование, тестирование, разрешение или запрет эксплуатации ИИ. На наш взгляд, следует применять комплексный подход, в котором основные понятия и принципы регулирования ИИ будут корректироваться по мере появления новых вызовов и проблем юридической практики.

ИИ в судебной деятельности: новый судья или помощник человека?

Проблема использования ИИ в судебном правоприменении характеризуется все более возрастающей остротой и актуальностью, так как применение правовых норм судами способно существенно затрагивать конституционные права и свободы граждан. В силу этого важно определить природу и правовой статус ИИ с точки зрения правоприменителя, механизм оценки результатов его деятельности, доказательную силу, особенности использования и риски применения.

Одной из востребованных сфер использования ИИ в судопроизводстве является уже не столько подача в электронной форме, сколько автоматизированное заполнение судебных документов. Так, актуально предложение создать в рамках портала ГАС «Правосудие» автоматизированную программу, которая позволит вводить в определенной последовательности сведения и обстоятельства, имеющие значение для подготовки и рассмотрения искового заявления, прикрепить электронные документы. После ввода всех необходимых данных система ИИ проверяет соблюдение нормативных требований и формирует файл электронного искового заявления, автоматически отправляемого в суд, при наличии технической возможности – ответчику. При этом разумным выглядит внесение изменений в ГПК РФ и АПК РФ о невозможности оставить без движения, отказать в принятии, возвратить исковое заявление, поскольку основания для этого система ИИ проверяет автоматически, при наличии этих оснований исковое заявление не может быть сформировано с технической стороны [2, с. 264].

В судебной практике исходят из того, что внедрение ИИ в общественные отношения требует правовой регламентации. Научно-технический прогресс заставляет судей при разрешении смежных споров рассматривать отдельные аспекты результатов интеллектуальной деятельности ИИ, возникновения правопритязаний на объекты, созданные с помощью системы ИИ. Отсутствие специального регулирования означает, что суды стараются приспосабливать действующие нормы ГК РФ к новым отношениям, включая ИИ как вспомогательную технологию в состав результатов творческого труда человека, что выглядит логичным [3, с. 96–97]. Исключение этих результатов из объектов авторского права означает допустимую возможность признания их

объектом патентного, изобретательского права, коммерческого обозначения и т. д.

Весьма характерной в правовой литературе является дискуссия об общей роли ИИ в правосудии. В судебной практике обсуждается риск подмены личности судьи машинным ИИ при вынесении судебных актов. Например, в Китайской Народной Республике ИИ давно заменяет судью по ряду типичных дел, и китайские ученые и судьи считают это неминуемым последствием развития ИИ. Аналогичной точки зрения придерживаются и некоторые российские ученые, полагающие возможность и допустимость замены судьи ИИ-машиной, видя в этом больше преимуществ, чем рисков.

Все-таки более безопасным представляется другой подход, где ИИ имеет юридически закрепленные ограничения, может оказывать судье лишь информационно-аналитическую помощь, поскольку имеет сходство логико-рациональной основы принятия решений с человеком, но проигрывает в чувственно-эмоциональной составляющей, необходимой для вынесения решения правоприменителем. Совмещение двух подходов возможно, по мнению В.К. Андреева, когда ИИ внедряется в судопроизводство постепенно и последовательно, без лишнего «шума»: судебная практика – это гигантская база больших данных, представляющих собой совокупность взаимосвязанных позиций судов по конкретным делам, в поиске которых судье и работникам судов помогает ИИ [1, с. 80–82].

Несмотря на улучшение судебной деятельности посредством быстрого поиска судебных прецедентов, полная замена судьи на машину не только проблематична, но и опасна. ИИ в основном логически находит основания для успешного понимания и применения закона, но для качественного правосудия необходим четко взвешенный перечень факторов, учитываемых при принятии решения, знание этических и психологических основ человеческой коммуникации, что бездушной системе ИИ неподвластно.

Так, в процессе расследования и рассмотрения уголовных дел основополагающее значение имеет институт оценки доказательств. Доказательства оцениваются человеком не просто по внутреннему убеждению, а в соответствии с требованиями относимости, допустимости, достоверности и достаточности, что определяется в каждом конкретном случае. При этом данный процесс зачастую связан с известной долей усмотрения в трактовке фактических обстоятельств (было / не было; реальная / мнимая угроза; тяжкие / ординарные последствия и т. п.). Ввиду текущей ограниченности базы данных ИИ каждый раз будут появляться обстоятельства, не предусмотренные алгоритмами обучения ИИ. К тому же оценка «типичности» доказательства, заложенная в алгоритм, оценивается автором алгоритма при его создании, а оценка конкретного доказательства на практике проводится судьей, что может не совпасть и делает результаты применения ИИ судом менее предсказуемыми и релевантными.

Далее при осуществлении квалификации преступления судья должен полностью и достоверно установить фактические обстоятельства и выбрать подлежащие применению правовые нормы. В связи с тем, что обстоятельства каждого преступления уникальны, типовой алгоритм правовой оценки этих обстоятельств не будет охватывать все возможные варианты. Отсюда, как нам представляется, ИИ всегда будет отставать в учете всех реальных переменных процедуры юридической квалификации, а сложные вопросы разрешения коллизии и конкуренции правовых норм, преодоления пробелов в праве и т. д. эффективно решаются лишь человеком-судьей.

Наконец, при назначении уголовного наказания в соответствии со ст. 60 УК РФ судья должен учитывать количественные и качественные характеристики общественной опасности преступления, характеризующие личность подсудимого сведения, а также совокупность обстоятельств уголовного дела, индивидуализирующих его ответственность. Здесь ИИ может оказать поддержку в принятии решения. Однако процесс принятия решения осуществляется на основе правосознания судьи, трудно подвергаемого алгоритмизации, при широчайшем разнообразии нравственно-психологических и профессионально-деловых человеческих качеств судей.

В то же время ИИ может быть весьма полезен в рамках альтернативных онлайн-способов разрешения споров для сокращения

времени разбирательства, повышения эффективности бизнеса, разгрузки государственных судов. В этом значении ИИ может восприниматься участниками цифровых платформ как своеобразный «третейский» судья, но в таком случае все вышеназванные риски вынесения необоснованного решения стороны берут на себя. Давая согласие на разбирательство дел с помощью ИИ, стороны должны быть убеждены в возможности понимания и объяснения результатов принятого решения ИИ. В свою очередь, невысокий уровень развития полностью «объяснимого» ИИ и эвристический характер этой новой технологии не позволят сохранить полную уверенность в справедливости такого онлайн-правосудия, в чем видится предел соответствующих возможностей.

Анализ данных судебной практики показывает, что ИИ не находит пока всеобъемлющего и прочного применения в судебной деятельности, но практика судов уже содержит анализ и оценку сведений, полученных с помощью ИИ, влияющих на правильность выводов суда, обоснованность произведенных расчетов. По мере развития технологий ИИ вероятность обращения судов к специальным усиленным возможностям ИИ будет лишь возрастать.

Обратимся к интересному делу в судебной практике. Кассационным определением Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 03.03.2026 № 77-594/2026 (УИД 23RS0015-01-2024-003915-13) оставлены без изменения судебные акты первой и апелляционной инстанций. В кассационной жалобе адвокат осужденного ставил вопрос об отмене приговора ввиду наличия в его тексте отдельных фрагментов, которые по заключению специалиста-лингвиста не были написаны и осмыслены непосредственно самим судьей. Адвокат утверждал, что они могли быть включены механически (без тщательного разбора и оценки с применением внутреннего убеждения), что свидетельствует о составлении приговора с использованием технологий ИИ [1].

Отказывая в удовлетворении кассационной жалобы, суд кассационной инстанции привел всю последовательность действий судей по постановлению приговора, отраженную в материалах дела, и, сославшись на нормы УПК РФ, признал необоснованными утверждения адвоката о факте роботизации правосудия. Дополнительно указал на определение ИИ в нормативных актах, в том числе отсутствие в законе запрета составлять приговор с помощью технических средств и с использованием справочно-информационной системы нормативных актов и судебной практики.

На наш взгляд, адвокат в кассационной жалобе и не оспаривал факт изготовления приговора с помощью компьютера и информационно-правовой системы, он говорил совсем о другом: наличии фрагментов сгенерированного ИИ текста в приговоре, что ставило под сомнение самостоятельность и значимость итогового процессуального документа по делу, серьезно влияющего на судьбу осужденного лица. По существу, суд кассационной инстанции уклонился от рассмотрения доводов жалобы в этой части, нарушив права осужденного.

Для предотвращения подобных ситуаций, учитывая возможность их дальнейшего распространения, необходимо отрегулировать этот вопрос в судебной практике с перспективой дополнения законодательства. Технологии обработки естественного языка (NLP) позволяют на современном уровне провести судебную экспертизу (компьютерный анализ текста) и выявить его содержательно-смысловые блоки, созданные ИИ. Другой вопрос в рекомендательном характере или обязательности такого требования. На данный момент ввиду малочисленности практики нет достаточных оснований для императивного подхода к решению вопроса, но нужно иметь в виду, что это лишь один из первых случаев, когда заинтересованные лица осмелились об этом заявить в жалобе, а сколько таких случаев остались латентными?

Говоря о важности разрешения этой проблемы, мы исходим из презумпции качественного и добросовестного выполнения судьями своих профессиональных обязанностей, однако факт использования ИИ при составлении приговора нельзя исключать в силу соблазнов, которые дарит нам цифровая эпоха. С моральной точки зрения намеренное включение в приговор сгенерированных ИИ ключевых фрагментов текста, затрагивающих вопросы толкования уголовно-правовых норм, квалификации преступления, назначения наказания и пр., означает дискредитацию правосудия в обществе.

Это вызывает закономерные вопросы о присутствии в судейском сообществе людей, которые получают высокий уровень материального обеспечения за осуществление правосудия и не удосуживаются вникнуть в обстоятельства дела, доверяя вслепую машине.

На наш взгляд, решение этого вопроса возможно по мере развития технологий автоматического анализа набранного текста с одновременной записью в лог-журнале проведенных операций и проверкой с помощью специальных программ-детекторов работы ИИ. Однако эти нюансы должны быть признаны и одобрены судейским, экспертным сообществом и законодателем. И делать это нужно как можно быстрее.

Проблемы авторства ИИ на результаты интеллектуальной деятельности и ответственности за причиненный человеку вред

Внедрение ИИ в судебную практику должно ориентироваться не только на упрощенное их тестирование и скорость внедрения, но и этическую гуманитарную экспертизу, основанную на традиционных общечеловеческих ценностях [4, с. 110]. Поэтому мы вынуждены указать еще на две большие проблемы применения ИИ в правосудии современной России:

1) проблема так называемого «авторства» ИИ в процессе создания подобных человеку результатов интеллектуальной деятельности и разрешение связанных с этим споров;

2) ответственности ИИ за вред, причиненный человеку.

Думается, что вопрос о правах ИИ на результаты интеллектуальной деятельности, сгенерированные с помощью нейросетей и иных систем ИИ, определяется решением коренной проблемы, является ли ИИ вообще субъектом права. И в зависимости от ответа на первый вопрос решается и второй.

Как справедливо отмечено, для обладания авторскими и творческими правами ИИ должен наделяться человеком юридическими правами и обязанностями [10, с. 15]. Однако это предполагает включение ИИ в гражданский оборот, предоставление ему возможности выступать в нем от «своего» (?) имени, заключать в таком качестве сделки и выполнять другие действия. Однако так ли это? Ведь во многих случаях, когда мы рассуждаем о правах ИИ в гражданском обороте, мы смешиваем два вопроса: о самом ИИ и правах человека на тот материальный носитель, который содержит элементы этого ИИ.

Наделение ИИ статусом так называемого технического лица, «электронного лица» и т. д. тоже не дает возможностей решить все связанные с этим трудности. Возникает сомнение: надо ли это самому ИИ? У ИИ отсутствует заинтересованность в приобретении авторских прав на свои произведения, мотивация распоряжения созданными материальными и виртуальными объектами.

Спорным является предложение разработки некоторых «эталонных» систем, существование которых позволит просто автоматически разграничивать создаваемые авторские права человеком и системой ИИ [9, с. 83]. Спрогнозировать появление алгоритма присвоения такого правового статуса в настоящее время не представляется возможным, человек не может это предвидеть при современном уровне развития технологий.

Можно предположить, что пока центром современной правовой системы является человек, нет разумных причин выдвигать на это место или, по крайней мере, на равное с человеком место систему ИИ. В этой связи логичным представляется считать ИИ вспомогательной технологией, используемой при создании новых или изменении существующих произведений науки, литературы и искусства. Авторство на такие произведения принадлежит собственнику материального носителя, в который встроен ИИ, при условии соблюдения смежных авторских прав сторонних разработчиков.

Решение этого вопроса законодателем не принимается, возможно, по причине частичного регулирования вопроса в действующем ГК РФ в части общих положений авторского права [5, с. 277].

Аналогичным образом должен решаться вопрос в судебной практике о так называемой «ответственности» ИИ за вред, причинен-

ный жизни, здоровью, имуществу потребителя или организации, которые взаимодействуют с ИИ. Здесь сложилось два противоположных подхода: субъект ответственности за вред – человек, создавший ИИ; субъект ответственности за вред – сама система ИИ, так как она является высокоавтоматизированной и наделена функциями по распознаванию негативных ситуаций.

Авторы, признающие правосубъектным в вопросах ответственности ИИ, апеллируют к тому, что он представляет собой волевой автономный субъект, допускающий в практических целях наделение его общей юридической деликтоспособностью [7]. Вместе с тем при наличии достаточной степени автономности даже «слабого» ИИ обладание им волей не доказано наукой, а поэтому говорить о его ответственности преждевременно. К тому же ссылка на прогнозы развития технологий ИИ на ближайшие годы, обосновывающая наделение его правосубъектностью, есть довод общесоциологический, а не юридический. И решать эти проблемы следует тогда, когда развитие технологий ИИ реально дойдет до соответствующей стадии.

Исходя из этого, мнение о человеке как создателе, пользователе, разработчике, инженере системы ИИ и конечном субъекте ответственности за причиненный ИИ вред является правильным [8, с. 52–53]. Именно человек – обладатель системы моральных ценностей, позволяющих ему весьма ответственно подходить к процессу социального проектирования и воплощения в судебную практику ИИ. Концептуально только человек имеет сознание, волю и потенциал самостоятельного выбора решения в ситуации правовой неопределенности. В частности, создатель нейронной сети, определяющий входные признаки и вес признаков, поступающих в содержание системы ИИ, и должен нести юридическую ответственность за причиненный ИИ вред. Личность человека с этической точки зрения и здесь имеет решающее значение.

Выводы

Главные достоинства ИИ в правосудии усматриваются в максимизации эффективности судебной практики при одновременной минимизации временных и интеллектуальных затрат человека, повышении производительности человеческого труда посредством внедрения ИИ в технологии судебной деятельности. Для судьи ИИ – это, прежде всего, автоматизация рутинных задач в судопроизводстве, альтернативные онлайн-способы разрешения споров, судебная аналитика поддержки принятия и обеспечения предсказуемости судебных решений. Использование ИИ в вопросах оценки доказательств, квалификации фактических обстоятельств, определения сущности и объемов применения юридической ответственности вряд ли допустимо, поскольку поставит крест на идее правосудия, олицетворяемого со справедливостью, и разрушит его большой правозащитный потенциал.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrf.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, В. К. О применении искусственного интеллекта в судебной деятельности / В. К. Андреев // Российское правосудие. – 2023. – № 3. – С. 78–83. – DOI: 10.37399/issn2072-909X.2023.3.78-83

2. Баринов, А. В. Автоматизация юридических действий и применение технологий искусственного интеллекта при принятии искового заявления / А. В. Баринов, Ю. Г. Новичкова, Н. А. Хорошева // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 3 (231). – С. 261–265. – DOI: 10.47643/1815-1329_2024_3_261

3. Богустов, А. А. Определение юридической природы результатов деятельности искусственного интеллекта в судебной практике / А. А. Богустов // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2024. – № 3. – С. 87–98.

4. Гаврилова, Ю. А. Правовые проблемы развития цифровых технологий в Российской Федерации / Ю. А. Гаврилова, Д. А. Гаврилов, Н. А. Калашникова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 105–112. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.15

5. Гафарова, А. А. Юридическая проблематика правового статуса субъектов авторского права на результаты деятельности искусственного интеллекта / А. А. Гафарова // Информационные технологии в юридической деятельности: теле-право : монография. – М. : Проспект, 2024. – С. 272–278.

6. Голенков, В. В. Перспективные направления применения искусственного интеллекта в юридической деятельности: технологические аспекты / В. В. Голенков, Н. А. Гулякина, Д. В. Шункевич // Право.by. – 2023. – № 5 (85). – С. 75–83.

7. Зенин, С. С. Категория «юридическая ответственность» в контексте ее применения к системам искусственного интеллекта / С. С. Зенин, И. М. Япрынцев, Л. В. Иванова // Государство и право. – 2024. – № 11. – С. 163–173. – DOI: 10.31857/S1026945224110145

8. Федорук, Е. О. Концептуальные основы юридической ответственности в сфере применения искусственного интеллекта / Е. О. Федорук // Юридическая наука. – 2024. – № 7. – С. 50–54.

9. Филин, В. К. Проблемы определения статуса искусственного интеллекта и результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых искусственным интеллектом / В. К. Филин // Национальная безопасность России: внутренние и внешние угрозы : сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (с Междунар. участием). – Пенза : Пенз. гос. ун-т, 2023. – С. 81–84.

10. Хасанов, Э. Р. Искусственный интеллект, а также результаты творческой деятельности искусственного интеллекта как объекты авторских прав / Э. Р. Хасанов // Аграрное и земельное право. – 2021. – № 4 (196). – С. 14–18. – DOI: 10.47643/1815-1329_2021_4_14

REFERENCES

1. Andreev V.K. O primenenii iskusstvennogo intellekta v sudebnoy deyatelnosti [On the Use of Artificial Intelligence in Judicial Activity]. *Rossiyskoe pravosudie*, 2023, no. 3, pp. 78-83. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2023.3.78-83

2. Barinov A.V., Novichkova Yu.G., Khorosheva N.A. Avtomatizatsiya yuridicheskikh deystviy i primenenie tekhnologiy iskusstvennogo intellekta pri prinyatii iskovogo zayavleniya [Automation of Legal Actions and the Use of Artificial Intelligence Technologies When Accepting a Claim]. *Agrarnoe i zemelnoe pravo* [Agrarian and Land Law], 2024, no. 231 (3), pp. 261-265. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_3_261

3. Bogustov A.A. Opredelenie yuridicheskoy prirody rezultatov deyatelnosti iskusstvennogo intellekta v sudebnoy praktike [Definition of the Legal Nature of the Results of Artificial Intelligence in Judicial Ppractice]. *Kopirayt (vestnik Akademii intellektualnoy sobstvennosti)* [Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property)], 2024, no. 3, pp. 87-98.

4. Gavrilova Yu.A., Gavrilov D.A., Kalashnikova N.A. Pravovye problemy razvitiya tsifrovykh tekhnologiy v Rossiyskoy Federatsii [Legal Problems of Digital Technology Development in the Russian Federation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 105-112. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.15

5. Gafarova A.A. Yuridicheskaya problematika pravovogo statusa sub'ektov avtorskogo prava na rezultaty deyatelnosti iskusstvennogo intellekta [Legal Problems of the Legal Status of Subjects of Copyright on the Results of Artificial Intelligence]. *Informatsionnye tekhnologii v yuridicheskoy deyatelnosti: tele-pravo: monografiya* [Information Technologies in Legal Activity: Tele-Law. Monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2024, pp. 272-278.

6. Golenkov V.V., Gulyakina N.A., Shunkevich D.V. Perspektivnye napravleniya primeneniya iskusstvennogo intellekta v yuridicheskoy deyatelnosti: tekhnologicheskie aspekty [Promising Areas of Application of Artificial Intelligence in Legal Activity: Technological Aspects]. *Pravo.by*, 2023, no. 5 (85), pp. 75-83.

7. Zenin S.S., Yapryntsev I.M., Ivanova L.V. Kategoriya «yuridicheskaya otvetstvennost» v kontekste ee primeneniya k sistemam iskusstvennogo intellekta [The Category of "Legal Responsibility" in the Context of Its Application to Artificial Intelligence Systems]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2024, no. 11, pp. 163-173. DOI: 10.31857/S1026945224110145

8. Fedoruk E.O. Konceptualnye osnovy yuridicheskoy otvetstvennosti v sfere primeneniya iskusstvennogo intellekta [Conceptual Foundations of Legal Responsibility in the Field of Applications of Artificial Intelligence]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2024, no. 7, pp. 50-54.

9. Filin V.K. Problemy opredeleniya statusa iskusstvennogo intellekta i rezultatov intellektualnoy deyatelnosti, sozdavaemykh iskusstvennym intellektom [Problems of Determining the Status of Artificial Intelligence and the Results of Intellectual Activity Created by Artificial Intelligence]. *Natscionalnaya bezopasnost Rossii: vnutrennie i vneshnie ugrozy: sb. st. po materialam Vseros. nauch.-prakt. konf. (s Mezhdunar. uchastiem)* [National Security of Russia: Internal and External Threats. Collection of Articles Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (With International Participation)]. Penza, Penz. gos. un-t, 2023, pp. 81-84.

10. Khasanov E.R. Iskusstvenny intellekt, a takzhe rezultaty tvorcheskoy deyatelnosti iskusstvennogo intellekta kak ob'ekty avtorskikh prav [Artificial Intelligence, as Well as the Results of Creative Activity of Artificial Intelligence as Objects of Copyright]. *Agrarnoe i zemelnoe pravo* [Agrarian and Land Law], 2021, no. 4 (196), pp. 14-18. DOI: 10.47643/1815-1329_2021_4_14

Information About the Author

Julia A. Gavrilova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gavrilova_ua@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-8055-4710

Информация об авторе

Юлия Александровна Гаврилова, кандидат юридических наук, доцент кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gavrilova_ua@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-8055-4710

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.18

UDC 343.13
LBC 67.410.2-32

Submitted: 08.05.2026
Accepted: 01.06.2026

PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT IN RUSSIA: FROM DECLARATION TO REAL PROTECTION (CRISIS AND REFORMS)

Ekaterina A. Oleynik

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the institution of a pre-trial cooperation agreement was introduced into the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in 2009 as a tool to combat organized crime, providing for mitigation of punishment in exchange for incriminating testimony. However, 17 years later, its law-enforcement potential remains extremely low. Empirical data indicate systemic deformations, distrust on the part of investigators, and the actual ineffectiveness of a number of norms. The most acute problem is the lack of real security mechanisms for the cooperating person, which calls into question the very possibility of the effective application of this institution. **Purpose:** to identify systemic crisis phenomena in the implementation of the institution of pre-trial cooperation agreements in the Russian criminal process and to develop directions for its reform, primarily in terms of ensuring the security of the person cooperating with justice. **Methods:** the methodological framework is based on the dialectical method of scientific cognition. The general scientific methods (analysis, synthesis, systemic approach, and logical modeling) and the specific scientific methods (formal-legal, sociological (questionnaire survey), and statistical) were used. **Results:** the paper analyzes the state of the institution of pre-trial cooperation agreements in Russia based on a survey of 393 preliminary investigation officers from 23 regions. It examines three stages of development of the legislation on the protection of participants in proceedings. It identifies key defects: the impossibility of anonymizing a person whose identity is already known to accomplices, the ineffectiveness of case separation, the absence of differentiated security measures, the interdepartmental inconsistency, and the lack of funding. Specific amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are proposed: full anonymization, closed interrogation with voice modification, and a sealed volume containing personal data. **Conclusions:** without solving the basic problem of security of the person who has entered into a pre-trial cooperation agreement, any procedural novelties will remain declarations. 79% of respondents who doubt the possibility of protection are a signal to the system. The legislator has not created differentiated security measures for this category of participants.

Key words: pre-trial cooperation agreement, plea bargain, security measures, severance of a criminal case into separate proceedings, procedural status of a person.

Citation. Oleynik E.A. Pre-Trial Cooperation Agreement in Russia: From Declaration to Real Protection (Crisis and Reforms). *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 137-142. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.18

УДК 343.13
ББК 67.410.2-32

Дата поступления статьи: 08.05.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В РОССИИ: ОТ ДЕКЛАРАЦИИ К РЕАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ (КРИЗИС И РЕФОРМЫ)

Екатерина Андреевна Олейник

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

© Олейник Е.А., 2026

Введение: институт досудебного соглашения о сотрудничестве введен в УПК РФ в 2009 г. как инструмент противодействия организованной преступности, предполагающий смягчение наказания в обмен на изобличающие показания. Однако спустя 17 лет его правоприменительный потенциал остается крайне низким. Эмпирические данные свидетельствуют о системных деформациях, недоверии со стороны следователей и фактической бездейственности ряда норм. Наиболее острая проблема – отсутствие реальных механизмов

безопасности для сотрудничающего лица, что ставит под сомнение саму возможность эффективного применения этого института. **Цель и задачи исследования:** выявить системные кризисные явления в реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе и разработать направления его реформирования, прежде всего в части обеспечения безопасности лица, сотрудничающего с правосудием. **Методология исследования** основана на диалектическом методе научного познания. Использовались общенаучные (анализ, синтез, системный подход, логическое моделирование) и частнонаучные методы (формально-юридический, социологический (анкетирование), статистический). **Результаты:** в статье анализируется состояние института досудебного соглашения о сотрудничестве в России на основе опроса 393 сотрудников органов предварительного расследования из 23 регионов. Рассматриваются три этапа развития законодательства о защите участников процесса. Выявляются ключевые дефекты: невозможность анонимизации лица, чья личность уже известна соучастникам; неэффективность выделения дела; отсутствие дифференцированных мер безопасности; межведомственная несогласованность и отсутствие финансирования. Предлагаются конкретные изменения в УПК РФ: полная анонимизация, закрытый допрос с изменением голоса, засекреченный том с данными о личности. **Выводы:** без решения базовой проблемы безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, любые процессуальные новеллы останутся декларациями. 79 % респондентов, сомневающихся в возможности защиты, – это сигнал системе. Законодатель не создал дифференцированных мер безопасности для этой категории участников.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, сделка с правосудием, меры безопасности, выделение уголовного дела в отдельное производство, процессуальный статус лица.

Цитирование. Олейник Е. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве в России: от декларации к реальной защите (кризис и реформы) // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 137–142. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.18

Результаты

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве, введенный в УПК РФ Федеральным законом от 29.06.2009 № 141-ФЗ, рассматривался как один из ключевых инструментов противодействия организованной преступности. Предполагалось, что за счет смягчения наказания для лица, дающего изобличающие показания на соучастников, удастся выявлять и раскрывать сложные групповые преступления и восстанавливать причиненный ущерб. Однако, как показывает эмпирическая реальность, за 17 лет существования досудебного соглашения о сотрудничестве его правоприменительный потенциал остается крайне низким, а доверие со стороны следователей – минимальным.

Результаты проведенного эмпирического исследования, охватившего репрезентативную выборку из 393 сотрудников органов предварительного расследования в 23 субъектах Российской Федерации, позволяют констатировать наличие системных деформаций в правоприменительной практике, касающейся реализации особого процессуального статуса лиц, содействующих правосудию.

Подавляющее большинство респондентов (98 %) демонстрируют индифферентное отношение к существующему процессуальному статусу отдельных участников судопроизводства. В сочетании с выраженным недоверием к соответствующим правовым институтам (77 %) и признанием их несовершенства (73 %) это свидетельствует о глубоком разрыве между задекларированными законодателем целями и реальными механизмами их достижения.

Высокий показатель (84 %) респондентов, указывающих на несогласованность действий следственных и оперативных подразделений, подтверждает гипотезу о деструктивном влиянии ведомственной разобщенности на эффективность международного и внутригосударственного взаимодействия при расследовании уголовных дел.

Тот факт, что 84 % опрошенных никогда не применяли соответствующие нормы на практике, наряду с крайне малым количеством заключаемых досудебных соглашений о сотрудничестве, подтверждает наличие «мертвых» норм в действующем УПК РФ, требующих немедленной ревизии.

Опасения 79 % сотрудников относительно защищенности участников процесса указывают на неэффективность существующих мер государственной защиты, что выступает главным фактором, препятствующим привлечению таких лиц к сотрудничеству.

Количество рассмотренных судом дел в особом порядке, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ, незначительно. При этом в научной литературе и ведомственной аналитике все чаще звучат термины «кризис института досудебного соглашения о сотрудничестве», «декларативность гарантий», «правовая неопределенность».

Особую остроту этой проблеме придает то обстоятельство, что сотрудничающее лицо одновременно является и источником доказательств, и объектом потенциального неправомерного воздействия со стороны бывших соучастников. Именно безопасность такого лица становится препятствием, через которое не может пройти большинство потенциальных соглашений.

Обсуждение

Казалось бы, в УПК РФ предусматривается возможность применения мер безопасности в отношении участников уголовного процесса (ч. 8 ст. 208 УПК РФ).

Законодателем предусмотрены и иные процессуальные действия в целях обеспечения безопасности участников уголовного процесса: присвоение лицу псевдонима (ч. 9 ст. 166 УПК РФ), контроль и запись телефонных переговоров (ч. 2 ст. 186 УПК РФ), опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ), проведение судебного заседания в закрытом порядке (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ), проведение допроса в условиях, исключающих визуальное наблюдение (ч. 5 ст. 278 УПК РФ) [1, с. 97]. К данным мерам также следует отнести возможность проведения допроса в суде посредством видеоконференц-связи (ч. 5 ст. 241.1 УПК РФ).

Применение к иным подозреваемым и обвиняемым мер процессуального принуждения также можно рассматривать в качестве обеспечения безопасности лица, заключающего досудебное соглашение о сотрудничестве, в связи с возможным препятствием предварительному расследованию [4, с. 146].

Значительное внимание российским законодателем уделено процессуальным аспектам выделения дела (п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ) и особому порядку судебного разбирательства (ст. 317.7 УПК РФ). Однако изучение реально существующего механизма обеспечения безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, свидетельствует о кризисе данного института. Историю указанного вопроса также нельзя назвать безоблачной.

Первый этап был ориентирован на «профессиональных» участников процесса – должностных лиц, для которых участие в уголовном деле является служебной обязанностью, и связан с принятием Федерального закона от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов».

Потерпевшие, свидетели, а тем более подозреваемые и обвиняемые оставались за рамками его действия либо обеспечивались по остаточному принципу. При этом УПК РСФСР 1960 г. не содержал процессуальных механизмов сохранения конфиденциальности.

Второй этап ознаменовался принятием Федерального закона от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Этот акт впервые распространил меры безопасности (личную охрану, временное помещение в безопасное место, замену документов, изменение внешности, переселение) на всех участников процесса, включая подозреваемых и обвиняемых.

Третий этап – введение главы 40.1 УПК РФ, а затем ст. 56.1 и 281.1 УПК РФ, закрепивших процессуальный статус лица, в отношении которого дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве. Конституционный Суд РФ в постановлении от 20.07.2016 № 17-П подчеркнул особый статус такого лица: оно выступает одновременно обвиняемым по выделенному делу и фактическим свидетелем по основному. Из этого вытекает требование специфической процессуальной защиты, которая, как будет показано далее, реально отсутствует в действующем законодательстве.

Лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, по выделенному делу является обвиняемым – со всеми вытекающими правами, включая право не свидетельствовать против себя. Но по основному делу его показания фактически являются свидетельскими. Именно поэтому в постановлении

Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П подчеркнута необходимость особой процессуальной защиты. Однако ни УПК РФ, ни Федеральный закон от 20.08.2009 № 119-ФЗ не создают дифференцированных мер безопасности для этой категории участников.

Более того, если основное дело рассматривается в открытом судебном заседании, допрос лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, происходит в условиях, когда его личность уже установлена (как обвиняемого по выделенному делу, материалы которого могут быть истребованы). Применение ч. 5 ст. 278 УПК РФ (допрос свидетеля без оглашения подлинных анкетных данных и без визуального контакта) для такого лица юридически возможно только в том случае, если оно выступает в качестве свидетеля по основному делу. Однако в процессуальном смысле оно таковым не является, поскольку его показания – это показания обвиняемого по выделенному делу.

В 2023–2026 гг. нами был проведен опрос 393 следователей, дознавателей и руководителей следственных органов из 23 субъектов Российской Федерации.

Высказали сомнения в реальной возможности обеспечить безопасность (79 % респондентов) существующими средствами (выделение уголовного дела в отдельное производство, применение существующих мер безопасности).

Главной сложностью абсолютное большинство (76 % от числа ответивших) указало на невозможность обеспечения безопасности лица после дачи показаний, если оно остается в том же регионе и соучастники не изолированы.

Приведенные данные убедительно свидетельствуют о том, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве в его нынешнем виде не пользуется доверием и не применяется активно. Причины этого – в законодательных дефектах.

В частности, положения ч. 9 ст. 166 УПК РФ (использование псевдонима), ч. 5 ст. 278 УПК РФ (допрос свидетеля в условиях, исключающих визуальное наблюдение), п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ (закрытое судебное заседание) применимы к свидетелям и потерпевшим, чья личность изначально не была известна обвиняемым. В случае же с подозреваемым / обвиняемым, который вступает в досудебное соглашение о сотрудничестве, его личность, как правило, уже установлена и известна соучастникам (они совместно совершали преступление). Анонимность становится принципиально недостижимой. Более того, содержание показаний (детализация событий, время, место, роль каждого) позволяет соучастникам с высокой долей вероятности идентифицировать источник.

Выделение уголовного дела в отдельное производство (ст. 154 УПК РФ) в данном случае не решает проблемы, поскольку материалы выделенного дела не являются засекреченными для стороны защиты по основному делу. Однако уголовное дело следователем в любом случае будет выделяться, чтобы оно не было возвращено прокурору в судебных стадиях в порядке ст. 237 УПК РФ, согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 [1].

Следует согласиться с мнением, что выделение уголовного дела и хранение документов в опечатанном конверте не являются залогом безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве [5, с. 75]. Поэтому следует поддержать точку зрения Я.М. Плошкиной о праве, а не обязанности следователя выделять уголовное дело. Ею же высказаны сомнения относительно полноценности правосудия в случае выделения уголовного дела [3, с. 58, 64].

Изложенная точка зрения косвенно подтверждается И.С. Дикаревым, который доказывает сложное правовое положение лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, требующее специального регулирования со стороны отечественного законодателя [2, с. 40].

Федеральный закон от 20.08.2009 № 119-ФЗ предусматривает такие меры, как личная охрана, выдача оружия, временное помещение в безопасное место, переселение на другое место жительства, замена документов, изменение внешности. Однако на практике их применение сталкивается с непреодолимыми препятствиями, прежде всего отсутствием реального целевого финансирования (56 % респондентов, применявших положение о досудебном соглашении о сотрудничестве).

Для переселения необходимо согласование с миграционной службой (новое место жительства, регистрация), органами местного самоуправления (предоставление жилья), Росгвардией (охрана), ФСБ (при необходимости изменения документов). Единого координационного центра нет.

Как показал опрос, меры изоляции и переселения применяются в редких случаях и, как правило, в отношении потерпевших и свидетелей, но никак не подозреваемых и обвиняемых, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве.

Даже если лицо заключило досудебное соглашение о сотрудничестве, получило смягчение наказания (вплоть до условного) и направлено в исправительное учреждение, ни УИК РФ, ни ведомственные приказы ФСИН не содержат специальных механизмов его защиты в местах лишения свободы.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать системный кризис института досудебного соглашения о сотрудничестве в России. Подавляющее большинство правоприменителей не доверяют его эффективности (98 % опрошенных) и не применяют на практике. Главная причина – отсутствие реально работающих механизмов безопасности для сотрудничающего лица, чья личность заранее известна соучастникам. Существующие меры (псевдоним, закрытое заседание, выделение дела) не решают проблемы, а межведомственная разобщенность и отсутствие финансирования делают защиту фиктивной. Реформирование должно идти через введение полной анонимности, закрытых допросов с техническим изменением голоса и засекречивание томов с идентифицирующими данными. Без решения базовой проблемы безопасности любые процессуальные новеллы останутся декларациями.

Выявленные теоретические и практические проблемы требуют системного решения, основанного на приоритете безопасности лица, сотрудничающего с правосудием.

Анализ правоприменительной практики и мнений 393 сотрудников органов предварительного расследования свидетельствует, что действующая норма об обязательном выделении уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве (п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ), не обеспечивает реальной безопасности такого лица. Материалы выделенного дела не являются засекреченными для стороны защиты по основному делу, что позволяет соучастникам идентифицировать источник изобличающих показаний и создает угрозу для сотрудничающего лица.

В связи с этим обязательное выделение уголовного дела теряет свой смысл и не может рассматриваться как самостоятельная мера безопасности. Оно не решает проблемы анонимности, не препятствует ознакомлению защиты с материалами выделенного дела и не создает реальных препятствий для давления на сотрудничающее лицо.

Вместо этого требуется разработка и закрепление в УПК РФ специального процессуального статуса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, который бы:

– не зависел от формального выделения дела;

– предусматривал полную анонимность (вплоть до засекреченного тома с данными о личности, доступного только судье, прокурору и следователю);

– позволял проводить допросы в закрытом режиме с изменением голоса и без визуального контакта.

Только введение такого специального статуса, а не механическое выделение дела, способно обеспечить реальную, а не декларативную безопасность лица, содействующего правосудию.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусева, Н. Н. К вопросу о комплексном обеспечении безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве / Н. Н. Гусева // Вестник ВИПК МВД России. – 2026. – № 1 (77). – С. 95–101.
2. Дикарев, И. С. Процессуальное положение лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничеств / И. С. Дикарев // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2024. – № 1 (68). – С. 38–45. – DOI: 10.25724/VAMVD.A213
3. Плошкина, Я. М. Выделение уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве / Я. М. Плошкина // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – № 3 (56). – С. 58–65.
4. Угроза безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, как вид противодействия предварительному расследованию / Е. В. Прыткова, Д. В. Ким, Н. Т. Ведерников, В. С. Курчеев // Известия АлтГУ. – 2014. – № 2 (82). – С. 144–147. – DOI: 10.14258/izvasu(2014)2.2-27
5. Федосеева, Е. Л. Процессуальные меры безопасности, применяемые в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве / Е. Л. Федосеева // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – № 4. – С. 74–76.

REFERENCES

1. Guseva N.N. K voprosu o kompleksnom obespechenii bezopasnosti litsa, zaklyuchivshego dosudebnoye soglasheniye o sotrudnichestve [On the Issue of Comprehensive Security for a Person Who Has Entered into a Pre-Trial Cooperation Agreement]. *Vestnik VIPK MVD Rossii* [Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia], 2026, no. 1 (77), pp. 95-101.
2. Dikarev I.S. Protsessualnoye polozheniye litsa, zaklyuchivshego dosudebnoye soglasheniye o sotrudnichestve [The Procedural Status of a Person Who Has Entered into a Pre-Trial Cooperation Agreement]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2024, no. 1 (68), pp. 38-45. DOI: 10.25724/VAMVD.A213
3. Ploshkina Ya.M. Vydeleniye ugolovnogo dela v otdelnoye proizvodstvo v otnoshenii litsa, zaklyuchivshego dosudebnoye soglasheniye o sotrudnichestve [Separate Proceedings in a Criminal Case Against a Person Who Has Entered into a Pre-Trial Cooperation Agreement]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2024, no. 3 (56), pp. 58-65.
4. Prytkova E.V., Kim D.V., Vedernikov N.T., Kurcheev V.S. Ugroza bezopasnosti podozrevayemogo (obvinyayemogo), zaklyuchivshego dosudebnoye soglasheniye o sotrudnichestve, kak vid protivodeystviya predvaritelnomu rassledovaniyu [Threat to the Safety of a Suspect (Accused) Who Has Entered into a Pre-Trial Cooperation Agreement as a Form of Obstruction of Preliminary Investigation]. *Izvestiya AltGU*, 2014, no. 2 (82), pp. 144-147. DOI: 10.14258/izvasu(2014)2.2-27
5. Fedoseeva E.L. Protsessualnyye mery bezopasnosti, primenyayemyye v otnoshenii litsa, zaklyuchivshego dosudebnoye soglasheniye o sotrudnichestve [Procedural Security Measures Applied to a Person Who Has Entered into a Pre-Trial Cooperation Agreement]. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, no. 4, pp. 74-76.

Information About the Author

Ekaterina A. Oleynik, Head of the Office of Special Disciplines, Department of Informatics and Mathematics, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400075 Volgograd, Russian Federation, yekaterina.oleynik.96@mail.ru, https://orcid.org/0009-0002-6186-9626

Информация об авторе

Екатерина Андреевна Олейник, начальник кабинета специальных дисциплин кафедры информатики и математики, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400075 г. Волгоград, Российская Федерация, yekaterina.oleynik.96@mail.ru, https://orcid.org/0009-0002-6186-9626

www.volsu.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.19

UDC 347.1
LBC 67.404.01

Submitted: 23.01.2026
Accepted: 01.06.2026

DIGITAL PROFILE AS AN ELEMENT OF SUBJECT PARTICIPATION IN CIVIL CIRCULATION OF DIGITAL OBJECTS

Albert V. Tumakov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
Moscow, Russian Federation

Introduction: the paper analyzes the legal nature and essence of the digital profile of a person as an element of subject participation in the civil circulation in the digital environment. **Purpose:** to resolve the question of whether the digital profile acts as an independent subject of law or merely an instrumental construction enabling legal relations to arise. **Task:** based on existing theoretical approaches, analyze and compare the concepts of "electronic person," "digital personality," "information system," and "digital platform" to identify their substantive and functional features. **Methods:** the methodological framework is based on the comparative analysis and reference to classical civil law concepts revealing the concept of legal personality. **Results:** the study proves that the digital profile does not form a new legal personality but represents a set of data about a user in a particular information system, constituting essentially a dynamic but secondary legal instrument that facilitates the participation of traditional subjects of civil circulation. The legal significance of the digital profile is determined by the presence of a legal-personality-forming information "core" that ensures the connection of the digital image with the real bearer of legal capacity and capacity to act. **Conclusions:** the variability of the volume of the information "core," determined by technical and commercial factors, gives rise to key risks – verification deficit and "depersonalization" of relations. As measures to minimize these threats, it is proposed to strengthen the obligations of operators of information systems to verify the information provided by the user.

Key words: digital profile, information system, subject of civil circulation, legal relations, digital environment.

Citation. Tumakov A.V. Digital Profile as an Element of Subject Participation in Civil Circulation of Digital Objects. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 143-151. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.19

УДК 347.1
ББК 67.404.01

Дата поступления статьи: 23.01.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

ЦИФРОВОЙ ПРОФИЛЬ КАК ЭЛЕМЕНТ УЧАСТИЯ СУБЪЕКТА В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ

Альберт Владиславович Тумаков

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя,
г. Москва, Российская Федерация

© Тумаков А.В., 2026

Введение: в статье проводится анализ правовой природы и сущности цифрового профиля личности как элемента участия субъекта в гражданском обороте в условиях цифровой среды. **Цель:** разрешение вопроса

о том, выступает ли цифровой профиль самостоятельным субъектом права или лишь инструментальной конструкцией для возможности возникновения правоотношений. **Задача:** опираясь на существующие теоретические подходы, провести анализ и сравнение понятий «электронное лицо», «цифровая личность», «информационная система» и «цифровая платформа» для выявления их содержательных и функциональных особенностей. **Методология** исследования базируется на сравнительном анализе и обращении к классическим цивилистическим концепциям, раскрывающим понятие правосубъектности. **В результате** проведенного исследования доказано, что цифровой профиль не образует новой правосубъектности, а представляет собой совокупность данных о пользователе в определенной информационной системе, являясь, по сути, динамичным, но вторичным правовым инструментом, облегчающим участие традиционных субъектов гражданского оборота. Правовое значение цифрового профиля определяется наличием правосубъектообразующего информационного «ядра», которое обеспечивает связь цифрового образа с реальным носителем правоспособности и дееспособности. **Выводы:** вариативность объема информационного «ядра», обусловленная техническими и коммерческими факторами, порождает ключевые риски – верификационный дефицит и «обезличенность» отношений. В качестве мер, позволяющих минимизировать указанные угрозы, предлагается усилить обязанности операторов информационных систем по верификации предоставляемых пользователем сведений.

Ключевые слова: цифровой профиль, информационная система, субъект гражданского оборота, правоотношения, цифровая среда.

Цитирование. Тумаков А. В. Цифровой профиль как элемент участия субъекта в гражданском обороте цифровых объектов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 143–151. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.19

Введение

Специфика правовых отношений гражданского оборота, возникающих в цифровой среде, определяет как основания их возникновения, так и субъектный состав. Как отмечается в юридических литературных источниках, термин «лицо» в цивилистическом трактовании не совпадает с термином «человек» в частности и человеческой личностью в целом. Данное расхождение в понятиях объясняется в том числе тем, что в одних случаях его содержание может быть уже, в других – шире [9]. Указанное условие предопределяет особенности анализа субъектов гражданских правоотношений именно потому, что не все из таких субъектов имеют материальное выражение. К примеру, если рассмотреть положения фикционной теории Савиньи, мы найдем высказывание о том, что юридическое лицо как субъект может создаваться и существовать лишь в юридической действительности. Кроме указанного мнения, существует также ряд концепций правовой природы юридического лица. Аналогичным образом формируется пласт научных дискуссий относительно изучения природы субъектов правоотношений в информационном пространстве. Переходя в цифру, мы получаем максимально быстрое и прогрессивное решение практически любых поставленных задач в виртуальной сети. Но при решении любого вопроса в цифровой плоскости, будь то приобретение потребителем товара на маркетплейсе или оплата договора поставки юридическим лицом, важно установить субъекта (или субъектов) правоотношения: будет ли он являться физическим лицом, юридическим лицом или же мы столкнемся с необходимостью определения нового субъекта – цифрового характера. В этой же связи в научной литературе поднимаются проблемы практического характера, например, о доказательствах принадлежности цифровой валюты конкретному лицу [18].

Сравнительный анализ правовой природы цифровых конструкций

Для научного обоснования ответа на вопрос, какое лицо может стать участником цифрового оборота, стоит обратиться к доктринальному понятию гражданской правосубъектности как к необходимой предпосылке возникновения правоотношения. Исходя из того, что государство наделяет лицо способностью вступать в гражданские правоотношения, создавать права и исполнять обязанности, полноценным субъектом гражданских правоотношений следует признавать лицо,

обладающее такими признаками, как правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Аналогично такой основе элементов правосубъектности логично будет анализировать участников цифрового оборота. Учитывая специфику информационного пространства, участники гражданского оборота обладают как традиционными признаками, так и обретают новые особенности с чертами правосубъектности «электронного лица».

Проанализировав концепцию П.М. Морхата, можно заключить, что в его понимании электронное лицо – это некая юридическая «маска», термин, аналогичный «юридическому лицу» [10]. Электронное лицо создается в рамках работы информационной программы искусственного интеллекта, в действие которой закладывается элемент самостоятельного (до определенных пределов), независимого от своих создателей существования. Функционал данного электронного «облика» определяется теми изначальными целями, которые были заложены его создателями. В своем исследовании П.М. Морхат сузил трактование электронного лица, ограничив рамками понятия искусственного интеллекта, что значительно сокращает потенциал изучения термина. В то же время проделанная работа способствовала выявлению конституирующих признаков электронного лица. К таковым относится и возможность физического лица (традиционный субъект правоотношений) создавать множество электронных лиц, которые будут способны функционировать самостоятельно в разных информационных системах. Такая способность открывает возможность одному пользователю создавать множество аккаунтов. Данное свойство, с одной стороны, позволяет в полной мере реализовать права пользователя как субъекта гражданских отношений, с другой – ставит сложный вопрос определения главенствующего аккаунта: какой из профилей следует в каждом конкретном случае признать цифровым лицом пользователя? При создании профилей в сетевом пространстве в различных социальных сетях, аккаунтов в мессенджерах пользовательских профилей в приложениях электронных торговых площадок набор информации цифрового профиля лица всегда будет иметь разный объем. В одной ситуации для авторизации в сети будет достаточно указать имя и номер телефона, в другой – дополнительные сведения, например, дату и место рождения, в третьей – все перечисленное, а также номер банковской карты и т. д. Учитывая сказанное, совершенно необходимо будет определиться с тем, как соотносится понятие «электронное лицо» с такими терминами, как «цифровая платформа», «информационная система», а также «цифровой профиль».

Понятие информационной системы закреплено в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», под которой понимается совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств [16]. Информационные системы разрабатываются и внедряются для обеспечения информацией производства и управления современным предприятием [5]. Информационная система определяется следующими свойствами [6]:

– любая информационная система может быть подвергнута анализу, построена и управляема на основе общих принципов построения систем;

– информационная система является динамичной и развивающейся;

– при построении информационной системы необходимо использовать системный подход;

– выходной продукцией информационной системы является информация, на основе которой принимаются решения;

– информационную систему следует воспринимать как человеко-компьютерную систему обработки информации.

Установленные свойства информационной системы с точки зрения автора отражают ее гносеологическую суть. В то же время признак, указывающий на то, что выходной продукцией информационной системы является информация, на основе которой принимаются решения, ставит перед исследователями вопрос: какие именно решения должны будут приниматься на основе имеющейся информации? Будет ли идти речь о корпоративных или государственно-властных решениях либо решение будет приравнено к гражданско-правовой сделке? Вероятно, термин «решение»

в данном случае следует трактовать весьма широко: это любое волевое юридически значимое, а также независимое от субъекта, принявшего решение, действие. По убеждению автора, именно возможность заключения сделок в информационной системе и станет неотъемлемой чертой, раскрывающей ее цивилистический аспект.

Понятие «цифровая платформа» сходно по своему значению с информационной системой. Исследование экспериментальных подходов свидетельствует о том, что не все ученые-цивилисты интерпретируют данные термины координированно: одни видят информационную систему как составной элемент цифровой платформы [1], другие – отождествляют их, определяя одно понятие через другое. Постановление Правительства РФ от 29.12.2023 № 2386 «О государственной информационной системе "Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере"» содержит структуру единой цифровой платформы, которая, в свою очередь, является разновидностью цифровой платформы. В соответствии с п. 7 данного постановления структура Единой цифровой платформы состоит из множества информационных систем, которое составляют следующие системы: «Единые базовые реестры сферы социального обеспечения», «Единая информационная система фронтофиса», «Единая витрина взаимодействия с гражданами» и др. [12]. Из этого следует, что цифровая платформа – всеохватывающее, многогранное понятие, включающее информационные системы, а также подсистемы, призванные обеспечивать обработку информации, содержащейся на платформе. По своим качествам информационная система как программно-технологическое решение способна существовать вне цифровой платформы, администрировать данные. В то же время цифровая платформа не может существовать без информационной системы, так как в ее отсутствие не способна обрабатывать информацию. По мнению автора, именно по этой причине цифровой профиль субъекта создается все же в определенной информационной системе.

Важно разграничивать такие понятия, как «цифровой профиль» и «электронное лицо», поскольку в настоящее время отсутствует устойчивая связь между возможностями лиц в рамках виртуального пространства и материальным миром. Данная ситуация взывает к необходимости либо выявлять данную связь и объективно обосновать ее существование, либо выводить новую категорию отношений, не противоречащую Конституции РФ, а также не запрещенную ей [7].

Стоит отметить, что некоторые юридические литературные источники трактуют понятие «цифровая личность» как систему взаимосвязанных данных, компьютерных моделей и априорных механизмов выводов надпредметного характера, позволяющую воспроизводить (имитировать) процессы сознательной деятельности человека при взаимодействии (исследовании, эксплуатации, разработке) с объектами предметной области и другими личностями (цифровыми, реальными) [4]. Придерживаясь приведенного и схожих ему многочисленных определений, жизнеспособным будет то утверждение, что «цифровая личность» – это термин, используемый преимущественно применительно к искусственному интеллекту. Однако авторская позиция такова, что оно идет вразрез самому смыслу свободы личности. Суть его состоит в том, что «личность может творить без подчинения необходимости и чуждому миру объектов» [2]. Тема личности выступает сквозной темой, проходящей в тех или иных формах практически через все этапы мировой философской мысли [8]. Рефлексия на данную тему всегда приводит к метафизическому выражению свободы личности, что изначально противоречит сути искусственного интеллекта, являющегося бездуховной квинтэссенцией.

По мнению автора, использование понятий «цифровой профиль» и «электронное лицо» представляется наиболее целесообразным в цифровых реалиях. Данные термины частично схожи и одновременно содержат определенные различия. Цифровой профиль в подавляющем большинстве случаев призван отображать информацию о лице в сети «Интернет» всецело. Примером может служить заполнение пользователем анкеты и опросников о себе в социальных сетях, «Госуслугах», налоговой инспекции, сайте работодателя и иных страницах [14].

Сбор данных в цифровой среде ведется с того момента, когда появились первые общедоступные сервисы в сети Интернет. Все,

кому был доступен аккаунт электронной почты, заполняли информацию о себе, и весь этот информационный массив, включая историю посещенных пользователями сайтов, сохранялся (и сохраняется) браузерами. Соцсети хранят не только размещенную нами информацию, но и наши социальные связи, сведения о друзьях, родных и близких; всевозможные сервисы и даже игры хранят крупицы информации о каждом, кто хоть раз ими воспользовался. На заре зарождения Интернета информация о пользователях в сети была приведена весьма фрагментарно в силу прямой необходимости ее предоставления. На сегодняшний день сеть имеет достаточно широкие возможности по сохранению всей информации о пользователе. Вследствие этого в Интернете наблюдается явление, которое называется «цифровым следом», – это совокупность данных, которые остаются после любого действия пользователя в сети. Цифровой след принято делить на активный и пассивный. К активному цифровому следу относятся: заполненные пользователем формы, электронные письма и сообщения, публикации в социальных сетях, участие в беседах на форумах, онлайн-покупки, а также отзывы о них или о посещаемых местах и т. д. Пассивным (тем, который формируется без активного, намеренного участия пользователя) цифровым следом являются: данные о местоположении, метаданные к видео- и фотоизображениям, данные об устройстве при подключении к сети Интернет, история посещения web-страниц, IP-адрес, cookie- и лог-файлы, отслеживающие действия пользователя. Таким образом, можно говорить о формировании цифрового профиля личности с помощью абсолютно всей информации о пользователе, имеющейся в Интернете.

Выводы

Из перечисленного выше становится понятно, что информация, составляющая профиль личности в сети, может иметь как частноправовое значение, так и представлять его без данной составляющей: видео- и фотоизображения, перечисление определенных личных предпочтений и увлечений, количество выпитой в день воды – ничего из перечисленного не образует гражданский оборот, в отличие от имени пользователя, даты его рождения и банковского счета. Таким образом, цифровой профиль формируется как за счет правосубъектообразующей, так и иной информации. Тем не менее в дальнейшем такая информация обретает социально-экономическую и юридическую направленность, поскольку позволяет сформировать социальный образ лица (не случайно данное понятие часто используется в трудовом праве для обоснования новых признаков правового статуса работников [13]), а также совершать юридически значимые действия, в том числе финансово-кредитные операции.

Термин «электронное лицо» впервые фигурировал в проекте доклада о гражданско-правовых нормах в области робототехники Комитета по правовым вопросам Европейского парламента в 2016 г. для описания потенциальной правосубъектности искусственного интеллекта [3]. С этого момента все труды ученых в той или иной степени раскрывают европейскую концепцию [17]. Учитывая данную теорию, автор тем не менее выступает с той позиции, что разговор о правосубъектности искусственного интеллекта преждевременен. Представляется, что подход, предлагающий рассматривать возможности искусственного интеллекта в данной правовой парадигме, будет противоречить цивилистическим канонам о субъектах гражданских правоотношений. Такая концепция не способствует эффективной реализации гражданско-правовой ответственности, так как предполагает риск перекладывания ответственности с разработчика или пользователя на неопределенного, неизвестного субъекта, не обладающего имуществом.

Результаты

Учитывая вышеизложенное, позволительным будет утверждать, что такие термины, как цифровой профиль лица и информационная среда, видятся производными от реальности конструкциями, позволяющими классическому субъекту совершать юридически значимые действия в цифровой среде.

Говоря о цифровом профиле, важным будет коснуться понятия условности, рассматривая его с позиции признака субъекта право-

отношений. В силу тех обстоятельств, что цифровой аккаунт не имеет имущественной обособленности от классического лица, концепция такого профиля, как участника правоотношений в информационной среде, не приумножает количества субъектов гражданского оборота.

По сути, цифровой профиль лица исходит из наличествующей информационной совокупности. При этом объем информации будет зависеть от информационной системы, в которой формируется цифровой профиль. В качестве примера можно привести процесс создания полного профиля на портале «Госуслуг». Алгоритм предусматривает необходимость введения пользователем обязательных данных: Ф.И.О., дату рождения, адрес электронной почты, номер телефона, паспортные данные, СНИЛС, ИНН, адрес регистрации. Кроме того, дополнительно профиль личности в «Госуслугах» также может включать следующую информацию: свидетельство о рождении детей, сведения о перемене имени, сведения о наличии банковских карт и счетов, согласия, доверенности и т. д. [11]. В то же время, используя в качестве примера условия создания профиля на торговой онлайн-площадке «Вайлдберриз», пользователю достаточно для регистрации указать имя и номер телефона, и далее для совершения покупок система затребует только сведения о банковской карте.

Как видно из описания, в каждом из рассмотренных случаев происходит лишь «цифровое оформление» уже существующего участника, позволяющее ему совершать гражданско-правовые сделки в более удобном формате, но никак не создание нового субъекта правоотношений. Здесь можно провести параллель с процедурой оцифровывания документов. В процессе электронной конвертации количество цифровых документов гражданина по отношению к бумажному носителю информации остается неизменным. Автор считает возможным утвердить следующие содержательные характеристики исследуемого понятия: цифровой профиль личности, как совокупность различных по содержанию и объему данных пользователя, может содержать информацию, которую предлагается подразделять на правосубъектообразующую и иную. Правосубъектная информация представляет собой информационный «базис», так как состоит преимущественно из персональных данных и позволяет пользователю при наличии необходимого объема сведений участвовать в гражданском обороте. К данной группе следует причислить имя лица, его пол, возраст, контактный телефон, сведения о банковской карте. Оптимизация объема информации для конкретного применения определяется совокупностью функциональных и целевых параметров информационной системы. Количественная достаточность данных устанавливается требованиями к целевому функционалу профиля. Причем функциональный компонент ограничивается технико-эксплуатационными характеристиками системы. Также можно сказать, что степень достаточности объема обусловлена субъективным волевым актом разработчика и возможностью реализации в рамках функциональной структуры информационной системы.

Обсуждение

Не все информационные системы требуют от пользователя достаточный правосубъектообразующий объем информации. Корпоративный сектор и концентрация экономических ресурсов, координация производства в одном месте и регулярное функционирование в данный момент времени уступают место иным приоритетам: обеспечению лучших финансовых показателей способствует региональное распределение бизнес-единиц и производственных циклов, выполнение ряда работ не по трудовому контракту, а на условиях оказания услуг по системе аутсорсинга, обезличенности значительной части правоотношений [19, p. 92–93]. Под обезличенностью автор понимает не только невозможность атрибуции данных конкретному субъекту, но и искаженность имеющихся сведений. Например, в условиях «обезличенности» правоотношений, возникающих между участниками фондовых рынков при совершении сделок с ценными бумагами, существенно затруднено определение лиц, имеющих право на взыскание с инсайдеров соответствующих убытков [15, с. 22]. В этой связи автор предлагает проводить более тщательную верификацию данных операторами информационных систем. В ином

случае возрастает риск совершения сделки с лицом, не обладающим всеми элементами дееспособности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет раскрыть сущность понятия «цифровой профиль личности» как юридической конструкции, опосредующей участие традиционных субъектов гражданского оборота в цифровой среде. Правовая природа данного явления носит инструментальный характер. Цифровой профиль – это, по сути, «проекция» субъекта, состоящая из совокупности его данных, размещенных в определенной информационной системе для совершения юридически значимых действий. Ключевым признаком, интегрирующим цифровой профиль в гражданский оборот, будет наличие информационного «ядра» (персональные данные пользователя, его идентификаторы и платежные реквизиты), позволяющего устанавливать связь и регулировать отношения цифрового «следа» и традиционного субъекта правоотношений. Состав такого «ядра» всегда вариативен и будет определяться целевым функционалом информационной системы, зависящим от технических возможностей, коммерческой целесообразности и требований законодательства. Именно наличие множества вариантов развития рождает правовой риск верификационного дефицита и «обезличенности» в случае недостатка информации или ее несоответствия действительности для однозначной идентификации субъекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабкин, А. В. Цифровые платформы в экономике: понятие, сущность, классификация / А. В. Бабкин, П. А. Михайлов // Вестник Академии знаний. – 2023. – № 54 (1). – С. 25–36. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-platformy-v-ekonomike-ponyatie-suschnost-klassifikatsiya

2. Бердяев, Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. – М. : Мир книги, 2010. – 414 с.

3. Брант, Т. ЕС: рабочие-роботы – это «электронные люди». 22.06.2016 / Т. Брант. – URL: https://www.foxbusiness.com/

4. Бухановский, А. В. Экосистема цифровой личности. Новая Голландия / New Holland Island. 30.07.2019 / А. В. Бухановский. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=rGDemr31AEs

5. Волкова, В. Н. Информационная система: к вопросу определения понятия / В. Н. Волкова, Ю. А. Голуб // Прикладная информатика. – 2009. – № 5. – С. 112–120.

6. Гаспариан, М. С. Учебное пособие по курсу «Информационные системы» / М. С. Гаспариан. – М. : МЭСИ, 2002. – 33 с.

7. Канакова, А. Е. Человек есть цифровая личность, или у человека есть цифровая личность? / А. Е. Канакова // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 126–135. – DOI: https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-1-126-135

8. Кецкало, Н. М. Эволюция проблемы личности в истории философской мысли / Н. М. Кецкало // Вестник МГТУ. – 2006. – Т. 9, № 4. – С. 547–555.

9. Мейер, Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – СПб. : Николай Тиблен, 1861. – 367 с.

10. Мохат, П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук / П. М. Мохат. – М., 2018. – 420 с.

11. Портал государственных услуг. – URL: https://esia.gosuslugi.ru/login/registration?linkId=MNSV36

12. Постановление Правительства РФ от 29.12.2023 № 2386 «О государственной информационной системе “Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере”». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Рожкова, А. Ю. Правовой статус работника: цифровой профиль и цифровые доходы / А. Ю. Рожкова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2021. – № 2. – С. 99–107. – DOI: 10.21779/2224-0241-2021-38-2-99-107

14. Рудова, А. А. От цифрового профиля к цифровому бессмертию: концептуализация проблемного поля / А. А. Рудова // Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2021. – Т. XVII, № 2 (24). – С. 44–57. – DOI: 10.34708/GSTOU.2021.70.64.007

15. Татлыбаев, Б. В. Гражданско-правовая ответственность за неправомерное использование инсайдерской информации на фондовом рынке в российском праве и праве Соединенных Штатов Америки : дис. ... канд. юрид. наук / Б. В. Татлыбаев. – М., 2015. – 314 с.

16. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. – 2006. – 29.07. (№ 165).

17. Шигин, М. Д. Правовой статус электронного лица / М. Д. Шигин, М. М. Иевлева // Теория и практика современной науки. – 2019. – № 6 (48). – С. 538–541.

18. Шубенкова, К. В. Защита судами прав на цифровые валюты в Российской Федерации / К. В. Шубенкова, В. Ю. Парфенов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 60–69. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.7

19. Bheemaiah, K. The Blockchain Alternative / K. Bheemaiah. – California : Apress, 2016. – 262 p.

REFERENCES

1. Babkin A.V., Mikhailov P.A. Tsifrovyye platformy v ekonomike: ponyatiye, sushchnost, klassifikatsiya [Digital Platforms in Economics: Concept, Essence, Classification]. *Vestnik Akademii znaniy* [Bulletin of the Academy of Knowledge], 2023, no. 1 (54), pp. 25-36. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-platformy-v-ekonomike-ponyatie-suschnost-klassifikatsiya

2. Berdyaev N.A. *Samopoznanie (opyt filosofskoy avtobiografii)* [Self-Knowledge. Experience of Philosophical Autobiography]. Moscow, Mir Knigi Publ., 2010. 414 p.

3. Brant T. *«YeS: rabochiye-roboty – eto «elektronnyye lyudi». 22.06.2016* ["EU: Robot Workers Are "Eelectronic People". June 22, 2016]. URL: https://www.foxbusiness.com /

4. Bukhanovskiy A.V. *Ekosistema tsifrovoy lichnosti. Novaya Gollandiya / New Holland Island. 30.07.2019* [The Ecosystem of Digital Personality. New Holland/New Holland Island. 07/30/2019]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=rGDemr31AEs

5. Volkova V.N., Golub Yu.A. Informatsionnaya sistema: k voprosu opredeleniya ponyatiya [Information System: On the Issue of Definition of the Concept]. *Prikladnaya informatika* [Applied Computer Science], 2009, no. 5, pp. 112-120.

6. Gasparian M.S. *Uchebnoye posobiye po kursu «informatsionnyye sistemy»* [Textbook on the Course "Information Systems"]. Moscow, MESI, 2002. 33 p.

7. Kanakova A.E. Chelovek yest tsifrovaya lichnost, ili u cheloveka yest tsifrovaya lichnost? [Man Equals Digital Personality vs. Man Has Digital Personality]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2024, vol. 8, no. 1, pp. 126-135. DOI: https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-1-126-135

8. Ketskalo N.M. Evolyutsiya problemy lichnosti v istorii filosofskoy mysli [The Evolution of the Personality Problem in the History of Philosophical Thought]. *Vestnik MGTU* [Bulletin of the Moscow State Technical University], 2006, vol. 9, no. 4, pp. 547-555.

9. Meyer D.I. *Russkoye grazhdanskoye pravo* [Russian Civil Law]. Saint Petersburg, Nikolay Tiblen, 1861. 367 p.

10. Morhat P.M. *Pravosubektnost iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektualnoy sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Legal Capacity of Artificial Intelligence in the Sphere of Intellectual Property Law. Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2018. 420 p.

11. *Portal gosudarstvennykh uslug* [Portal of Public Services]. URL: https://esia.gosuslugi.ru/login/registration?linkId=MNSV36

12. Postanovleniye Pravitelstva RF ot 29.12.2023 № 2386 «O gosudarstvennoy informatsionnoy sisteme "Yedinaya tsentralizovannaya tsifrovaya platforma v sotsialnoy sfere" [Decree of the Government of the Russian Federation dated December 29, 2023 No. 2386 "On the State Information system "Unified Centralized Digital Platform in the social sphere"]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

13. Rozhkova A.Yu. Pravovoy status rabotnika: tsifrovoy profil i tsifrovyye dokhody [Legal Status of an Employee: Digital Profile and Digital Income]. *Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Law Bulletin of Dagestan State University], 2021, no. 2, pp. 99-107. DOI: 10.21779/2224-0241-2021-38-2-99-107

14. Rudova A.A. Ot tsifrovogo profilya k tsifrovomu bessmertiyu: kontseptualizatsiya problemnogo polya [From Digital Profile to Digital Immortality: Conceptualization of the Problem Field]. *Vestnik GGNTU. Gumanitarnyye i sotsialno-ekonomicheskiye nauki* [Bulletin of GGNTU. Humanities and Socio-Economic Sciences], 2021, vol. XVII, no. 2 (24), pp. 44-57. DOI: 10.34708/GSTOU.2021.70.64.007

15. Tatlybaev B.V. *Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost za nepravomernoye ispolzovanie insayderskoy informatsii na fondovom rynke v rossiyskom prave i prave Soedinennykh Shtatov Ameriki: dis. ... kand. yurid.*

nauk [Civil Liability for Unlawful Use of Insider Information in the Stock Market in Russian Law and the Law of the United States of America. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2015. 314 p.

16. Federalnyy zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ (red. ot 08.08.2024) «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» [Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 (As Amended on 08.08.2024) "On Information, Information Technologies and Information Protection"]. *Rossiyskaya Gazeta*, 2006, 29 July (no. 165).

17. Shigin M.D., Ievleva M.M. Pravovoy status elektronnogo litsa [Legal Status of an Electronic Person]. *Teoriya i praktika sovremennoy nauki* [Theory and Practice of Modern Science], 2019, no. 6 (48), pp. 538-541.

18. Shubenkova K.V., Parfenov V.Yu. Zashchita sudami prav na tsifrovyye valyuty v Rossiyskoy Federatsii [Protection of Digital Currency Rights by Courts in the Russian Federation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 60-69. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.7

19. Bheemaiah K. *The Blockchain Alternative*. California, Apress, 2016. 262 p.

Information About the Author

Albert V. Tumakov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Akademika Volgina St, 12, 117997 Moscow, Russian Federation, albert-tumakov@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-7002-6255

Информация об авторе

Альберт Владиславович Тумаков, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, ул. Академика Волгина, 12, 117997 г. Москва, Российская Федерация, albert-tumakov@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-7002-6255

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.20

UDC 342:004
LBC 67.401.114

Submitted: 26.12.2025
Accepted: 01.06.2026

ON THE ESSENCE OF DIGITAL LAW IN THE CONTEXT OF THE TRANSITION TO A DATA ECONOMY [1]

Vadim I. Malyi

P.A. Stolypin Volga Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov, Russian Federation

Svetlana V. Malaya

OOO "Technostar" (LLC), Saratov, Russian Federation

Introduction: in the modern world, the rapid development of the digitalization process necessitates the improvement of legal regulation mechanisms. **Purpose:** based on the transition to a data economy, to study the process of transformation of the essence of digital law in view of adaptation to a radically changing digital reality. **Methods:** the research is based on the methods of formal logic and systemic and structural analysis, as well as the comparative-law method, legal forecasting, and the interpretation of legal norms. **Results:** the paper reveals that the problem of sectoral qualification of the legislation regulating relations in the digital environment, as well as the very possibility of recognizing digital law as an independent branch of law, is debatable in modern legal doctrine. The key criterion for sectoral differentiation of legal norms is the identification of a specific subject matter of regulation. In legal scholarship, its content with respect to digital law is interpreted ambiguously. Digital law is understood in both a broad and a narrow sense. **Conclusions:** it is proposed to understand digital law as an independent complex system of law and to divide its system into General and Special parts in the context of the national project "Data Economy and Digital Transformation of the State." The comprehensive digital transformation of society, in particular the economic sphere, creates sustainable objective prerequisites for recognizing digital law as a separate sectoral system.

Key words: digital law, data economy, digitalization, essence, legal regulation, management paradigm.

Citation. Malyi V.I., Malaya S.V. On the Essence of Digital Law in the Context of the Transition to a Data Economy. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 152-160. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.20

УДК 342:004
ББК 67.401.114

Дата поступления статьи: 26.12.2025
Дата принятия статьи: 01.06.2026

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ЦИФРОВОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЭКОНОМИКЕ ДАННЫХ [1]

Вадим Игоревич Малый

Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, г. Саратов, Российская Федерация

Светлана Вадимовна Малая

ООО «Техностар», г. Саратов, Российская Федерация

Введение: в современном мире стремительное развитие процесса цифровизации обуславливает необходимость совершенствования механизмов правового регулирования. **Цель:** на основе перехода к экономике данных изучить процесс трансформации сущности цифрового права ввиду адаптации к радикально меняющейся цифровой реальности. **Методология** исследования базируется на применении методов формальной логики, системного и структурного анализа, а также сравнительно-правового метода, правового прогнози-

© Малый В.И., Малая С.В., 2026

рования и толкования правовых норм. **Результаты:** выявлено, что проблема отраслевой квалификации законодательства, регулирующего отношения в цифровой среде, а также сама возможность признания цифрового права самостоятельной отраслью права являются дискуссионными в современной правовой доктрине. Ключевым критерием для отраслевой дифференциации правовых норм выступает выделение специфического предмета регулирования. В науке его содержание применительно к цифровому праву трактуется неоднозначно. Цифровое право понимается как в широком, так и в узком смыслах. **Выводы:** цифровое право предлагается понимать как самостоятельную комплексную систему права, а его систему – подразделять на Общую и Особенную части в контексте национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Всеобъемлющая цифровая трансформация общества, в частности сферы экономики, создает устойчивые объективные предпосылки для признания цифрового права в качестве обособленной отраслевой системы.

Ключевые слова: цифровое право, экономика данных, цифровизация, сущность, правовое регулирование, управленческая парадигма.

Цитирование. Малый В. И., Малая С. В. К вопросу о сущности цифрового права в условиях перехода к экономике данных // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 152–160. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.20

Введение

Трансформация общественных отношений, вызванная качественным изменением роли данных в функционировании государственных и общественных институтов, объективно требует корректировки государственной политики и разработки новых концептуальных инструментов для совершенствования механизмов правового регулирования возникающих правоотношений.

Характеристика экономики данных

Стратегический вектор развития, предполагающий эволюционный переход от цифровой экономики к экономике данных, озвученный Президентом РФ В.В. Путиным в рамках Форума будущих технологий, формирует новую модель национального развития, основанную на признании детерминирующей функции данных. Ключевая задача заключается в осуществлении системных изменений экономических, социальных и властных институтов посредством имплементации управления на основе больших данных в качестве сквозной управленческой парадигмы [12].

Основными прогнозируемыми результатами реализации указанных преобразований являются: достижение мультипликативного эффекта в росте эффективности системы управления и производительности труда; формирование сегмента рабочих мест, требующих компетенций нового формата; обеспечение качественной степени доступности сервисов и услуг для населения; создание возможностей принципиально нового уровня для граждан.

Стоит отметить, что в виде стратегического императива экономики данных определяется практико-ориентированная модель, нацеленная на технологический суверенитет через внедрение отечественных решений [5]. Это требует построения комплексного механизма по созданию и широкой имплементации инноваций, развитие которого базируется на принципах гибкого регулирования и производственной поддержки. Несмотря на преемственность данного подхода от концепции цифровой экономики, для оперативного достижения целевых ориентиров актуализируется поиск новых, более эффективных методов и регуляторных инструментов.

Основные подходы к сущности цифрового права

Интенсификация процессов цифровизации, обусловленная переходом к экономике данных, порождает дуалистический процесс: параллельно с созданием новых форм возникает цифровая реставрация архаичных институтов. Это заставляет национальные правовые системы искать пути интеграции традиционных норм в цифровой контекст, обуславливая потребность в анализе сущности цифрового права под влиянием технологической трансформации. Ключевое противоречие заключается в конфликте между имманентным

консерватизмом права, для которого неизменность (особенно на уровне конституционных норм) является достоинством, и необходимостью адаптации к радикально меняющейся цифровой реальности.

Для преодоления коллизии между консервативным характером права и требованиями цифровой реальности в доктрине предложена дихотомическая стратегия: пересмотр основ правопонимания и создание новой цифровой культуры либо адаптация наличного правового инструментария. Данная теоретическая дилемма непосредственно детерминирует дуализм в определении цифрового права: в широком смысле и в узком.

Широкий подход к цифровому праву определяет его как новую системообразующую нормативную конструкцию, оказывающую воздействие на любой компонент правовой системы. Методологической основой этого подхода выступает тезис об информационной природе права, где нормы являются специализированной информацией о правах и обязанностях. В цифровом пространстве право, выполняя регулятивную функцию, одновременно модифицирует собственную природу и значение. Специфические свойства цифровой информации, такие как нематериальность, зависимость от технологических платформ и опосредованность медиа, в сочетании с ее высокой ценностью формируют запрос на создание особых правовых режимов.

В рамках рассматриваемого подхода правовое регулирование, вне зависимости от отраслевой специфики, интерпретируется как феномен, обладающий сущностной информационной и актуальной дигитальной характеристикой. Тезис о принципиальной переводимости правоотношений в плоскость цифрового интерфейса сегодня обрел статус неоспоримой концептуальной предпосылки. Эмпирическим основанием для этого служит операционализация систем электронного документооборота в таких сегментах, как государственные услуги, арбитражный процесс и административно-правовые взаимодействия (на примере регистрации товарных знаков).

В широкой интерпретации цифровое право понимается не как обособленная отрасль, а как инновационный, интегративный вектор регулирования цифрового пространства со стороны государства. Данный подход обладает трансформативным потенциалом, способным привести к пересмотру самой архитектуры правовой системы и замещению традиционной отраслевой схемы альтернативными моделями, например, бинарными делениями на «цифровое / аналоговое» или «фундаментальное / прикладное» право. Примечательно, что вторая модель, предложенная рядом исследователей (В.В. Блажеев, М.А. Егорова), предполагает выход за границы формального права и приоритет «массового правового сознания», существующего автономно от легальных регуляторов и не воспринимающего их как релевантный элемент повседневности [18, с. 210–216]. Указанная тенденция находит отражение в современном социокультурном восприятии регулирования сети Интернет. Последняя рассматривается не столько как объект формального права, сколько как ценностно-рациональное пространство, основанное на идеалах свободы. Это порождает правовой конфликт: попытки государства ограничить распространение информации, в особенности «неудобной» для него, встречают сопротивление, как нелегитимные и создающие необоснованные барьеры для цифровой коммуникации.

Широкий подход, при всей его футурологичности, остается продуктивной моделью для осмысления будущего права. Он формирует концептуальный каркас (Общую часть) цифрового права, интегрирующий нормы, регулирующие цифровую информацию независимо от отраслевых границ. Краеугольным камнем такой конструкции выступает правовой режим цифровых данных и технологий.

В узком смысле цифровое право определяется как комплексный межотраслевой институт, функционально приспособленный для решения практических задач с помощью традиционных юридических средств. Критерием его обособления является специфическая сфера государственного управления, сформировавшаяся в результате цифровой трансформации.

Проблема отраслевой квалификации законодательства, регулирующего отношения в цифровой среде, а также сама возможность признания цифрового права самостоятельной отраслью права, является дискуссионной в современной правовой доктрине. Сторонник

отраслевой самостоятельности цифрового права А.А. Карцхия видит ее предпосылки в возникновении уникального предмета и метода регулирования. Он утверждает, что данная отрасль с помощью специфических правовых инструментов управляет всем жизненным циклом процессов цифровизации в экономической, политической и правовой деятельности [8, с. 45]. В основе этого подхода, свойственного западной правовой мысли, лежит прагматический принцип: выделение специального регулирования правомерно в той сфере, где соответствующие общественные отношения приобретают устойчивый и массовый характер в практике [6, с. 154].

Закрепление в ст. 141.1 ГК РФ конструкции цифровых прав, предусматривающей детальную регламентацию их оборота на уровне федерального закона, стимулировало дальнейшее обсуждение их отраслевой квалификации. Согласно позиции Е.А. Суханова, цифровое право представляет собой не самостоятельный вид субъективного имущественного права, а легитимированную законодателем форму существования и осуществления традиционных (прежде всего обязательственных) прав [15]. Следовательно, их введение модифицирует не содержательную (цивилистическую) сущность прав, а исключительно их формально-функциональные характеристики: способы легальной фиксации, удостоверения, передачи и реализации. Данную концепцию разделяет ряд исследователей, которые рассматривают цифровое право не в качестве обособленного элемента системы права (самостоятельной отрасли или подотрасли), а как цифровую форму (модальность) существования традиционных частных и публичных правоотношений [1; 17]. С представленной точки зрения утверждается, что, несмотря на безусловную необходимость адаптации правового регулирования к новой форме, ключевым принципом должна оставаться приоритетность юридического содержания отношений над их технологическим воплощением. Одновременно отрицается возможность формирования единого предмета регулирования для цифровой сферы ввиду ее сущностной разнородности. Соответствующие правовые институты рассматриваются как элементы действующих отраслевых систем, что ставит под сомнение целесообразность их обособления в самостоятельную отрасль «цифрового права» [4]. Часть научного сообщества обосновывает целесообразность формирования платформенного права – автономного комплекса норм, регулирующих отношения в цифровой среде, опосредованные платформенными архитектурами. Основанием для такой теоретической конструкции служит констатация их парадигмальной роли, ставшей предметом длительной зарубежной дискуссии: платформы радикально изменили организацию ключевых социальных процессов, от экономических до социокультурных [2]. Некоторые исследователи обосновывают включение цифрового права в систему информационного в статусе подотрасли, аргументируя это тем, что закрепленные в ГК РФ цифровые права являются конкретизацией (специальным проявлением) общей категории информационно-коммуникативных прав [10].

Ключевым системообразующим фактором для выделения правовой отрасли является обособленный предмет регулирования. Его концептуализация в отношении «цифрового права» в современной юридической доктрине не является унифицированной. Согласно наиболее распространенной трактовке, в предмет включаются отношения, опосредующие жизненный цикл цифровых данных (создание, оборот, применение) и обеспечивающие его технологии. Спецификой этих отношений выступает их виртуальная (кибернетическая) природа, отличающаяся от материальных аналогов. Часть исследователей видят предпосылку для отраслеобразования в принципиальной модификации не только предмета, но и природы права, которая может быть инициирована легитимацией цифрового кода как источника права и переходом к автоматизированным формам правореализации, основанным на работе информационно-технологических систем [3, с. 26]. Проблема состоит в том, что цифровая трансформация носит тотальный характер, затрагивая весь спектр социальных взаимодействий. В связи с этим возникает насущная задача по разграничению и определению специфики частноправовых и публично-правовых режимов в контексте цифровых отношений.

На основе этого эмпирического наблюдения в науке существуют две конкурирующие позиции. Первая, апеллируя к неизменности сущности правоотношений при смене их формы,

отрицает возможность отраслевого обособления цифрового права [11]. Вторая, напротив, трактует их разнородность как основание для формирования комплексной, межотраслевой регулятивной модели. Дискуссионным остается вопрос о последствиях такого подхода: одни ученые считают его оптимальным решением, другие – фактором, подрывающим системность права [14].

В основе обсуждения лежит неутихающий спор о доктринальном статусе концепции комплексных отраслей права [13, с. 190]. Отношение к ней в юриспруденции расколото: одна часть исследователей видит в ней эффективный инструмент для анализа современных правовых массивов, другая – отвергает ее как псевдонаучную категорию, которая подрывает стройность системы права и вносит терминологический и классификационный хаос [7, с. 65].

На наш взгляд, наблюдается устойчивая тенденция к конвергенции частного и публичного права, выражающаяся в возрастающей подвижности их демаркационных линий. Это проявляется, во-первых, в экспансии цивилистических инструментов в сферу публично-правового регулирования, во-вторых, в значительном и легитимном проникновении государственного регулирования в область частноправовых отношений, что детерминировано необходимостью обеспечения защиты фундаментальных публичных интересов, а также охраны прав социально уязвимых субъектов. Вопрос об онтологическом основании цифровых прав возникает при анализе связанных с их оборотом общественных отношений. Данные отношения возможны лишь в контексте специальной цифровой среды, которая сама является продуктом предпосылочных правоотношений организационного характера. Так, взаимодействие сторон на инвестиционной платформе обладает производным и формализованным статусом: оно возникает как результат реализации установленного законом юридического состава действий (процедуры), центральным элементом которого является заключение комплекса договоров через уполномоченного оператора. Это подчеркивает, что цифровая среда не порождает отношений, а задает для них конкретную, предустановленную правом инфраструктурную форму.

Идея признания цифрового права комплексной отраслью права проистекает из смешанной правовой природы регулируемых отношений, что обусловливает применение комбинированного метода, интегрирующего элементы диспозитивного (частноправового) и императивного (публично-правового) регулирования. Необходимость такого синтеза диктуется спецификой охраняемых объектов и защищаемых интересов в цифровой среде (информационная безопасность, права субъектов персональных данных, добросовестная конкуренция). Неуниверсальность методологического подхода к регулированию данной сферы порождает тезис о том, что соответствующие правовые нормы лишены отраслевой самостоятельности и должны быть квалифицированы как институциональные элементы различных классических отраслей права.

Однако дискуссия о методе цифрового права не ограничивается констатацией его комплексности. В доктрине выдвигаются позиции о наличии специфического технико-юридического метода [9, с. 34]. Его ключевая характеристика – детерминирующая роль технического регулирования (стандарты, протоколы), которое создает инфраструктурные рамки и является необходимым условием для последующего внедрения механизмов права, саморегулирования и сорегулирования.

Сущностные признаки отрасли, определяющие ее специфику, наиболее рельефно отражаются в принципах правового регулирования соответствующих общественных отношений. Наиболее системную и завершенную классификацию данных принципов предложил А.В. Даниленков, структурировавший их следующим образом:

1. Ключевыми регулятивными началами (принципами), определяющими архитектуру и функциональные основы сети «Интернет», выступают принцип сетевой нейтральности и принцип открытой архитектуры.

2. Система принципов управления глобальной сетью «Интернет» формируется за счет следующих ключевых начал: многостороннее партнерство как базовый координационный механизм; суверенитет и позитивная ответственность государства, охватывающие обеспечение права на доступ, а также легитимный контроль за сетевыми отношениями

в публичных интересах; субсидиарность национально-правового регулирования, признающая примат международного права; децентрализация управленческих функций; законодательный минимализм как метод правового регулирования данной сферы.

3. Гуманитарный блок принципов регламентирует антропологическое измерение цифрового пространства и включает принцип беспрепятственной реализации прав и охраняемых законом интересов; принцип приватности (неприкосновенности частной жизни, защиты персональных данных); принцип обеспечения культурно-языкового плюрализма.

4. К принципам, регламентирующим осуществление юрисдикции в киберпространстве (принципам юрисдикционной деятельности), относятся основополагающие правила, устанавливающие порядок судебного и административного урегулирования споров в цифровой сфере.

Указанная система принципов не отменяет возможности обращения к иным началам, обусловленной содержанием соответствующих правоотношений. При том что концепт «цифрового права» остается предметом научной полемики, идентификация присущих ему специфических критериев (предмет, метод, принципы) позволяет обосновывать его претензию на автономию в системе права. Сущность цифрового права раскрывается не только в аспектах специальной терминологии и особого правового статуса его ключевых субъектов (обязательных для реализации соответствующих правомочий), но и в структуре его нормативной основы. Последняя представляет собой сложный гибридный порядок, где наравне с законом значимым регулятивным потенциалом обладают инструменты саморегулирования, технические стандарты и этические кодексы. Эта совокупность образует собственный арсенал нормативных средств, опосредующих взаимодействие в цифровой среде.

Анализ специфики рассматриваемых правоотношений порождает дискуссионные подходы к определению природы цифрового права. Согласно одной из таких нонконформистских позиций, становление цифрового права как синтеза неправовых регуляторов возможно исключительно при условии отказа от предшествующей регуляторной парадигмы [16, с. 60]. Аргументируется это тем, что его системообразующим началом выступает не классическая триада «предмет – метод – тип регулирования», а цифровая трансакция как базовая социальная единица. Таким образом, цифровое право интерпретируется его сторонниками в качестве социологически обусловленного феномена, своеобразной формы «живого права», автономного от традиционных догматических конструкций.

Выводы

Цифровое право как складывающаяся система, синтезирующая традиционные правовые формы и новые общественные практики, является актуальным полем научной рефлексии. Ее архитектонику возможно эксплицировать как методом применения макромодели (Общая / Особенная части), так и путем выявления сущностных характеристик ее предметного поля. В структуру Общей части представляется обоснованным включать нормативные положения о принципах, правосубъектности, правовом режиме ключевых объектов и инструментах правового регулирования в цифровой сфере. По мнению авторов, предметно-отраслевой критерий формирования Особенной части может быть производным от системы технологических приоритетов, установленной в рамках политики цифровой трансформации (национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства»). Каждое из приоритетных направлений (искусственный интеллект, большие данные, квантовые технологии и др.) порождает уникальный комплекс правоотношений, изучение которых требует сопоставительного анализа двух фундаментальных правовых моделей: императивного публичного регулирования и диспозитивного частного права.

Таким образом, всеобъемлющая цифровая трансформация общества, в частности сферы экономики, создает устойчивые объективные предпосылки для признания цифрового права в качестве обособленной отраслевой системы. Цифровые технологии обладают имманентной способностью не просто трансформировать, но и онтологически менять природу регулируемых отношений, порождая

принципиально новые их виды. Данный тезис опровергает распространенную точку зрения, согласно которой влияние технологий ограничивается изменением внешней формы существования правоотношений. Предлагается рассматривать цифровое право в условиях перехода к экономике данных как самостоятельную комплексную отрасль права на основании, во-первых, технологической обусловленности предмета: правоотношения, составляющие его ядро, напрямую связаны с цифровой средой, порождаются ею и не могут существовать вне технологического контекста; во-вторых, гибридной природы регулятивного метода, который характеризуется диалектическим взаимодействием публично-правового и частноправового инструментария, сочетанием государственного нормотворчества с децентрализованными формами упорядочивания и коллизией национальных юрисдикций в глобальной сети; в-третьих, формирования специальных принципов, отражающих аксиоматические основания правопорядка в виртуальном пространстве и выполняющих системообразующую функцию для данной отрасли.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Статья подготовлена в рамках работы научно-исследовательской лаборатории ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» «Доверенный ИИ для государства и бизнеса».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдукаримова, Н. Э. Цифровые права и эпоха трансформации цифрового общества / Н. Э. Абдукаримова // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 1. – С. 102–104. – DOI: 10.47643/1815-1329

2. Алтухов, А. В. Платформенное право как драйвер развития инноваций / А. В. Алтухов, И. В. Ершова, С. Ю. Кашкин // Предпринимательское право. – 2020. – № 4. – С. 17–24.

3. Амелин, Р. В. Эволюция права под воздействием цифровых технологий / Р. В. Амелин, С. Е. Чаннов. – М. : Норма, 2023. – 280 с.

4. Воронина, И. А. Цифровые права в теории и практике российского права / И. А. Воронина, А. В. Кирпичникова, В. В. Воронин // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 4. – С. 138–139. – DOI: 10.47643/1815-1329_4_138

5. Гашенко, И. В. Смарт-контракты в финансовой сфере России / И. В. Гашенко, М. Б. Хорошунов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 41–49. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.6

6. Захаров, А. Е. Феномен цифрового права. Возможен ли Цифровой кодекс? / А. Е. Захаров // Евразийская адвокатура. – 2025. – № 1 (72). – С. 154–156. – DOI: 10.52068/2304-9839_2025_72_1_154

7. Иоффе, О. С. Вопросы теории права / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – М. : Госюриздат, 1961. – 381 с.

8. Карцхия, А. А. Цифровые права и правоприменение / А. А. Карцхия // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 2 (31). – С. 43–46.

9. Минбалеев, А. В. Трансформация регулирования цифровых отношений / А. В. Минбалеев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2019. – № 12. – С. 31–36. – DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.031-036

10. Монгуш, Н. М. О юридической сущности цифровых прав / Н. М. Монгуш // Вестник магистратуры. – 2023. – № 2-1 (137). – С. 46–47.

11. Пащенко, И. Ю. Цифровые правоотношения как новое явление для системы правового регулирования / И. Ю. Пащенко // Труды по интеллектуальной собственности. – 2022. – Т. 43, № 4. – С. 21–25. – DOI: 10.17323/tis.2022.16349

12. Пленарное заседание Форума будущих технологий // Президент России. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71666

13. Рейхер, В. К. Общественно-исторические типы страхования / В. К. Рейхер. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1947. – 283 с.

14. Рожкова, М. А. Является ли цифровое право отраслью права и нужно ли ожидать появления Цифрового кодекса? / М. А. Рожкова // Хозяйство и право. – 2020. – № 4. – С. 3–12.

15. Суханов, Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» / Е. А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2021. – № 6. – С. 7–29. – DOI: 10.24031/1992-2043-2021-21-6-7-29

16. Тонков, Е. Е. Комплексные отрасли права: плодотворная идея или отказ от формальной определенности в правовой науке? / Е. Е. Тонков, В. С. Синенко // Вестник ВГУ. Серия «Право». – 2016. – № 2. – С. 53–75.

17. Хертек, А. А. Цифровые права в системе объектов гражданских прав / А. А. Хертек // Вестник магистратуры. – 2022. – № 2-2 (125). – С. 66–68.

18. Цифровое право : учебник / А. Дюфло, Л. В. Андреева, В. В. Блажеев [и др.] ; под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. – М. : Проспект, 2020. – 640 с.

REFERENCES

1. Abdukarimova N.E. Tsifrovyye prava i epokha transformatsii tsifrovogo obshchestva [Digital Rights and the Era of Transformation of the Digital Society]. *Agrarnoye i zemelnoye pravo* [Agrarian and Land Law], 2025, no. 1, pp. 102-104. DOI: 10.47643/1815-1329

2. Altukhov A.V., Yershova I.V., Kashkin S.Yu. Platformennoye pravo kak drayver razvitiya innovatsiy [Platform Law as a Driver of Innovation Development]. *Predprinimatelskoye pravo* [Business Law], 2020, no. 4, pp. 17-24.

3. Amelin R.V., Channov S.E. *Evolyutsiya prava pod vozdeystviyem tsifrovykh tekhnologiy* [The Evolution of Law Under the Influence of Digital Technologies]. Moscow, Norma Publ., 2023. 280 p.

4. Voronina I.A., Kirpichnikova A.V., Voronin V.V. Tsifrovyye prava v teorii i praktike rossiyskogo prava [Digital Rights in the Theory and Practice of Russian Law]. *Agrarnoye i zemelnoye pravo* [Agrarian and Land Law], 2025, no. 4, pp. 138-139. DOI: 10.47643/1815-1329_4_138

5. Gashenko I.V., Khoroshunov M.B. Smart-kontrakty v finansovoy sfere Rossii [Smart Contracts in the Financial Sector of Russia]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 41-49. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.6

6. Zakharov A.E. Fenomen tsifrovogo prava. Vozmozhen li Tsifrovoy kodeks? [The Phenomenon of Digital Law. Is a Digital Code Possible?]. *Yevraziyskaya advokatura* [Eurasian Advocacy], 2025, no. 1 (72), pp. 154-156. DOI: 10.52068/2304-9839_2025_72_1_154

7. Ioffe O.S., Shargorodsky M.D. *Voprosy teorii prava* [Questions of the Theory of Law]. Moscow, Gosyurizdat, 1961. 381 p.

8. Kartskhiya A.A. Tsifrovyye prava i pravoprimeneniye [Digital Rights and Law Enforcement]. *Monitoring pravoprimeneniya* [Law enforcement monitoring], 2019, no. 2 (31), pp. 43-46.

9. Minbaleev A.V. Transformatsiya regulirovaniya tsifrovykh otnosheniy [Transformation of Regulation of Digital Relations]. *Vestnik Universiteta imeni O.Ye. Kutafina* [Bulletin of the O.E. Kutafin University], 2019, no. 12, pp. 31-36. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.031-036

10. Mongush N.M. O yuridicheskoy sushchnosti tsifrovykh prav [On the Legal Essence of Digital Rights]. *Vestnik magistratury* [Bulletin of the Magistracy], 2023, no. 2-1 (137), pp. 46-47.

11. Pashchenko I.Yu. Tsifrovyye pravootnosheniya kak novoye yavleniye dlya sistemy pravovogo regulirovaniya [Digital Legal Relations as a New Phenomenon for the Legal Regulation System]. *Trudy po intellektualnoy sobstvennosti* [Works on Intellectual Property], 2022, vol. 43, no. 4, pp. 21-25. DOI: 10.17323/tis.2022.16349

12. Plenarnoye zasedaniye Foruma budushchikh tekhnologiy [The Plenary Session of the Forum of Future Technologies]. *Prezident Rossii* [The President of Russia]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71666

13. Reicher V.K. *Obshchestvenno-istoricheskiye tipy strakhovaniya* [Socio-Historical Types of Insurance]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1947. 283 p.

14. Rozhkova M.A. Yavlyayetsya li tsifrovoye pravo otrasl'yu prava i nuzhno li ozhidat poyavleniya Tsifrovogo kodeksa? [Is Digital Law a Branch of Law and Is It Necessary to Expect the Appearance of a Digital Code?]. *Khozyaystvo i pravo* [Economy and Law], 2020, no. 4, pp. 3-12.

15. Sukhanov E.A. O grazhdansko-pravovoy prirode «tsifrovogo imushchestva» [On the Civil Nature of "Digital Property"]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law], 2021, no. 6, pp. 7-29. DOI: 10.24031/1992-2043-2021-21-6-7-29

16. Tonkov E.E., Sinenko V.S. Kompleksnyye otrasli prava: plodotvornaya ideya ili otkaz ot formalnoy opredelennosti v pravovoy nauke? [Complex Branches of Law: A Fruitful Idea or a Rejection of Formal Certainty in Legal Science?]. *Vestnik VGU. Seriya «Pravo»* [Bulletin of the VSU. The Pravo Series], 2016, no. 2, pp. 53-75.

17. Hertek A.A. Tsifrovyye prava v sisteme ob'yektov grazhdanskikh prav [Digital Rights in the System of Objects of Civil Rights]. *Vestnik magistratury* [Bulletin of Magistracy], 2022, no. 2-2 (125), pp. 66-68.

18. Dyuflo A., Andreeva L.V., Blazheev V.V. et al. *Tsifrovoye pravo: uchebnik* [Digital Law. Textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 640 p.

Information About the Authors

Vadim I. Malyi, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of the Department of Corporate Economics, P.A. Stolypin Volga Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moskovskaya St, 164, 410012 Saratov, Russian Federation, 346023@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3694-6899

Svetlana V. Malaya, Lawyer, OOO "Technostar" (LLC), im. Chernyshevskogo N.G. St, 199, 410002 Saratov, Russian Federation, malayasvetl4na@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-3863-3703

Информация об авторах

Вадим Игоревич Малый, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой корпоративной экономики, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, ул. Московская, 164, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, 346023@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3694-6899

Светлана Вадимовна Малая, юрист, ООО «Техностар», ул. им. Чернышевского Н.Г., 199, 410002 г. Саратов, Российская Федерация, malayasvetl4na@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-3863-3703

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.21

UDC 347.961:347.97/.99
LBC 67.71

Submitted: 20.02.2026
Accepted: 01.06.2026

ELECTRONIC-REMOTE FORMAT OF INTERACTION BETWEEN COURTS AND NOTARIES: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

Natalia A. Kaplunova

Notary Office of Notary Penskaya N.A., Volgograd, Russian Federation

Introduction: the digitalization of many procedures of public relations takes place with the active participation of society, perceiving it through electronic-remote communication technologies. Courts and the notaries, acting as part of the information society of the Russian Federation, form a space of interaction in an electronic-remote format and directly participate in building a digital environment of trust. **Purpose:** to reveal the electronic-remote format of interaction between courts and notaries as a two-level system for protecting the rights and legitimate interests of individuals and organizations, the first element being the performance of this state function and the second element being continuous, sustainable, safe, and prompt interaction of these institutions. **Methods:** the methodological framework is based on materialist positivism, using the general scientific and specific scientific methods of cognition. The basis of the research is the method of analysis of current Russian legislation and law-enforcement practice. The special methods of cognition of legal science are applied: the comparative law, formal-legal ones, etc. **Results:** the paper identifies the systematic nature and reveals the content of the theoretical, legal, and technical components of the electronic-remote format of interaction between courts and notaries; substantiates that in their interaction, electronic justice and "digital notaries" represent a combination of progressive software and technical solutions and services operating to ensure security and legal order in the Internet space and the optimization of legal procedures on the basis of electronic document management; and determines the material, technical, and legal tasks, the solution of which will contribute to improving the electronic-remote interaction of judicial bodies and notaries. **Conclusions:** the systemic nature of the electronic-remote interaction between judicial bodies and notaries is expressed in the fact that: 1) it unites two levels of information exchange: electronic justice and "digital notaries"; 2) it operates under state control, with the participation of authorized officials; 3) it represents a set of progressive software and technical solutions, means, and services aimed at the optimization and simplification of legal procedures; 4) it is implemented through electronic document management using electronic remote communication technologies; 5) it is focused on establishing a regime of security and legal order in the Internet space.

Key words: electronic-remote communication technologies, electronic-remote format of interaction, electronic justice, "digital notaries", electronic document management, video conferencing, notarial evidence.

Citation. Kaplunova N.A. Electronic-Remote Format of Interaction Between Courts and Notaries: Issues of Theory and Practice. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 161-167. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.21

УДК 347.961:347.97/.99
ББК 67.71

Дата поступления статьи: 20.02.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

ЭЛЕКТРОННО-ДИСТАНЦИОННЫЙ ФОРМАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДА И НОТАРИАТА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Наталья Алексеевна Каплунова

Нотариальная контора нотариуса Пенской Н.А., г. Волгоград, Российская Федерация

© Каплунова Н.А., 2026

Введение: оцифровка множества процедур общественных отношений происходит при активном участии социума, воспринимающего ее посредством электронно-дистанционных коммуникационных технологий. Суды и нотариат, выступая частью информационного общества Российской Федерации, формируют пространство взаимодействия в электронно-дистанционном формате, непосредственно участвуют в построении

цифровой среды доверия. В статье поставлена **цель исследования:** раскрыть электронно-дистанционный формат взаимодействия суда и нотариата как двухуровневую систему защиты прав и законных интересов физических лиц и организаций, первый элемент которой – выполнение этой государственной функции, второй элемент – непрерывное, устойчивое, безопасное и оперативное взаимодействие указанных институтов. **Методология исследования** основывается на материалистическом позитивизме с применением общенаучных и частнонаучных методов познания. В основе исследования – метод анализа действующего российского законодательства и правоприменительной практики. Применены специальные методы познания юридической науки: сравнительно-правовой, формально-юридический и др. **Результаты:** выявлена системность, раскрыто содержание теоретической, правовой и технической составляющих электронно-дистанционного формата взаимодействия суда и нотариата; обосновано, что во взаимодействии электронное правосудие и «цифровой нотариат» есть сочетание прогрессивных программно-технических решений и сервисов, функционирующих в целях обеспечения безопасности и правопорядка в интернет-пространстве, оптимизации правовых процедур, на основе электронного документооборота; определены материально-технические и правовые задачи, решение которых будет способствовать совершенствованию электронно-дистанционного взаимодействия судебных органов и нотариата. **Выводы.** Системность электронно-дистанционного взаимодействия судебных органов и нотариата выражается в том, что: 1) объединяет два уровня информационного обмена: электронное правосудие и «цифровой нотариат»; 2) функционирует под контролем государства, с участием уполномоченных должностных лиц; 3) представляет собой совокупность прогрессивных программно-технических решений, средств и сервисов, направленных на оптимизацию и упрощение правовых процедур; 4) реализуется путем электронного документооборота с применением электронно-дистанционных коммуникационных технологий; 5) ориентирована на установление режима безопасности и правопорядка в интернет-пространстве.

Ключевые слова: электронно-дистанционные коммуникационные технологии, электронно-дистанционный формат взаимодействия, электронное правосудие, «цифровой нотариат», электронный документооборот, видео-конференц-связь, обеспечение доказательств нотариусом.

Цитирование. Каплунова Н. А. Электронно-дистанционный формат взаимодействия суда и нотариата: вопросы теории и практики // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 161–167. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.21

Введение

Взаимодействие судебных органов и нотариата российского государства имеет ряд форм, в том числе протекает в информационно-цифровом пространстве. Электронно-дистанционный формат взаимодействия указанных институтов главным образом выражен в электронном документообороте, касается текущих правовых процедур и осуществляется при помощи электронно-дистанционных коммуникационных технологий. Электронно-дистанционный формат взаимодействия суда и нотариата, как явление информационного общества, обладает признаками системы и интегрирует теоретическую, правовую и техническую составляющие.

Теоретическая составляющая взаимодействия органов нотариата и суда, в том числе в электронно-дистанционном формате, включает в себя существующие и складывающиеся концептуальные подходы к решению таких вопросов, как соотношение судебной и нотариальной форм защиты гражданских прав; место судебных органов и нотариата в системе органов гражданской юрисдикции; соотношение процессуальных статусов судьи и нотариуса; судебный контроль за совершением нотариальных действий [10, с. 44]. Фактически речь идет о научном осмыслении складывающихся практик взаимодействия суда и органов нотариата в различных областях [1]. Например, вопросы доказательственной силы установленных нотариусом фактов (преюдициального значения); разгрузки судебных органов, в том числе в случаях совершения исполнительных надписей и обеспечения доказательств нотариусом; определения баланса участия судов и нотариата в предупреждении материально-правовых споров и предотвращении нарушения прав.

Правовая составляющая представляет собой концентрированную позицию российского законодателя, выраженную в совокупности действующих и принимаемых нормативно-правовых и ведомственных актов, регулирующих взаимодействие органов суда и нотариата, в том числе электронно-дистанционное.

Техническая составляющая опирается на человеческий фактор, то есть особенности восприятия человеком информации в электронном виде, навыки и умения судей и нотариусов в сфере информационных технологий. Также техническая составляющая включает программно-технический фактор, то есть степень оснащенности и качество электронно-дистанционных коммуникационных технологий, находящихся в распоряжении органов суда и нотариата. Техническая сторона электронного взаимодействия органов суда и нотариата затрагивает вопрос привлечения узких специалистов.

Электронное правосудие и «цифровой нотариат»

Преимущества электронного правосудия связаны с упрощением и оптимизацией осуществления процессуальных действий и взаимодействия судов, физических и юридических лиц. Его базовые элементы: электронный документооборот, видео-конференц-связь и автоматизированные системы судов [11, с. 515]. В современной России функционируют Государственная автоматизированная система «Правосудие» [5] (https://ej.sudrf.ru), сервис «Мой арбитр» (https://my.arbitr.ru/#index), заседания в режиме онлайн с использованием видеоконференции. Перспективами развития электронного правосудия являются применение элементов искусственного интеллекта (доверенных технологий искусственного интеллекта), дальнейшее расширение и совершенствование существующих сервисов и оптимизация поиска и хранения баз данных судебных решений, а также расширение доступа к справочной информации.

Более 10 лет в России существует «цифровой нотариат», опирающийся на электронно-дистанционные коммуникационные технологии. На базе «цифрового нотариата» оформилась его цифровая экосистема [4, с. 110]. Цифровая экосистема современного российского нотариата характеризуется следующими чертами [7, с. 84]: 1) представляет собой совокупность цифровых продуктов и сервисов нотариата; 2) цифровой платформой является Единая информационная система нотариата; 3) нацелена на предоставление нотариальных услуг; 4) с ее помощью создаются условия электронного взаимодействия нотариусов, обеспечивается документооборот, обмен сведениями с ведомствами (Росреестром, ФНС России, Центробанком, Министерством внутренних дел РФ, органами ЗАГС, ФССП России, Социальным фондом РФ и другими органами). В 2026 г. планируется подключение нотариусов к электронному сервису Минобороны России «Витрина данных» в целях получения информации о лицах, имеющих статус участников СВО [15, с. 10]; 5) функционирует на принципах самофинансирования и безвозмездности; 6) обеспечивает конфиденциальное и безопасное взаимодействие субъектов. Цифровая экосистема российского нотариата – это прогрессивное программно-техническое решение для обеспечения безопасности и правопорядка в интернет-пространстве. Нотариальная деятельность базируется на использовании усиленной квалифицированной электронной подписи, данная деятельность автоматизирована, отвечает требованиям оперативности, удобства и экономии ресурсов, осуществляется по принципу «единого окна». Нотариусы ведут информационное самообслуживание своей повседневной работы, имея доступ к нормативным источникам информации, в том числе федерального и муниципального уровня. Нотариат отвечает требованиям электронного документооборота, выработал собственную систему для безопасного и оперативного обмена электронными документами.

Российское законодательство выделяет два способа совершения нотариальных действий на расстоянии [12, с. 264]: дистанционный и удаленный порядок. С 2023 г. при наличии подтвержденной учетной записи на портале «Госуслуги» к нотариусу можно записаться на прием через сервис «Запись на прием к нотариусу». По мнению цивилистов, перспективными для применения российскими нотариусами являются следующие информационные технологии: технологии метавселенной, квантовые коммуникации, распределенных реестров и искусственного интеллекта [6, с. 45]. При этом нельзя упускать из внимания тонкую грань между пользой и вредом таких достижений научно-технического прогресса, удобством и истинным предназначением

нотариата как института гражданской юрисдикции [8, с. 23], апеллирующего к понятиям воли и волеизъявления человека [9, с. 71].

Характеристики электронно-дистанционного формата взаимодействия суда и нотариата современной России

На практике работа системы электронно-дистанционного взаимодействия суда и нотариата заключается в следующем: обязательность использования электронной подписи; ограниченное использование (отсутствие использования) защищенных каналов связи при служебной передаче информации; интеграция информационных систем судов и нотариата в систему межведомственного электронного взаимодействия; свободный доступ и проверка необходимых сведений.

Перспективные направления развития системы электронно-дистанционного взаимодействия суда и нотариата России

На наш взгляд, развитие электронно-дистанционного формата взаимодействия органов суда и нотариата должно протекать в синхронизации с пошаговым решением ряда правовых и материально-технических задач, связанных с расширением и совершенствованием существующей системы электронно-дистанционного взаимодействия. Рассмотрим далее эти задачи.

Первое – установление требования об использовании защищенных каналов связи при обмене информацией в электронном виде, что позволит решить вопросы защиты, утраты и распространения конфиденциальной информации, в том числе персональных данных [14, с. 47], с учетом применения средств криптографической защиты информации и усиленной квалифицированной электронной подписи.

Второе, в продолжение первой задачи, – закрепление требования об унификации электронных документов суда и нотариата, а также установление форматно-логического контроля таких документов. Это упростит и сократит процедуру внутриведомственного взаимодействия, в особенности если будет реализована программно-техническая возможность отслеживания статусов направленных сообщений. Например, технические трудности иногда перерастают в правовые при направлении нотариусом ответа на запрос суда посредством электронной почты: отсутствие возможности отследить получение информации, случаи утраты электронных писем, процессуальные отсрочки в связи с несвоевременным получением ответов, повреждением и нечитаемым форматом писем.

Третье – участие нотариуса в судебном процессе посредством видео-конференц-связи как в качестве участника процесса (как правило, третьего лица), так и в качестве эксперта в судебном процессе. Подобного рода нововведение снимет множество организационных вопросов, связанных с личной явкой нотариусов для участия в процессе, а также повысит качество гражданского или арбитражного процессов. В целом это благоприятно скажется на судебной практике, связанной с нотариальной деятельностью, так как сам нотариус сможет принять непосредственное участие в ее формировании.

Четвертое – разработка программно-технического механизма представления документов в суд через нотариуса. Нотариус законодательно наделен полномочием передавать документы физических и юридических лиц другим физическим и юридическим лицам, как на бумажных носителях, так и в электронном виде в удаленном порядке на основании статей 44.3 и 86 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате». По нашему мнению, допустимо разработать сервис в программе «Клиент ЕИС» в разделе «Передача документов», позволяющий передавать по удаленным каналам связи процессуальные документы участников судебных процессов, протоколы осмотра и фиксирования нотариусами информации, размещенной в сети «Интернет», в судебные органы. Представление документов через нотариуса в судебные органы открывает возможности для разрешения ситуаций, связанных с ограниченными возможностями перемещения в другие регионы страны отдельных социальных категорий, например, участников СВО.

Пятое – правовое закрепление обязательной нотариальной формы обеспечения до-

казательств в виде осмотра информации, размещенной в сети «Интернет» [13, с. 85], в том числе в удаленном порядке совершения нотариального действия при осмотре информации в сети «Интернет». Перспективным направлением развития нотариата России выступает правовое закрепление обязанности физических и юридических лиц обращаться к нотариусу в целях обеспечения доказательства для гражданских и административных дел вместо существующего альтернативного или рекомендательного порядка обращения к нотариусу [3, с. 8]. Такой подход, в частности, в отдельных случаях поддерживается судебной практикой. Участие нотариуса в процедурах обеспечения доказательств необходимо не только для защиты прав и законных интересов граждан и организаций, но и в целях разгрузки судебных органов, для которых нотариус и готовит процессуальную доказательственную базу, включающую в себя документы в электронном формате. Подобного рода нововведения должны носить сбалансированный характер, в том числе ввиду установленных налоговым законодательством размеров государственных пошлин за подачу исков и принятых тарифов за совершение нотариальных действий.

В контексте вопроса об электронных доказательствах: в настоящее время не решен вопрос о признании судами таких доказательств, обеспеченных посредством технологии блокчейн, об их доказательственной силе, а также о способности таких доказательств конкурировать с нотариально обеспеченными протоколами осмотра информации [2, с. 61].

Заключение

Таким образом, решение вышеперечисленных задач должно быть реализовано наряду с совершенствованием программного обеспечения, доступного к использованию нотариусами и судьями, в том числе в части изменения компьютерного интерфейса, добавления новых сервисов. Итогом станет организация и функционирование безопасной, доступной, удобной и оперативной системы электронно-дистанционного взаимодействия судебных органов и нотариата, являющейся прочным щитом для защиты от вреда, который правонарушители способны нанести гражданам и организациям через интернет-коммуникации. Совместная работа судебных органов и нотариата в формате электронно-дистанционного взаимодействия должна включать мониторинг противоправных угроз в интернет-пространстве и быть направлена против нарушения авторских прав, интернет-мошенничества, киберпреступности в целом.

Взаимодействие электронного правосудия и «цифрового нотариата» есть сочетание прогрессивных программно-технических решений и сервисов, функционирующих в целях обеспечения безопасности и правопорядка в интернет-пространстве, оптимизации и упрощения правовых процедур на основе электронного документооборота. В современной России система электронно-дистанционного взаимодействия судебных органов и нотариата существует на начальной стадии своего развития. Эффективность и продуктивность функционирования данной системы напрямую влияет на качество процедур правоприменения, что, в свою очередь, находит отражение в реализации и защите прав физических и юридических лиц.

Система электронно-цифрового взаимодействия суда и нотариата в определенной степени отражает уровень зрелости охранительной системы государства. Признаки системности электронно-дистанционного взаимодействия судебных органов и нотариата: 1) объединяет два уровня информационного обмена: электронное правосудие и «цифровой нотариат»; 2) функционирует под контролем государства, с участием уполномоченных должностных лиц; 3) представляет собой совокупность прогрессивных программно-технических решений, средств и сервисов, направленных на оптимизацию и упрощение правовых процедур, 4) реализуется путем электронного документооборота с применением электронно-дистанционных коммуникационных технологий; 5) ориентирована на установление режима безопасности и правопорядка в интернет-пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аргунов, В. В. Взаимодействие нотариата и суда при обеспечении доказательств / В. В. Аргунов // Российский нотариат: 30 лет на службе государству и обществу : коллектив. моногр. / под ред. проф. Е. А. Борисовой. – М. : Городец, 2023. – С. 44–69.

2. Бегичев, А. В. Обеспечение электронных доказательств с помощью технологии блокчейн: опыт Китайской Народной Республики / А. В. Бегичев, В. К. Уткина // Нотариус. – 2025. – № 3. – С. 56–62. – DOI: 10.18572/1813-1204-2025-3-56-61

3. Бегичев, А. В. Правозащитная деятельность нотариата в сфере соблюдения прав и законных интересов участников гражданского оборота при обеспечении доказательств : дис. … д-ра юрид. наук / А. В. Бегичев. – Москва, 2016. – 367 с.

4. Богатырева, Т. Г. Цифровые HR-платформы и экосистемы в государственном управлении / Т. Г. Богатырева, С. Э. Мартынова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – № 3. – С. 108–130. – DOI: 10.22394/2071-2367-2023-18-3-108-130

5. Боднар, Е. И. ГАС «Правосудие»: что это и как подать документы в суд онлайн / Е. И. Боднар // ООО «Финансово-правовой альянс» : офиц. сайт. – URL: https://fpa.ru/info/gas-pravosudie-chto-jeto-i-kak-podat-dokumenty-v-sud-onlajn/

6. Евсиков, К. С. Регулирование использования нотариусами информационных технологий («цифровой нотариат») / К. С. Евсиков, А. А. Подъячева // Нотариальный вестник. – 2026. – № 1. – С. 38–46. – DOI: 10.53578/1819-6624_2026_1_38

7. Каплунова, Н. А. Нотариальная деятельность в условиях цифровой экономики / Н. А. Каплунова // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (27–29 нояб. 2024 г.). – Вып. 8. – М. : УМЦ, 2025. – В 4 ч. Ч. 4. – С. 78–84.

8. Кирвель, И. Ю. Цифровизация нотариальной деятельности в Республике Беларусь / И. Ю. Кирвель // Нотариальный вестник. – 2025. – № 12. – С. 23–33. – DOI: 10.53578/1819-6624_2025_12_23

9. Корсик, В. К. Нотариальная форма защиты и охраны прав: проблемы теории и практики / В. К. Корсик. – М. : Родина, 2025. – 204 с.

10. Лебедь, К. А. Судебные и нотариальные акты (действия и документы) / К. А. Лебедь // Нотариальный вестник. – 2025. – № 2. – С. 37–46. – DOI: 10.53578/1819-6624_2025_2_37

11. Лыкасов, М. Е. Проблемы и перспективы развития электронного правосудия / М. Е. Лыкасов // Вестник науки. – 2025. – № 5 (86). – С. 514–520.

12. Нуриев, А. Г. Роль цифровой среды доверия в обеспечении прав граждан и организаций как участников нотариального производства / А. Г. Нуриев // Вестник гражданского процесса. – 2022. – Т. 12, № 6. – С. 260–276. – DOI: 10.24031/2226-0781-2022-12-6-260-276

13. Порохов, М. Ю. Фиксация фейковой информации: правовые вопросы использования скриншотов в судебных разбирательствах / М. Ю. Прохоров // Российско-азиатский правовой журнал. – 2025. – № 1. – С. 81–85. – DOI: 10.14258/ralj(2025)1.12

14. Ситников, М. С. К вопросу об охране персональных данных в условиях метавселенной / М. С. Ситников // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 45–54. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.6

15. ФНП и Министерство обороны РФ подписали соглашение об информационном взаимодействии // Нотариальная панорама. – 2025. – Дек. – С. 10.

REFERENCES

1. Argunov V.V. Vzaimodeystvie notariata i suda pri obespechenii dokazatelstv [Cooperation Between the Notary Office and the Court in Providing Evidence]. *Rossiyskiy notariat: 30 let na sluzhbe gosudarstvu i obshhestvu: kollektiv. monogr.* [Russian Notary Service: 30 Years in the Service of the State and Society. Collective Monograph]. Moscow, Gorodets Publ., 2023, pp. 44-69.

2. Begichev A.V., Utkina V.K. Obespechenie elektronnykh dokazatelstv s pomoshh'yu tekhnologii blokcheyn: opyt Kitayskoy Narodnoy Respubliki [Ensuring Electronic Evidence Using Blockchain Technology: The Experience of the People's Republic of China]. *Notarius* [Notary], 2025, no. 3. pp. 56-62. DOI: 10.18572/1813-1204-2025-3-56-61

3. Begichev A.V. *Pravozashhitnaya deyatelnost notariata v sfere soblyudeniya prav i zakonnykh interesov uchastnikov grazhdanskogo oborota pri obespechenii dokazatelstv: dis. ... d-ra yurid. nauk* [The Notary's Human Rights Activities in Ensuring Compliance with the Rights and Legitimate Interests of Participants in Civil Circulation When Providing Evidence. Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2016. 367 p.

4. Bogatyreva T.G., Martynova S.E. Tsifrovye HR-platformy i ekosistemy v gosudarstvennom upravlenii [Digital HR platforms and Ecosystems in Public Administration]. *Srednerusskiy vestnik obshhestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences], 2023, no. 3. pp. 108-130. DOI: 10.22394/2071-2367-2023-18-3-108-130

5. Bodnar E.I. GAS «Pravosudie»: chto eto i kak podat dokumenty v sud onlayn [GAS "Justice": What Is It and How to Submit Documents to Court Online]. *OOO «Finansovo-pravovoy alyans»: ofits. sayt* [Financial and Legal Alliance LLC. Official Website]. URL: https://fpa.ru/info/gas-pravosudie-chto-jeto-i-kak-podat-dokumenty-v-sud-onlajn/

6. Evsikov K.S., Podyacheva A.A. Regulirovanie ispolzovaniya notariusami informacionnykh tekhnologiy («tsifrovoy notariat») [Regulation of the Use of Information Technologies by Notaries ("Digital Notary")]. *Notarialny vestnik* [Notary's Bulletin], 2026, no. 1, pp. 38-46. DOI: 10.53578/1819-6624_2026_1_38

7. Kaplunova N.A. Notarialnaya deyatelnost v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki [Notary Activity in the Digital Economy]. *Bolshaya Evraziya: razvitie, bezopasnost, sotrudnichestvo: materialy VII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (27–29 noyab. 2024 g.)* [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation: Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference (November 27–29, 2024)], iss. 8. Moscow, UMTs, 2025, in 4 pts., pt. 4, pp. 78-84.

8. Kirvel I.Yu. Tsifrovizatsiya notarialnoy deyatelnosti v Respublike Belarus [Digitalization of Notary Activities in the Republic of Belarus]. *Notarialny vestnik* [Notary's Bulletin], 2025, no. 12, pp. 23-33. DOI: 10.53578/1819-6624_2025_12_23

9. Korsik V.K. *Notarialnaya forma zashhity i okhrany prav: problemy teorii i praktiki* [Notary Form of Protection and Enforcement of Rights: Problems of Theory and Practice]. Moscow, Rodina Publ., 2025. 204 p.

10. Lebed K.A. Sudebnye i notarialnye akty (deystviya i dokumenty) [Judicial and Notarial Acts (Actions and Documents)]. *Notarialny vestnik* [Notary's Bulletin], 2025, no. 2, pp. 37-46. DOI: 10.53578/1819-6624_2025_2_37

11. Lykasov M.E. Problemy i perspektivy razvitiya elektronnogo pravosudiya [Problems and Prospects Development of Electronic Justice]. *Vestnik nauki* [Bulletin of Science], 2025, no. 5 (86), pp. 514-520.

12. Nuriev A.G. Rol tsifrovoy sredy doveriya v obespechenii prav grazhdan i organizatsiy kak uchastnikov notarialnogo proizvodstva [The Role of the Digital Trust Environment in Ensuring the Rights of Citizens and Organizations as Participants in Notary Proceedings]. *Vestnik grazhdanskogo processa* [Bulletin of the Civil Procedure], 2022, vol. 12, no. 6, pp. 260-276. DOI: 10.24031/2226-0781-2022-12-6-260-276

13. Porokhov M.Yu. Fiksatsiya feykovoy informatsii: pravovye voprosy ispolzovaniya skrinshotov v sudebnykh razbiratelstvakh [Capturing Fake Information: Legal Issues of Using Screenshots in Legal Proceedings]. *Rossiysko-aziatskiy pravovoy zhurnal* [Russian-Asian Law Journal], 2025, no. 1, pp. 81-85. DOI: 10.14258/ralj(2025)1.12

14. Sitnikov M.S. K voprosu ob okhrane personalnykh dannykh v usloviyakh metavselennoy [Revisiting Personal Data Protection in the Context of the Metaverse]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 45-54. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.6

15. FNP i Ministerstvo oborony RF podpisali soglashenie ob informatsionnom vzaimodeystvii [The Federal Service for Financial Markets and the Ministry of Defense of the Russian Federation Signed an Agreement on Information Cooperation]. *Notarialnaya panorama* [Notary Panorama. Newspaper. Supplement to the Scientific and Practical Journal Notarial Vestnik], 2025, Dec., p. 10.

Information About the Author

Natalia A. Kaplunova, Assistant to Notary, Notary Office of Notary Penskaya N.A., Prosp. im. V.I. Lenina, 36, 400005 Volgograd, Russian Federation, NATmj@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-6785-9379

Информация об авторе

Наталья Алексеевна Каплунова, помощник нотариуса, нотариальная контора нотариуса Пенской Н.А., просп. им. В.И. Ленина, 36, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, NATmj@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-6785-9379

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.22

UDC 342:614
LBC 67.401.124

Submitted: 10.03.2026
Accepted: 01.06.2026

CHANGES IN THE PROCEDURE FOR THE PROVISION OF MEDICAL CARE USING TELEMEDICINE TECHNOLOGIES IN RUSSIA [1]

Maria A. Kovalenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper deals with the study of changes in the legal regulation of telemedicine at the by-law level. It compares the Procedure for the Organization and Provision of Medical Care Using Telemedicine Technologies approved by the Ministry of Health of Russia in 2025 with the previously valid by-law normative legal act in this area. It notes the problems of the legal regulation of the use of digital innovations in medicine that hinder its development. It also analyzes the provisions of the experimental legal regimes in the field of telemedicine introduced in Russia and their correlation with the new general regulation of medical care using digital innovations. The **purpose** is to analyze the changes that occurred in the legal regulation of telemedical care in 2025. **Methods:** the methodological framework includes the general scientific methods of cognition, as well as the special legal methods, including the comparative-law one. **Conclusions:** the new Procedure for the Organization and Provision of Medical Care Using Telemedicine Technologies does not differ significantly from the previous Procedure. The legal technique of the normative legal act was modified, making it more understandable. A qualitative change is the inclusion of the medical worker's authority to use clinical decision support systems.

Key words: telemedicine, general regulation, experimental legal regime, telemedicine technologies, health.

Citation. Kovalenko M.A. Changes in the Procedure for the Provision of Medical Care Using Telemedicine Technologies in Russia. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 168-173. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.22

УДК 342:614
ББК 67.401.124

Дата поступления статьи: 10.03.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОРЯДКЕ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕЛЕМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ [1]

Мария Андреевна Коваленко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: настоящая работа посвящена исследованию изменений в правовом регулировании телемедицины на подзаконном уровне. Сравниваются утвержденный Министерством здравоохранения Российской Федерации в 2025 г. Порядок организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий и ранее действовавший в указанной сфере подзаконный нормативный правовой акт. Отмечаются проблемы правовой регламентации использования цифровых инноваций в медицине, сдерживающие ее развитие. Также анализируются положения введенных на территории России экспериментальных правовых режимов в области телемедицины, их корреляция с новым общим регулированием оказания медицинской помощи с использованием цифровых инноваций. **Целью** выступает анализ изменений, произошедших в правовом регулировании оказания телемедицинской помощи в 2025 году. **Методология** исследования включает в себя общенаучные методы познания, а также специально-юридические, в том числе сравнительно-правовой. **Выводы:** новый Порядок организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий существенно не отличается от прежнего Порядка. Была изменена юридическая техника нормативного правового акта, что позволило сделать его более понятным. Качественным изменением является включение правомочия медицинского работника по использованию систем поддержки принятия врачебных решений.

Ключевые слова: телемедицина, общее регулирование, экспериментальный правовой режим, телемедицинские технологии, здравоохранение.

© Коваленко М.А., 2026

Цитирование. Коваленко М. А. Изменения в порядке оказания медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий в России // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 168–173. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.22

Введение

Современный этап развития здравоохранения в Российской Федерации характеризуется активным внедрением цифровых технологий для повышения качества и доступности медицинской помощи, упрощения документооборота. Эти процессы не могут происходить без опоры на соответствующее правовое регулирование. Цифровизация медицины несовместима с традиционным консервативным подходом. Для этого требуются новаторские разработки, инициативность, активность, готовность к рискам и оперативность разрешения трудных ситуаций. Вышеизложенное предопределяет характер правового воздействия, которое должно быть гибким, не сковывать субъектов права излишними правовыми требованиями, запретами.

Это привело к формированию двух уровней правовой регламентации общественных отношений по использованию телемедицинских технологий: общему и экспериментальному регулированию. Был принят Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций» от 31.07.2020 № 258-ФЗ [2] (далее – Закон № 258-ФЗ). Впоследствии название было изменено, а также добавлено указание на технологические инновации как объект экспериментального правового режима. Закон № 258-ФЗ предполагает, что на территории Российской Федерации могут устанавливаться экспериментальные правовые режимы по определенным, наиболее приоритетным направлениям развития общества. В соответствии с ч. 2 ст. 2 Закона № 258-ФЗ к таким направлениям относится медицинская деятельность. В рамках Закона № 258-ФЗ Правительство Российской Федерации, как уполномоченный на то орган, ввел два экспериментальных правовых режима по использованию телемедицинских технологий. В 2022 г. стартовал экспериментальный правовой режим по развитию инициативы социально-экономического развития Российской Федерации «Персональные медицинские помощники»[3]. Затем в 2023 г. был установлен экспериментальный правовой режим по применению телемедицинских технологий в ходе дистанционной консультации [4].

В период установления вышеуказанных экспериментальных правовых режимов действовал Порядок организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий от 30.11.2017 № 965н (далее – прежний Порядок) [5]. Этот нормативный правовой акт являлся частью общего регулирования – другого уровня правового регулирования, который действует на постоянной основе в отношении неопределенного круга лиц.

Однако 11.04.2025 Минздрав России принял новый Порядок организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий (далее – новый Порядок) [6], который еще не стал предметом широкого обсуждения в научном сообществе. Думается, что его изучение, сравнение с прежним Порядком и введенными экспериментальными правовыми режимами является важным для определения векторов развития правового регулирования телемедицинской помощи в России.

Действие нового Порядка ограниченно во времени: с 01.09.2025 по 01.09.2031. Прежний Порядок не предусматривал правовых норм об утрате им силы по истечении определенного периода. Наличие конкретно установленных ограниченных временных рамок действия правовых норм является одним из признаков экспериментального правового режима. По общему правилу экспериментальный правовой режим не может проводиться более трех лет. Однако существует возможность неоднократного продления.

Прежний Порядок закреплял условия и порядок проведения применительно к каждому из видов взаимодействия с применением телемедицинских технологий. Общие правила для всех видов не предусматривались. Новый Порядок, напротив, устанавливает общие положения.

Нововведением является возможность лечащего врача прибегнуть к системе поддержки принятия врачебных решений при проведении отложенной консультации. Данные сис-

темы поддержки должны быть медицинскими изделиями – программами обеспечения с применением технологий искусственного интеллекта и быть зарегистрированы в установленном порядке. До официального закрепления такой правовой возможности врачи уже использовали искусственный интеллект в своей профессиональной деятельности. Это реализовывалось посредством дистанционного наблюдения за состоянием здоровья с использованием медицинских изделий с технологиями искусственного интеллекта. Но без правового регулирования такого способа применения телемедицинских технологий он оставался в серой зоне. Подобные изделия выступают передовым фактором в развитии медицинской сферы. Медицинские организации, которые также являются участниками гражданского оборота, заинтересованы в получении такого конкурентного преимущества.

Государство поддержало инициативное предложение медицинского сообщества по введению экспериментального правового режима в области дистанционного наблюдения за состоянием здоровья пациентов посредством медицинских изделий по сбору и обработке медицинских показателей (постановление Правительства Российской Федерации от 09.12.2022 № 2276). В январе 2026 г. указанный экспериментальный правовой режим был завершен. Его результаты были признаны успешными еще в 2024 г., они должны повлечь изменение общего регулирования [7].

Полагаем, что итоги реализации экспериментального правового режима «Персональные медицинские помощники» нашли отражение в вышеупомянутом положении нового Порядка. Это важный и необходимый шаг по продвижению использования искусственного интеллекта в медицине. Такие медицинские изделия позволяют непрерывно наблюдать за течением хронических и сердечно-сосудистых заболеваний, диабета. Это значимо для оперативного принятия критически важных врачебных решений [5, с. 39]. Возможность использования системы поддержки принятия врачебных решений устанавливается также применительно к такому виду оказания медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий, как дистанционное наблюдение (пункт 45).

В научной среде давно исследуется вопрос о возможности снятия жесткого правового запрета на установление диагноза дистанционно. В некоторой степени он был смягчен при учреждении экспериментального правового режима в сфере телемедицины в 2023 году. В рамках него осуществляется опытная проверка механизма дистанционной корректировки лечения или назначения лечения при его отсутствии другим врачом, если диагноз был установлен в ходе очного осмотра лечащим врачом. По настоящее время указанный экспериментальный правовой режим не завершен, поэтому невозможно подвести окончательные итоги успешности предлагаемых изменений в медицинской сфере. Но ученые также продолжают призывать к изменению подхода к ограничениям в области постановки диагноза и определения лечения в ходе удаленной консультации. А.В. Дашин, И.А. Силютин предполагают, что для отдаленных и труднодоступных территорий необходимо установить послабления [1, с. 108]. И.А. Шадеркин обосновывает необходимость закрепления правовых норм о постановке диагноза дистанционно в подзаконных актах и клинических рекомендациях. Установление правового запрета на определение диагноза пациента только на очном приеме на уровне федерального закона подрывает профессиональную свободу врача [6, с. 65]. М.Ю. Старчиков выдвигает идею о том, что по различным категориям заболеваний возможна постановка диагноза дистанционно [4].

Новый и прежний Порядок организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий закрепляют одинаковые правовые нормы о дистанционной консультации в формате «врач – пациент». В ходе такой дистанционной консультации лечащий врач наделен правом на корректировку лечения, формирование рецептов на лекарственные средства в электронной форме. Обязательное условие для реализации права – диагноз был установлен лечащим врачом на очном приеме (осмотре, консультации). Отличием экспериментального правового режима выступает установление положения о том, что пациент может обратиться к другому врачу, который не ставил непосредственно диагноз, но работает в той же медицинской

организации, что и врач, наблюдавший его очно, и обладает специальным стажем более 7 лет [2, с. 65].

Прежний Порядок выделял в качестве участников телемедицинской консультации формата «врач – пациент» пациента и (или) его законного представителя, медицинского работника (пункт 44). Новый Порядок вносит изменения в перечень профессиональных субъектов. Ими выступают лечащий врач, консультант (врачи – участники консилиума) (пункт 35). Думается, это не меняет сущностно данного вида телемедицинской консультации. Понятие «медицинский работник» является более широким, поэтому под ним в прежнем Порядке понимался как лечащий врач, так и врач-консультант. Это вытекает в том числе из дальнейших положений прежнего Порядка. Так, выбор консультирующей медицинской организации и врача-консультанта при проведении удаленной консультации в соответствии с программой государственных гарантий осуществляется в установленном порядке (пункт 45).

Также был дополнен перечень информации, с которой должен быть ознакомлен пациент при обращении за дистанционной медицинской консультацией. Теперь требуется предоставить сведения о существенных условиях договора на оказание платных медицинских услуг, если консультация будет осуществляться на платной основе.

Прежний Порядок содержал положение об объеме ответственности врача-консультанта. В соответствии с пунктом 9 консультант (врачи – участники консилиума) ответственен только за рекомендации, подготовленные в связи с организованной телемедицинской консультацией, но исключительно в пределах выданного им медицинского заключения. В новом Порядке какие-либо правовые нормы об ответственности медицинских работников при оказании медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий отсутствуют. Это является существенным недостатком.

В качестве еще одного недостатка правового регулирования, сдерживающего развитие телемедицины, обозначают строгие требования к помещению, в котором оказывается медицинская помощь. В.О. Макаров отмечает, что отсутствуют исключения из общих требований к характеристикам такого помещения при предоставлении медицинской помощи в традиционной форме. Многие из этих требований сопряжены с обеспечением безопасности пациента при его очном посещении медицинской организации. Такие требования избыточны, если медицинская помощь оказывается дистанционно, влечет увеличение издержек [3, с. 229]. Новый Порядок не закрепляет какие-либо специальные нормы для устранения вышеуказанного недостатка. Только указывается, что медицинская организация, в которой работает медицинский работник, оказывающий медицинскую помощь дистанционно, должна предоставить ему помещение, средства связи, оборудование. Если телемедицинская консультация осуществляется вне медицинской организации или амбулаторно, то медицинская организация должна передать медицинскому работнику необходимые мобильные средства связи и оборудование (пункт 5).

Оба порядка не регулируют вопрос, связанный с установлением признаков выздоровления пациента, закрытия больничного листа лечащим врачом. Возникает закономерный вопрос: «Если корректировка лечения возможна в дистанционном порядке, то вправе ли врач также дистанционно убедиться в полном излечении пациента?» Полагаем, что в отношении данной ситуации должны по аналогии применяться положения о возможности постановки диагноза. Если невозможно определить диагноз пациента дистанционно, то и установить признаки отсутствия заболевания лечащий врач не вправе дистанционно. Однако 26.12.2025 Минздрав России разъяснил, что лечащий врач вправе дистанционно убедиться в факте выздоровления пациента, но только с помощью национального мессенджера. Лечащий врач может назначить очный прием при появлении сомнений в состоянии здоровья пациента [8].

Заключение

В целом новый и прежний Порядок организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий схожи. В новом Порядке предусмотрены возможности использования лечащим врачом искусственного интеллекта, в том числе при

обработке сведений о состоянии здоровья при осуществлении дистанционного наблюдения. Существенным отличием является установление заранее определенного временного периода действия нового Порядка. Преимущественно же изменения связаны с совершенствованием юридической техники нормативного правового документа. При этом многие барьеры для развития телемедицинских технологий не были сняты утверждением нового Порядка.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-78-10175, https://rscf.ru/project/23-78-10175/

The study is financially supported by the Russian Science Foundation, project № 23-78-10175, https://rscf.ru/project/23-78-10175/

[2] Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации». – URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=511291&dst=100001#4HZpPBVQ1Y4iM9PG1

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 09.12.2022 № 2276 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности с применением технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозов граждан в отношении реализации инициативы социально-экономического развития Российской Федерации "Персональные медицинские помощники"» // Официальное опубликование правовых актов. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012 02212150019

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 18.07.2023 № 1164 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан» // Официальное опубликование правовых актов. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/00012023 07200023

[5] Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30.11.2017 № 965н «Об утверждении Порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» (зарегистр. 09.01.2018 № 49577) // Официальное опубликование правовых актов. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/000120180 1100021

[6] Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 11.04.2025 № 193н «Об утверждении Порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» (зарегистр. 15.05.2025 № 82181) // Официальное опубликование правовых актов. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505150033

[7] Минэкономразвития считает успешными итоги эксперимента по персональным медицинским помощникам // Министерство экономического развития Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_schitaet_uspeshnymi_itogi_eksperimenta_po_personalnym_medicinskim_pomoshchnikam.html

[8] Письмо Минздрава России от 26.12.2025 № 18-0/И/2-25982 «О направлении Разъяснений по вопросу возможности проведения экспертизы временной нетрудоспособности с целью закрытия листков временной нетрудоспособности при оказании медицинской помощи с применением телемедицинских технологий с использованием национального мессенджера» (вместе с "Разъяснениями по вопросу возможности проведения экспертизы временной нетрудоспособности с целью закрытия листков временной нетрудоспособности при оказании медицинской помощи с применением телемедицинских технологий с использованием национального мессенджера")». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc _LAW_526509/

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дашин, А. В. Правовые аспекты применения телемедицины в платных медицинских услугах государственными учреждениями здравоохранения / А.В. Дашин, И. А. Силютин // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 106–108. – DOI: 10.47643/1815-1337_2025_2_106

2. Коваленко, М. А. Экспериментальный правовой режим: текущее состояние и проблемы / М. А. Коваленко // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 61–67. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.8

3. Макаров, В. О. Избыточность лицензионных требований как барьер для применения телемедицинских технологий / В. О. Макаров // Байкальские компаративистские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2025. – С. 226–232.

4. Старчиков, М. Ю. К вопросу о правовой регламентации телемедицины: зарубежный опыт, проблемные вопросы и судебная практика / М. Ю. Старчиков. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Чопанова, А. О. Развитие телемедицины с применением искусственного интеллекта и 5G / А. О. Чопанова // ACADEMY. – 2025. – № 2 (82). – С. 39–44.

6. Шадеркин, И. А. Барьеры телемедицины и пути их преодоления / И. А. Шадеркин // Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения. – 2022. – № 8 (2). – С. 59–76. – DOI: 10.29188/2712-9217-2022-8-2-59-76

REFERENCES

1. Dashin A.V., Silyutin I.A. Pravovyye aspekty primeneniya telemeditsiny v platnykh meditsinskikh uslugakh gosudarstvennymi uchrezhdeniyami zdravookhraneniya [Legal Aspects of the Application of Telemedicine in Paid Medical Services by Public Healthcare Institutions]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: The Theory and Practice], 2025, no. 2, pp. 106-108. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_2_106

2. Kovalenko M.A. Eksperimentalny pravovoy rezhim: tekushcheye sostoyaniye i problemy [Experimental Legal Regime: Current Status and Challenges]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 61-67. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.8

3. Makarov V.O. Izbytochnost litsenzionnykh trebovaniy kak bar'er dlya primeneniya telemeditsinskikh tekhnologiy [Redundancy of Licensing Requirements as a Barrier to the Use of Telemedicine Technologies]. *Baykalskiye komparativistskiye chteniya: materialy Mezhdunar. nauch-prakt. konf*. [Baikal Comparativistic Readings. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Irkutsk, 2025, pp. 226-232.

4. Starchikov M.Yu. K voprosu o pravovoy reglamentatsii telemeditsiny: zarubezhnyy opyt, problemnyye voprosy i sudebnaya praktika [On the Issue of Legal Regulation of Telemedicine: Foreign Experience, Problematic Issues and Judicial Practice]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

5. Chopanova A.O. Razvitiye telemeditsiny s primeneniyem iskusstvennogo intellekta i 5G [Development of Telemedicine Using Artificial Intelligence and 5G]. *ACADEMY*, 2025, no. 2 (82), pp. 39-44.

6. Shaderkin I.A. Bar'ery telemeditsiny i puti ikh preodoleniya [Barriers of Telemedicine and Ways to Overcome Them]. *Rossiyskiy zhurnal telemeditsiny i elektronnogo zdravookhraneniya*, 2022, no. 8 (2), pp. 59-76. DOI: 10.29188/2712-9217-2022-8-2-59-76.

Information About the Author

Maria A. Kovalenko, Postgraduate Student, Junior Researcher, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, pra-241_553745@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-8412-7900

Информация об авторе

Мария Андреевна Коваленко, аспирант, младший научный сотрудник кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, pra-241_553745@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-8412-7900

Миссия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – поддержка научных исследований в области юриспруденции, создание международной дискуссионной площадки для обсуждения исторических закономерностей и актуальных проблем современного права как теоретического, так и прикладного характера; публикация основных результатов, полученных в ходе написания диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук, а также научных исследований, издаваемых при финансовой поддержке научных фондов. Миссия журнала реализуется посредством формирования высокопрофессиональной и этичной редакционной политики, позволяющей выпускать издание высокого качества, в котором поддерживаются лучшие практики высшей школы, традиции академической культуры и публикуются творческие оригинальные научные статьи, хроники научной жизни, критические и библиографические обзоры российских и зарубежных исследователей.

Журнал «Legal Concept = Правовая парадигма» включает следующие рубрики: Главная тема номера; Теория и практика государственно-правового развития; Вопросы частноправового регулирования: история и современность; Правовые проблемы охраны окружающей среды и использования природных ресурсов; Процессуальное право: вопросы теории и правоприменения; Противодействие преступности и дифференциация уголовной ответственности; Международное право и сравнительное правоведение; Критика и библиография; Хроника научной жизни.

Совокупность рубрик журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» соответствует группе научных специальностей 5.1. Право Номенклатуры специальностей научных работников.

The mission of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal is to support research in the field of law; to provide an international platform for discussing historical patterns and urgent issues of modern law, both theoretical and applied ones; to publish the main results obtained in the course of writing theses for the degree of Candidate and Doctor of Sciences (Jurisprudence), as well as studies funded by scientific foundations. The mission of the journal is implemented through forming a highly professional and ethical editorial policy, which allows to create a high-quality publication, which supports the best practices of higher education, traditions of academic culture and publishes creative original scientific articles, chronicles of scientific life, criticism and bibliographic reviews of Russian and foreign researchers.

Legal Concept = Pravovaya paradigma journal includes the following sections: Mainstream Issue; Theory and Practice of State and Legal Development; Private Law Regulation Issues: History and Contemporaneity; Legal Issues of Environmental Protection and Use of Natural Resources; Procedural Law: Theory and Law Enforcement Issues; Crime Prevention and Legal Liability Differentiation; International Law and Comparative Jurisprudence; Criticism and Bibliography; Chronicle of Scientific Life.

The sections of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal correspond to the group of scientific specialities 5.1. Law according to the Nomenclature of specialities of academic researchers.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik5@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik5@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Legal Concept = Правовая парадигма».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: https://j.jvolsu.com (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of the journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant, must have novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik5@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik5@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Legal Concept = Pravovaya paradigma* printed periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles please refer to the journal's website https://j.jvolsu.com/index.php/en/ (section "For Author").

ISSN 2587-8115
02>
9 772587 811263